

Борис Бурда
Происхождение тютельки
www.megabook.do.am

От автора

Масса народа уверена в том, что знающий, эрудированный человек от чувства юмора обычно далек не меньше, чем, скажем, Челябинский тракторный завод от Парижа или штат Техас от Одессы. Спорить эрудированный человек с таким утверждением заведомо не будет. Во-первых, потому что явной ахинее не следует возражать, достаточно просто пожать плечами. А во-вторых, потому что еще со времен Отечественной войны 1812 года основанное вернувшимися из славного похода казаками село Париж именно в Челябинской области и расположено (там для большего сходства даже Эйфелеву башню возвели, маленькую, но очень похожую). Да и город Одесса в штате Техас тоже есть, президент США Джордж Буш-старший именно около нее свои первые миллионы на нефти зарабатывал. Так что лишних поводов улыбнуться как раз у эрудита хоть лопатами грузи.

Как вообще человеку мало знающему изучать, скажем, историю – ума не приложу. Все равно, что учить на вокзале наизусть железнодорожное расписание – зубришь кучу монотонных дат и названий населенных пунктов, пока где-то рядом не услышишь «Ту-ту!», что означает «Поезд уже ушел...» А забавные подробности жизни исторических персонажей делают историю живой. Сотни книг о бессмысленных бюрократических ритуалах средневекового Китая расскажут о них меньше, чем история о том, как император Сюаньцзун принял чудодейственное лекарство для обретения бессмертия, от которого и скончался в страшных мучениях. Что может поведать нам о спартанцах точнее и глубже, чем их ответ на требование Александра Македонского считать его богом – «Если Александру угодно быть богом, пусть будет»? Пояснит ли куча профессоров характер героев исландских саг лучше, чем одна-единственная фраза из «Саги о Ньяле» – «Гуннар был так спокоен, что его держал всего один человек»? Можно ли лучше обрисовать храбрость древних скифов, не боящихся даже грозного персидского царя, чем просто рассказать о том единственном, чего они боялись, – чтоб небо не упало им на головы? Что еще можно добавить к описанию нравов при Людовике XIV после истории о том, как одному придворному сказали шутки ради, что скоро появится новая должность – Каминный Экран Его Величества, – и он начал тренироваться, чтоб ее занять, причем так

усердно, что довольно сильно обгорел? Исторические факты, вызывающие легкую улыбку, и более показательны, и лучше запоминаются.

Историческое лицо или событие сами по себе – лишь скучные буквы и цифры. А когда они для нас оживлены забавными и парадоксальными фактами, связанными с ними воедино, они оживают и в любой момент выскакивают из закоулков памяти в полное наше распоряжение. Вот, скажем, король Людовик Тринадцатый – чем, кроме порядкового номера, он отличается от Людовика Двенадцатого, не говоря уже об Одиннадцатом? Прежде всего тем, что Атос, Портос и Арамис были именно его королевскими мушкетерами. Как только это вспомнишь, уже не перепутаешь его ни с кем. Разве не проще его вспомнить, если еще и знаешь, что в свободное от королевствования время этот монарх еще и выращивал в своем королевском огороде ранний горошек? По его поручению плоды его трудов продавали на рынке, пополняя казну, а когда какой-то вельможа купил этот горошек на рынке и, не зная о его происхождении, преподнес его в подарок выращившему его царственному огороднику, тот был на седьмом небе от счастья – и денежки от продажи получил, и с товаром расставаться не пришлось, вот ведь экономия какая! Более того, Его Величество научился вполне прилично готовить, да еще и овладел непростым ремеслом цирюльника, тренируясь на бородах дежурящих при дворе офицеров – кто ему откажет? Один из придуманных им фасонов бородки даже вошел в моду, что не так уж и удивительно. Вдобавок он чеканил недурные медали и монеты, да еще и изготавливал собственноручно массу принадлежностей для любимой им охоты – ковал ружья, плел тенета, а уходящее искусство соколиной охоты знал так, что просто не имел себе в этом равных. Вот само собой и становится ясным, почему настоящим королем при этом мастере на все руки был кардинал Ришелье – у него, не занятого всем этим рукоделием, хотя бы находилось время на государственные дела.

То, что касается истории древней и средневековой, и к новейшей относится в полном объеме. Когда в нашей некогда общей стране начались великие перемены со всем известными последствиями, на наше сознание, помимо всего прочего, обрушился еще и поток малопонятных слов – ваучер, дефолт, рейтинг, инаугурация, импичмент и прочие вокабулы, которые не всегда удавалось найти даже в словарях иностранных слов. Это уже не говоря о том, что некоторые слова, о которых мы знали сугубо теоретически и считали их совершенно ненужными в нашей повседневной жизни, вдруг начали непосредственно на эту самую повседневную жизнь влиять – таможня, налоги, реклама, выборы, кризисы и прочая, и прочая... Вот тогда и появилась у меня серия статей о том, что же связывали люди с этими словами в разные моменты многострадальной истории нашей страны и даже планеты – авось поможет сориентироваться в справедливо обруганные мудрыми китайцами интересные времена. Видимо, все это показалось кому-то интересным: эти статьи публиковались и в Москве, и в Киеве, и даже в самой Одессе – в юмористическом журнале «Фонтан».

Кстати, именно в этом журнале и появилась впервые еще одна серия статей – о ярких, парадоксальных и смешных моментах жизни различных человеческих сообществ, профессиональных, социальных и даже вообще не человеческих, поскольку о смешных животных здесь тоже есть. Любая профессия, увлечение или какая угодно иная объединяющая особенность имеет свои маленькие профессиональные тайны и хитрости, непонятные для непосвященных. И величественные поступки королей, и творческие будни музыкантов, и романтические плавания моряков, и хитроумные маневры политиков, и мировые рекорды спортсменов, и вредные для здоровья шедевры искусства поваров для человека, малость осведомленного в истории этих полезных ремесел, не говоря уже о мировой истории вообще, просто полны любопытными забавностями, которые и знать полезно, и вспомнить без легкой улыбки весьма затруднительно.

И в завершение этого, надеюсь, не очень затянувшегося вступления скажу: если вам будет хоть вполовину так же приятно читать эту книжку, как мне было ее писать, вы явно не соскучитесь.

На этой оптимистической ноте и приступим.

Б. Б.

ЭТИ СМЕШНЫЕ ЛЮДИ, ПРОФЕССИИ. ЗАНЯТИЯ, ХОББИ...

Смех по-королевски

Трудно и смешно быть королем. Очень уж много почета. Сиамский король как-то раз утонул на глазах у десятков придворных. Чтоб спасти его, было достаточно протянуть руку, но никто не пошевелил и пальцем. Прикоснуться к королю – совершить святотатство, а на все прочее – воля богов. Причем такие нравы царили не только на Востоке. Когда лошадь испанской королевы понесла, два героических офицера догнали ее, спасли королеву – и рысью помчались в изгнание, от неминуемой казни. Прикоснулись к Ее Величеству – будьте добры, пожалуйте на плаху, а зачем вы это сделали – этикета не касается.

Страшная сила этот этикет! Когда будущей испанской королеве Анне в одном из городов, которые она посетила по пути следования к жениху, мэру этого города преподнес дюжину шелковых чулок – образец продукции местной фабрики, мажордом сурово оттолкнул его и сказал: «У королев нет ног!»... А известный историк Иоганн Христиан Люннинг в своей книге «Театр церемоний», изданной в Лейпциге в 1719 году, так описывал супружеский визит испанского короля к королеве: «На ногах у него тапки, на плечи накинут черный шелковый халат, в правой руке – обнаженная шпага, в левой – ночник, слева с запястья свисает на ленте бутылка, служащая в качестве ночной вазы». Как в таких условиях еще и принцем обзавестись – ума не приложу!

Впрочем, нелегко быть и принцем. Принца Уэльского, отданного отцом в начале прошлого века в кадетский корпус, соученики били как сидорову козу – по поводу и без повода. Никаких республиканских чувств за этим не таилось. Просто все не могли отказаться от того, чтоб когда-то в будущем не обронить в компании похода: «Наш король? Помню... Ох и набил же я ему морду в свое время!»

Так повелось испокон – в Англии принцам Уэльским всегда достается на орехи. Не исключая нынешнего. Человек активный, силы кипят, а делать-то что? В итоге одна английская газета поместила недавно такое объявление: «Требуется работа. Выпускник Кембриджа ищет интересную должность. Много ездил по разным странам, имеет отличные связи, компетентный оратор, умело организует пожертвования на благотворительные цели, обладает несомненными данными к лидерству. Служил на флоте, в авиации, женат, двое сыновей. Размер оклада значения не имеет». Масса народа удивлялась, почему же такой человек томится без дела. А что ему делать? Начал он заниматься социальными программами, предназначенными для помощи безработным, – тут же ехидный парламентарий Норман Тэббитс заметил, что совершенно ясно, что принц жалеет безработных, будучи сам в таком же положении.

А вы думаете, французские дофины легче жили? Генрих IV воспитывал своего сына, будущего Людовика XIII, вместе с детьми, которых ему родила одна из его многочисленных любовниц – Генриетта де Верней, и жестоко порол наследника престола за каждую провинность. А на вопли королевы: «С вашими ублюдками вы бы так не поступили!» – он отвечал, что, если они будут валять дурака, его сын сможет их высечь, а его – никто.

Кстати, о законнорожденности владык и еще кое о чем. Император Октавиан Август, увидев похожего на себя приезжего человека, спросил: «Не бывала ли твоя мать в Риме?» Прохожий был не дурак и достойно проучил его за бестактную шутку, ответив: «Мать – никогда, а вот отец бывал». Август тоже был не дурак и посмеялся вместе со всеми. Потому и дожил до старости в почете и уважении. Императоры поглупей за такие шутки могли отрубить произнесший их язык вместе с головой – абсолютная власть и разлагает абсолютно. Хорошо, что не все монархи дошли до жестокости мадагаскарской королевы Ранавалоны, которая сурово карала своих придворных, нарушивших ее строжайший запрет являться к ней без ее разрешения... во сне! Они бы и рады не нарушать, но как?

Восток вообще – дело тонкое. Китайскому императору, например, еще в прошлом веке владыки европейских стран, как и положено, дарили подарки, даже и не зная, что придворные, вручая их, объясняют, что это, мол, дань от покорных и раболепных западных варваров. Но, конечно, не стоит все валить на Восток, если даже Николай II настолько не любил слова «интеллигент», что собрался приказать Академии наук вычеркнуть его из русского словаря.

Разумеется, не все короли были такими. Многие из них сумели блеснуть красивыми и нестандартными решениями в достаточно трудных ситуациях. Вот, скажем, император Карл V Испанский смог примирить двух дам, поссорившихся из-за места в церкви, более того – добился невероятного: каждая из них наперебой уступала место сопернице. Сделал он это очень просто, предложив занять это место самой глупой и уродливой из спорящих.

А как красиво, например, отвязался Филипп Август от назойливого попрошайки, который упирал на то, что король обязан помочь своему родственнику по Адаму, а если откажется – преступит Библию! Он дал ему медяк и резонно объяснил, что родственников по Адаму у него очень много и, если давать всем поровну, больше никак не выходит. Возможно, король знал, как более чем две тысячи лет назад циник Фрасилл попросил у повелителя Сирии Антиоха драхму (это где-то около гривны), на что Антиох ответил: «Не к лицу царю столько давать». Фрасилл только этого и ждал: «Дай тогда талант» (это по минимуму штука баксов). Но Антиох и тут нашелся: «Не к лицу философу столько просить». И удалился, оставив Фрасилла не богаче, чем тот был до беседы.

Чтоб не замучивали просьбами вконец, владыкам приходится отказывать не только в деньгах. А если отказать неудобно – как-то намекнуть, что просьбами на эту тему не стоит злоупотреблять, например просьбами о перемене фамилии. Когда купец Краснобрюхов попросил об этом Александра I, тот разрешил ему зваться Синебрюховым. Тот с горя уехал в Финляндию и основал там пивоваренный завод, до сих пор выпускающий знаменитое пиво «Кофф» (именно так выговаривали новую фамилию пьяные финны, прося у кельнера еще кружечку). А на прошении купчихи Семижоповой о перемене фамилии царь начертал: «Хватит и пяти». Правда, бывает, что цари и сами вмешивались в фамилии подданных. Когда сын лифляндского дворянина Засса женился на дочери драгунского подполковника Ранцева, лично Николай I повелел ему принять именно фамилию Ранцев-Засс, а не наоборот, как он сгоряча порешил.

Немало трудных решений приходится принимать королю лично. Фридрих Великий, инспектируя берлинскую тюрьму, обнаружил, что все заключенные клянутся, что невиновны и страдают напрасно, и только один признался, что сидит за ограбление. Что тут подделаешь? Фридрих принял меры – приказал немедленно вышвырнуть из тюрьмы на волю этого грабителя, чтоб тот не влиял дурно на собравшихся здесь порядочных людей.

А если честно – та еще работа король. Скажешь что-то сгоряча, а потом отвечаешь. Император Аврелиан, осаждая город Тиану, настолько возмущился самим фактом сопротивления, что поклялся живой собаки в городе не оставить. Ну взяли, конечно, городок, так что же – всех убивать? А налоги кто платить будет? Погорячился, конечно, так ведь не зверь, чай. А слово не воробей, сказано – сделано. Но Аврелиан вышел из положения с блеском. Грозил, мол, я ни одной живой собаки не оставлю – вот и перебейте в городе всех собак. А люди-то тут при чем?

И еще одна беда – королей все учат. Их дела на виду, каждая ошибка становится предметом пересудов. Вот, скажем, тот же Анри IV, прославленный даже в «Гусарской балладе». Ну чем плохой король? Не изверг, не расточитель, страну примирил, гражданскую войну прекратил, народ при нем начал потихоньку прикапывать денежку – чего вам еще надо? Ну есть грех, исповедует в отношениях со слабым полом не позабытую и сейчас идеологию «все, что шевелится», так что, обязательно ему за это плешь проедать, – не перестанет ведь? А его духовник все нудил и нудил на эту тему, ну и доигрался. Подали ему за королевским столом его любимых куропаток день, другой, третий... в общем, через две недели он уже смотреть на них не мог и, презирая все нормы этикета, завопил при виде лакея, несущего любимое лакомство: «Ваше Величество, за что?» На что король этак деликатно ему заметил: «Вот видите, святой отец, насколько человеку необходимо разнообразие». Возражений не последовало.

А чаще всего учат королей те, кого только в наше время заменили производственные психологи, – королевские шуты. Вот, например, придворный шут Филиппа VI Французского Трибуле как-то взял ледышку и попросил придворных передать ее королю. Пройдя через множество рук, ледышка растаяла и дошла до короля уже значительно меньшей, чем была в руках шута. Так шут наглядно и доходчиво объяснил королю, почему в казну поступает так мало налогов. Не завести ли и каждому постсоветскому президенту своего шута?

Королей еще и потому трудно учить, что напрямую им не все скажешь – обидятся. Когда Людовик XIV прочел великому Буало свои стихи, качество которых вызвало бы умеренные нарекания даже в литкружке при ДК Пятихаткинской швейной фабрики, то Буало ведь не сказал ему, как на духу, что он думает о представленном на его суд шедевре – попадали в Бастилию и по меньшему поводу. Нет, он сказал: «Ваше Величество, вы можете все. Захотели написать плохие стихи – и достигли в этом успеха!» И обошлось, что при Короле-Солнце вовсе не гарантировалось. Его ведь настолько любили, что, когда врач вырезал ему геморрой, толпы придворных кинулись к врачу с просьбой: «Вырежьте и у меня то, что вырезали у короля!» И очень обижались, когда врач отказывал, советуя им сначала это отрастить, а потом уж и вырезать.

Каких только королей не знал мир! Работящих – Филипп II Испанский не только сутками сидел за разными официальными бумагами в своей канцелярии, но и исправлял в них все орфографические ошибки. Экономных – пленный лидийский царь Крез убедил победившего его царя Кира прекратить разграбление своей столицы, объяснив: «Это теперь не мой, а твой город, и твои воины грабят не меня, а тебя». Приверед – король Кастилии Альфонс IX учредил специальный орден ненавистников чеснока. Обжор –

единственной привилегией спартанских царей была двойная порция еды (то ли подданные голодали, то ли цари рано умирали от ожирения – у Плутарха об этом ни слова). Щедрых – когда гвардеец Петра I в боксерском поединке нокаутировал английского профессионала, Петр не только дал победителю на водку, но и оплатил лечение побежденного, причем платить пришлось немало. Гордых – неплохой бегун и борец Александр Македонский принял предложение отца выступить на Олимпийских играх, но потребовал, чтоб все его соперники тоже были царями. Всякие бывают...

А в королях ли дело? Известно, что короля играют окружающие. Когда владыка Ватикана и всех католиков Иоанн Павел II зашел в ватиканский госпиталь Святого Духа навестить больного священника, начальница госпиталя так растерялась, что представилась весьма необычным образом: «Ваше Святейшество, здравствуйте, я начальница Святого Духа». Что было делать бедному папе? Пришлось признаться: «Ну, я еще не сделал такой блестящей карьеры. Я всего-навсего заместитель святого Петра». Чего, в самом деле, ему расстраиваться – ведь нет в мире служащего счастливей римского папы. Кто еще весь свой рабочий день видит перед собой своего непосредственного начальника распятым на кресте? А ведь многие бы мечтали...

И еще одно: короли – отнюдь не дела давно минувших дней. В Европе и сейчас около двадцати монархий, и многие наши современники-короли пользуются заслуженным уважением. До сих пор восторгаюсь политическим тактом Бодуэна, короля Бельгии. Бельгийский парламент принял закон, разрешающий аборт. Король, как глубоко верующий католик, был против. Но не идти же против воли народа – короли, которые пробовали так поступать, давно уже не короли! Что же делает Бодуэн? Вызывает своего придворного врача и со значением говорит: «Доктор, я так волнуюсь из-за этого закона, я даже опасюсь, что я сейчас ограниченно вменяем...» Доктор понимающе кивает головой и пишет справку – у короля, мол, временное умопомрачение. По конституции его функции переходят к председателю парламента, который и подписывает закон. Тут же Бодуэн выздоравливает и возвращается к власти. Каково? К нам бы его – председателем парламента. Впрочем, куда там...

А о Булате Окуджаве рассказывали, что он увидел в Швеции, как по улице проехала королева, и с удовольствием отметил, что королева дважды на него посмотрела. Окуджава вернулся в отель и написал королеве письмо: «Я не монархист, но хочу поблагодарить Ваше Величество за то, что Вы дважды на меня посмотрели». Королева прислала ответ: «Да, я помню Вас. Я действительно дважды на Вас посмотрела, потому что из всех присутствующих только Вы не сняли шляпы». Может, это и анекдот, но знаки уважения королям оказывать надо. И не только ради собственной безопасности. Сами же видите, какое нелегкое это дело – быть королем.

Если где-то воробей...

В делах армейских всегда масса смешного – и не только для штатских. Ну скажите, каково содержать массу людей для того, чтоб они никогда не работали по специальности? Еще Сун-цзы, великий китайский военный теоретик времен культа личности Цинь Шихуанди, считал, что высшее искусство полководца – победить врага, не сражаясь. И это правильно – еще двести лет назад великий князь Константин Павлович справедливо заметил, что война портит солдат, пачкает мундиры и разрушает строй. Так что от войны один вред.

Правда, финансовые убытки от войн принято преувеличивать. 15 ноября 1923 года наконец-то удосужились подсчитать военные расходы Германии в Первую мировую

войну. Оказалось, что война обошлась бывшей империи... в 15,4 пфеннига – поскольку вследствие инфляции рейхсмарка подешевела к этому времени ровно в триллион раз!

Ясное дело, в организацию, созданную лишь для того, чтобы ею по возможности не пользоваться, не так просто попасть. В Англии, например, для этого нужно было выпить кружку пива за счет короля и взять у вербовщика аванс – один шиллинг. Когда порешили, что это и означает согласие завербоваться, комплектация английской армии до предела упростилась. Вербовщики шлялись на казенный счет по пивным и, отыскав кого-нибудь достаточно нагрузившегося, угощали его кружкой пивка, на дне которой и лежал упомянутый шиллинг. Допив кружку, несчастный алкаш считался по определению завербованным, а жаловаться на это рекомендовалось исключительно тому же вербовщику. В общем, лет через двадцать после внедрения этой прогрессивной методики любой угощаемый пивом британец перед тем, как приложиться, минут двадцать изучал щедрый дар на свет.

Впрочем, и сейчас в британскую армию попасть непросто. Не зря, очевидно, ехидный Бернард Шоу отмечал, что британский солдат совершенно непобедим и единственная организация, которая сможет нанести ему поражение, – это его собственное министерство обороны. Скажем, во флот офицеров набирают с такими сложностями, что Сирил Норткотт Паркинсон даже специальный способ отбора предложил – в случае равенства кандидатов задать им решающий вопрос: «Назовите номер такси, на котором вы сюда приехали». Принимается, конечно же, ответивший быстрее, что бы он ни сказал, – откуда комиссии знать этот номер? А наиболее исчерпывающе о комплектации английской армии выразился Железный Герцог – лорд Веллингтон. Когда он изучил список офицеров, присланных ему для ведения войны против Наполеона в Португалии (она считалась второстепенным театром военных действий), он сказал: «Надеюсь, что противник, узнав, кого мне прислали, так же задрожит от страха, как сейчас дрожу я». Следует, правда, признать, что тогда он еще не был фельдмаршалом.

А чины в армии – это не просто звездочки и повышение оклада. Супруга некоего французского маршала как-то даже сказала некоему духовному лицу: «Имейте в виду, мсье, что даже Богу придется дважды подумать, прежде чем проклясть человека нашего круга». Вот так... А жена одного маршала, большая демократка, в доказательство своих либеральных убеждений обычно говорила: «Представляете, я выдала свою родную дочь за сына простого генерала». Подруги ахали и хватались за сердце.

Да и добиваются чинов в армии по-разному. Полковник Ермолов, будущий герой войны 1812 года и Кавказа, настолько дерзко разговаривал со своими сослуживцами, которые были выше его чином, что они приняли беспрецедентную меру для того, чтоб не чувствовать себя униженными этим: выпросили и ему генеральский чин – от генерала все-таки не так обидно выслушивать такое. Зря они так о генералах – как известно, Николай II только до полковника и дослужился. В полковники его папа, Александр III, произвести успел – и вскоре после этого умер. Не самому же себе чины присваивать. Тогда это еще было неудобно...

Вот в тех армиях, где чины просто покупали (не так, как вы подумали, а официально: купил, скажем, патент на чин капитана – и ты уже капитан), было проще. И что интересно, кое-где эта система дожила до наших времен. В американском штате Небраска диплом адмирала вышеупомянутого штата стоит всего 25 зеленых. Самый настоящий, дающий право на командование всеми военными кораблями в водах этого штата. Покупайте и пользуйтесь – никаких особых бед все равно не натворите, ибо этот штат находится в

самом центре США, и до ближайшего моря нигде ближе пары тысяч километров никак не выходит.

А теперь об армейских строгостях. Еще во время франко-прусской войны во французской армии были пулеметы. Почему же оружие, эффективность которого в Первую мировую войну превзошла все ожидания, не остановило пруссаков под Седаном? Да очень просто: из соображений секретности не издали инструкций для пулеметчиков, и никто не умел стрелять из пулеметов! Что называется, прячь от своих, чтобы чужие боялись... Впрочем, во французской армии это никогда и не кончалось. Французский академик Анатолий Абрагам вспоминал, как на каверзный вопрос капрала: «Каков состав жидкости гидравлического тормоза полевого орудия калибром 75 мм?» – он отвечал точно по уставу: «Состав жидкости гидравлического тормоза полевого орудия калибром 75 мм является военной тайной». И все были довольны.

Естественно, наша военная цензура никогда бы не позволила, чтоб ее хоть в чем-то превзошли какие-то лягушатники. Когда Аркадий Аверченко во время Первой мировой войны принес в одну из редакций рассказ на военную тему, цензор вычеркнул из него фразу «Небо было синее» – чтоб вражеские шпионы не догадались по этому рассказу, что его действие происходит на юге. А в Великую Отечественную, например, в одной из газет опубликовали статью о русском патриотизме с многочисленными историческими примерами. Так вот, поскольку нельзя было употреблять названия воинских частей и соединений, в этой статье беспрерывно ссылались на никому неизвестный шедевр «Слово о подразделении Игорева».

Но никто не спорит – военную тайну нужно беречь, причем не всегда даже поймешь, какую именно. Во время осады войсками Петра Великого турецкой крепости Азов, происходившей в 1695 году, голландский пушкарь Яков Янсен изменил России и бежал к туркам, чтоб сообщить им главный русский военный секрет – что после обеда вся армия спит как убитая и делай с ней в это время что хошь. Турки послушались Янсена, напали на русских именно после обеда и нанесли им большой урон. Кстати, в свое время эта военная тайна Россию и выручила: одно из главных подозрений в самозванстве Лжедмитрий навлек на себя тем, что не спал после обеда. На войне как на войне, и знание, когда противник спит, – тоже оружие.

И не самое экзотическое. Древние скифы никак не могли победить собственных восставших рабов, сражавшихся с отчаянной храбростью, пока не применили против них единственное оружие, нагнавшее на них страх, – кнуты. Чтоб не умом робели, а поротой задницей. Впрочем, еще более странное оружие – троянский конь. Кстати, знаете, как греческий лазутчик Синон убедил троянцев внести коня в город? Наврал им, что для того-то и сделали его греки таким большим, чтоб троянцы, не дай бог, его в город не внесли. Троянцы даже часть стены разобрали, чтобы сделать врагу назло.

Достаточно необычное оружие применили в 1532 году индейцы против испанских конкистадоров на берегах Ориноко. Суровые идалго просто плакали навзрыд – а что еще делать, надышавшись паров сжигаемого горького перца? Вот такой газовый баллончик – тоже не сейчас выдумали. Да что там растения – сколько животных призвали под знамена, это же уму непостижимо! В древнеегипетской армии сражались ручные львы; Ганнибал вторгся в Италию на единственном не замерзшем в Альпах слоне; верблюжья кавалерия применялась в русской армии еще двести лет назад и раз за разом была обычной, как хотела, – фигурально выражаясь, одним плевком; голубиную почту в швейцарской армии только пару лет как отменили (отменять военные вообще не любят – только в 1947 году англичане наводили порядок в бюджете и отменили должность человека, обязанного в

момент вторжения Наполеона в Англию выстрелить из пушки). А в окопах Первой мировой призвали в строй даже крыс – ежели те дохнут без видимой причины, надо надевать противогазы. Примерно тогда же немецкие шпионы прокрались в Московский цирк и отравили дуровских моржей, обученных подрывать минные поля (какая разница бедным тварям – и так погибать, и так...). Да, любят военные братьев наших меньших – от вымышленного полковника Скалозуба («ох, басни, смерть моя, насмешки вечные над львами, над орлами») до реального поручика Гумилева, который «Крокодила» Чуковского терпеть не мог совершенно по той же причине.

А вооружение различных армий тоже было, скажем так, достаточно экзотично. Например, практически у всех прусских военных, кроме солдат, на вооружении имелась палка, которой они и били своих, чтоб чужие боялись. Ее было гораздо проще принять на вооружение, чем автомат, который не жаловали многие – от Николая II, который считал, что из-за них армия останется без патронов, до сталинского маршала Кулика, который находил для автомата единственное применение – разгон проклятой капиталистической полицией мирных рабочих демонстраций. Даже плохо открывающиеся люки «летающих крепостей», из-за которых летчики порой не успевали выпрыгнуть с парашютом из горящего самолета и гибли вместе с ним, американцы категорически отказались менять – чтоб не поощрять дезертирства, вот так! Перестреляли бы лучше всех своих летчиков – тогда бы точно все дезертирство извели... А один сиамский король, отступая, приказал обстреливать врага из пушек не ядрами или картечью, а серебряными монетами. Чем и остановил неприятельское наступление, полностью дезорганизовав противника, не желающего покинуть поле боя, пока не соберет все до копеечки. Далеким этим сиамцам до воинов Юлия Цезаря, которым их полководец, наоборот, приказал украшать оружие золотом и драгоценностями – чтоб бросить было жалко.

Кстати, о новых вооружениях – задали как-то на одной из игр «Что? Где? Когда?» вопрос: «У греков и римлян это доходило до груди, а у скифов – аж до уха. Только в VI веке нашей эры Велизарий добился от своих катафрактариев, чтоб у них всех это дотянулось до уха. Что же это такое?» Правильный ответ был прост: тетива лука. Но никто его не дал. Прохихикали всю минуту обсуждения сами не знают над чем. Ума не приложу, чего же тут смешного...

Еще одна проблема наших доблестных защитников – как отличить своих от врагов. Форма помогает не всегда: во время войны 1812 года была масса случаев убийства русскими солдатами своих офицеров – особенно в темноте. Стреляли на французскую речь, а некоторые российские офицеры и языка-то другого толком не знали. Да еще и говорили чисто и грамотно – лучше самих французов. С печальными, разумеется, последствиями. А форменная (во всех смыслах) трагедия произошла в 1948 году во время арабо-израильской войны с полковником израильской армии Давидом Маркусом. Изнывая от жары, он лежал голый в своей палатке, а когда приспичило по малой нужде – завернулся в простыню и вышел. Израильские солдаты, с ужасом увидев среди своего лагеря самого настоящего араба в белом бурнусе, нафаршировали его свинцом из своих «узи» в мгновение ока.

Но соблюдать требования формы тоже следует неформально. В свое время кадетам Аннаполиса было приказано построиться по какому-то торжественному случаю на плацу в португезах и при кортиках. Один из них выполнил приказ совершенно точно – кроме указанных вещей, на нем нитки лишней не было. А звали отчисленного в тот же день горе-служаку Эдгар Аллан По. Впрочем, эта история кончилась, пожалуй, совсем неплохо – и для него, и для армии. Так он за всю жизнь и не повоевал ничуть. Чего и всем вам желаю.

Шутки в гриме и без грима

Хорошо было актерам в Древней Греции! Все уважают, на сцене перед тобой не мельтешат, благо ты один-одинешенек (когда Эхил ввел второго актера, а Софокл – третьего, это казалось немислимым потрясением основ). И лицом хлопотать не надо – надел маску, а на ней и так все нарисовано. Много морщин – старик, нет морщин – весельчак, есть, но мало – человек серьезный. Смуглый цвет маски означал здоровье, желтый, напротив того, – болезненность, красный – хитрость, багровый – раздражительность... Зачем при таких масках еще и актеры были нужны – не понимаю: вынесли маски, и уже все ясно. Может быть, просто и в те времена сцена манила, как и сейчас манит? Хотя вряд ли – опасная была работенка. На аренах римских цирков, например, каскадеров не было – ежели по ходу действия героя убивают, то уж без всякой туфты. Мало, что ли, в тюрьме преступников? У нас вот расстреливают – и никому никакого удовольствия, а так хоть народ порадует.

Бывали вещи и почище. Император Калигула как-то спросил у актера Апеллеса: «Как ты думаешь, кто более велик – я или Юпитер?» После секундного замешательства Апеллес воскликнул: «Конечно ты, император!» – ибо знал, с кем беседует. Как выяснилось – не до конца, ибо император велел немедленно его казнить. Думаете, за оскорбление божества? Какое там – за то, что целую секунду думал.

Да и где в давние времена с актерами церемонились? Только специальный английский закон о бродяжничестве, принятый в 1824 году, исключил актеров из числа бродяг. Шекспир и компания, например, не актерами себя называли, а слугами лорда-камергера. Это тогда считалось не таким обидным. А назовите-ка сейчас одесских актеров слугами, скажем, отдела культуры горисполкома – представляете, что начнется? Все-таки прогресс есть. А когда-то, чтоб похоронить Мольера на кладбище, в освященной земле, а не под забором, как собаку, целую интригу пришлось провернуть. Не положено было, если нет четких доказательств, что отрекся от богопротивной профессии. Сейчас актеров хоронят совершенно по-другому. Переезжая на новую квартиру, Фаина Раневская долго просила друзей, помогавших ей укладывать вещи, не забыть ее похоронные принадлежности. После бесполезных поисков гроба в кладовке, савана в платяном шкафу и мраморной плиты где-нибудь в уголке они наконец осмелились поинтересоваться, что Фаина Георгиевна имела в виду. Она же недовольно указала им на коробочки с орденами – что, мол, и так не ясно? Прогресс, однако...

Кстати, когда Брежнев вручал Раневской орден Ленина, он просто не смог удержаться – скорчил рожу и пропищал: «Муля, не нервируй меня!» Фаина Георгиевна презрительно пожала плечами и сказала: «Леонид Ильич, ко мне так обращаются только невоспитанные уличные мальчишки!» Брежнев страшно смутился и тихо ответил: «Извините, просто я вас очень люблю». На чем инцидент и исчерпался. Все-таки не злой человек был наш бровеносец, не чета Калигуле. И на том спасибо...

А вообще, политика и сцена связаны достаточно плотно. На рубеже XVI–XVII веков народная драма «О царе Ироде» обязана своим шумным успехом, конечно же, Ивану Грозному и Борису Годунову. Намек на детоубийство достаточно задевал и того, и другого. Но никакие указы и преследования не могли покончить со скоморохами и скоморошеством – запретный плод не только сладок, но и коммерчески выгоден. Иногда более успешны экономические методы. Карамзин, путешествуя по Европе, с удивлением отмечает, как во Франкфурте тамошние евреи заявили директору театра, что если он не прекратит представлений шекспировского «Венецианского купца», где в совершенно жутком свете представлен еврей Шейлок, они перестанут ходить в театр. Поскольку

франкфуртские иудеи были завзятыми театрами, не жалевшими своих талеров на дорогие билеты, пьеса мгновенно исчезла из репертуара, и никакой Шекспир не помог.

Тогда к театру относились как-то искренней, больше ему верили. Вот и в 40-х годах позапрошлого века ростовский городничий, посетивший спектакль местного театра «Ревизор», уже после первого действия выбежал на сцену и понес по кочкам всех актеров за сочинение пасквиля на него. Его уверяли, что пьеса одобрена самим императором, но ничего не помогло – он подал на актеров официальную жалобу. Впрочем, это даже как-то гуманно. Мог бы просто приказать сволочь комедиантов на съезжую, а потом уверять, что они сами себя высекли. Наверное, он не сделал этого сугубо потому, что не дотерпел до второго действия, где этот рецепт и излагался. А австрийский император Иосиф II наградил 50 дукатами актера, подавшего мысль о том, что в присутствии российского императора Павла I «Гамлета» играть неуместно. Его мать, Екатерина II, наши Клавдий и Гертруда в одном флаконе, эту мысль разделяла, и «Гамлет» был в России тех времен пьесой абсолютно запрещенной.

Да и у нас власть имущие время от времени заглядывали в театральные афиши. В дирекцию одного из московских театров, выпустившего к XXV съезду КПСС премьеру, да еще и шекспировской пьесы, позвонили с самого верха и велели немедленно сменить название спектакля. Чем они заменили на афише привычное нам с давних лет «Много шума из ничего» – я даже и не помню. Одно ясно – Шекспиру такие страсти и не снились! А под другой съезд досталось другому театру – за постановку пьесы Шварца «Сказка о потерянном времени». Подумать только, специальные люди сидели и бдили! Сколько же у них работы было, просто подумать страшно. Так всегда бывает, когда эту работу сами же себе и создают. Поговаривали даже, что наши театральные начальники, всегда путавшие реорганизацию с дезорганизацией, собирались объединить МХАТ с Малым театром. Актеры даже успели придумать этому гибриду название – «Московский Академический Малохудожественный театр».

В старые времена и театральные организаторы работали более масштабно и продуманно. Правда, им полегче было – когда в 1806 году были учреждены императорские московские театры, их директор Нарышкин решил вопрос о найме труппы без уговоров, интриг, блата и даже без телефонных звонков, благо телефона тогда еще не изобрели. Он просто купил за 32 тысячи рублей труппу крепостных актеров у известного театрала помещика Столыпина. А профкома не купил, и поэтому никаких трудовых споров у него с коллективом не возникало. Очень удобно, но в наши времена так уже нельзя.

Тематика актерских представлений с незапамятных времен была самой разнообразной. До уровня древних площадных действий нынешняя сексуальная революция просто еще не докатилась – лично держал в руках куклу двухтысячелетней давности из античного города Танаиса, самая заметная деталь тела которой двигалась по желанию кукловода и своими размерами повергла бы в ужас даже Чиччолину. В XIX веке нравы были строже, и актрисы просто отказывались играть Софью в «Горе от ума». «Я порядочная женщина и в порнографических сценах не играю! Как это можно, ночью беседовать с Молчалиным, он же ей даже еще не муж!» – заявляли они.

А вот персонажи итальянской комедии дель арте тоже рисковали жизнью в угоду зрителям, но на другом фронте. Обычным делом считалось публичное состязание между первым и вторым Дзанни прямо на сцене в чудовищном обжорстве. Публика хохотала до полусмерти, а актеры, бывало, объедались до самой настоящей смерти. Прямо на сцене умирали, как Мольер. Собственно, в дешевых западных комедиях достаточно часто можно встретить что-нибудь подобное, но благодаря технике комбинированных съемок

для жизни это не так опасно. Может быть, отсюда шло любимое состязание Евгения Весника и Михаила Яншина – сесть за ресторанный столик и есть наперегонки, пока сил хватает, а платить будет тот, кто съест меньше.

Где еда, там и питье. Знаменитый актер-импровизатор Бьянконелли как-то вышел на сцену с бутылкой в руке и начал смешить публику, как умел. Публике не понравилось, начались свистки. Взбешенный Бьянконелли швырнул бутылку в угол, заорал: «Это ты во всем виновата!» – и кинулся за кулисы, даже не зная, что подарил миру новое слово. Бутылка по-итальянски – «фиаско».

Впрочем, выпить актеры любили всегда. Все мы помним знаменитую реплику из «Без вины виноватые» Островского: «Мы – актеры, и наше место в буфете!» Когда Борис Ливанов садился выпить с каким-нибудь актером, он говорил: «Ты гений, ты великий артист, каждая твоя роль – это открытие, тебя недооценивают, твои заслуги навсегда останутся в истории». Потом он наливал снова и требовал у собутыльника: «А теперь говори мне то же самое». А в трезвом виде он никогда не заходил в художественную часть МХАТа. Когда заведующий художественной частью спросил, почему же его так игнорируют, Ливанов объяснил причину своей неявки математически точно: «Как же может художественное целое войти в художественную часть?» Кстати, он неплохо рисовал, и знаменитые Кукрыниксы даже приглашали его к ним присоединиться. Но Ливанов отказался – по его словам, чтоб не стать членом творческого коллектива «Кукрыниксы ли?».

Среди актеров-остряков Ливанов отнюдь не одинок. Еще премьер драмы середины позапрошлого века Каратыгин славился своим остроумием. Сохранилась его мини-рецензия на некую посредственную драму: «Первое действие – на селе, второе – в городе, а все остальное – ни к селу, ни к городу!» Дошло до нас и его описание похорон известного картежника: «Сначала в кортеже ехали казаки с пиками, потом музыканты с бубнами, потом духовенство с крестами, а потому уже сам покойник с червями».

А в наше время и шуточки актерские были поострей – как у артистов Штрауха и Геловани, ехавших на правительственный концерт в Кремль. У ворот Спасской башни Геловани в гриме Сталина выглянул и спросил, пропустят ли его. Часовой сказал: «Конечно», и даже документов не спросил. Тогда из машины высунулся Штраух в гриме Ленина и спросил: «А меня?» Часовой упал в обморок. Кто его не поймет?

Однако даже в те времена актеров уважали. Сталин, например, на вопрос: «Когда же кончится война?» – отвечал: «Откуда мне знать? Левитан всем скажет». Рисовать, кстати, Левитан не умел совершенно – я имею в виду актера. Но известный шутник композитор Богословский уговорил его нарисовать домик (ну, как дети рисуют – квадрат, на нем два прямоугольника, а наверху треугольник) и выигрывал на пари большие деньги, заявляя, что это рисунок Левитана, чему, конечно, никто не верил.

Но и актером быть нелегко. Это, правда, еще и от театра зависит, даже если он и не анатомический. И от роли – после появления «Семнадцати мгновений весны» читавшего в нем закадровый текст Ефима Захаровича Копеляна друзья упорно стали называть Ефимом Закадровичем. А Пирс Броснан, сыграв в фильме «Золотой глаз» роль Джеймса Бонда, потребовал поменять ему номер телефона – чтоб новый номер заканчивался на 007. Явно психику перегрузил... Да уж профессия такая. Актриса Пэт Кумбс поставила в ней рекорд, попавший даже в Книгу Гиннеса, – 28 дублей при съемке рекламного ролика. Бедняжка каждый раз, доходя до текста, забывала, что рекламирует.

А уж какво попасть на язык недовольному автору, знали знаменитые актрисы начала XIX века Семенова и Самойлова, которым главные роли в комедии Крылова «Урок дочкам» достались уже на закате карьеры, вместе с почтенным возрастом и изрядной полнотой. После премьеры Крылов свое детище иначе как «Урок бочкам» и не называл. На себя бы господу авторы полюбовались – на представлении одной из комедий писателя Боборыкина театр по ошибке поменял местами четвертое и пятое действия, и ни один из зрителей даже не заметил, что в пьесе что-то не так.

Особенно нелегко быть актером кино. И приходят к этому невесть какими путями – например, как американец Генри Старр, который в 1915 году сел в тюрьму за ограбление, а в 1919 году вышел и снял свой первый фильм «Ограбление в Страуде» – чисто автобиографический. Кстати, получил гораздо больше денег, чем награбил. Я за внедрение этого опыта в жизнь.

И еще одно неудобство профессии киноактера – корреспонденты донимают. Один так надоел Брижит Бардо своими вопросами о пластической хирургии, что она не выдержала и ответила: «Хирурги сейчас могут сделать с человеческим носом все, что угодно, кроме одного – помешать ему лезть в чужие дела». И еще одна беда в кино – все советуют. Когда Сергей Бондарчук снимал на Дворцовой площади кадры штурма Зимнего для фильма «Десять дней, которые потрясли мир», проходившая мимо старушка, не поняв, что происходит, сделала кинематографистам весьма дельное замечание: «Что ж вы Зимний штурмуете? Они ведь сейчас все в Смольном!»

Есть, правда, в жизни кино и приятные моменты. Рассказывают, что один известный киноактер отправился на юг, чтоб осуществить натурные съемки. Но ему так понравились тамошние женщины, что он начал затягивать свое возвращение, а жене дал телеграмму, что он делает там закупки оборудования для съемок. Телеграмма, посланная ему женой, носила вид обычного коммерческого сообщения, но заставила его сразу вернуться. Текст ее был прост: «Если ты не приедешь, я буду вынуждена начать продавать то, что ты там покупаешь».

Впрочем, главное для актера даже не то, что покупала на юге эта кинозвезда. Главное – получить хорошую роль, и для этого все средства годятся. «Что же, для того, чтоб получить роль Сирано, нужно обязательно иметь большой нос?» – возмущенно кричал Ростану один из актеров. «Что-нибудь для роли Сирано обязательно должно быть большим: если не нос, то хотя бы талант», – ответил автор. А уж как повезло с ролями одному артисту из провинциального итальянского городка – просто слов нет. Он признался Максиму Горькому, что в одном сезоне трижды сыграл Стриндберга, четырежды – Ростана и даже сыграл самого Горького. Его роль была очень простой – на крики восторженной публики «Автора!» выйти соответствующим образом загримированным, раскланяться и уйти. Пьесы при этом писать не обязательно. Главное – войти в образ и кланяться правдоподобно, чтоб все поверили, что Ростан приехал, а Стриндберг воскрес специально для этого спектакля в этом городишке.

Актеры вообще другие люди. Их боятся и не понимают. Когда в Софию приехал театр Вахангова, на следующее же утро после их приезда болгарин-администратор впал в ужасную панику – все артисты заказали себе в номер по чайничку того, что болгары употребляют по утрам только при простуде. К счастью, панику быстро развеял знакомый с русским бытом критик Любен Георгиев, объяснивший, что русские пьют по утрам чай, даже будучи абсолютно здоровыми, и что паниковать надо при другом заказе, когда с утра в номер требуют напитки существенно покрепче чая. Что делать – не зря же Лоуренс Оливье называл актерское ремесло искусством убеждения, мазохистской формой

экспозиционизма и большим мешком обманов, а его коллега Ральф Ричардсон считал, что это способность спать, когда потребуется, и удерживать окружающих от кашля. Так что актеры действительно смешные люди, но не смейтесь над ними – не так легко быть актером. Ведите себя как один композитор, заметивший коллеге-драматургу: «Почему вы заснули на моей симфонии? Я ведь не смеюсь на ваших комедиях!»

Улыбки под марлевой повязкой

Само название профессии «врач», по всем словарям однокоренное со словом «врать», говорит, что не все тут просто. И хотя некоторые сравнивают врачей со священниками, потому что и те и другие служат посредниками между землей и небом, – стоит задуматься, что при этом имеется в виду. Уж не только то, что в викторианской Англии домашнего врача называли «приходским священником со стетоскопом». Кстати, не так уж легко им было работать. В своем саквояже, помимо лекарств и инструментов, им приходилось носить... куклу. На ней женщины-пациентки показывали, где именно у них болит, если болело хоть чуть-чуть ниже подбородка. Более привычный нам осмотр больного места мог бы заставить больную скончаться от стыда, а врача привел бы в лучшем случае в тюрьму. Появления врачей той специальности, которая викторианцам с их взглядами больше всего была нужна, пришлось ждать до нашего времени.

А сколько конкурентов подстерегало врачей всю жизнь! Француз Шербюлье, например, считал, что лучший в мире врач – природа, так как она не только сама излечивает четверть всех болезней, но еще и никогда не говорит гадостей о своих коллегах (пример знаменитого хирурга Амосова, который в печати утверждал, что все болезни от докторов, здесь тоже очень показателен). А Свифт говорил, что три лучших доктора мира – это доктор Диета, доктор Покой и доктор Веселье. Трудно оспаривать его правоту, но похоже на то, что многим все равно нужен и четвертый доктор.

Приятно отметить, что условия труда медработников сейчас все-таки лучше, чем в древности. Ведь долгое время считалось, что лекарство должно вылечить после однократного приема, и нашего «трижды в день по столовой ложке перед едой» никто бы не понял: если помогает, то больной выздоровеет сразу, а если он не выздоровел, к чему повторять прием? Я уже не говорю о том, что после смерти нынешних высокопоставленных особ их лечащих врачей не казнят и даже руки-ноги не рубят. Даже законы Хаммурапи, по которым у врача, неудачно снявшего с глаза больного бельмо и повредившего ему глаз, выкалывали его собственный глаз, тоже пока что не входят в наше законодательство.

Ну с этим примириться еще можно, а вот система оплаты врачей китайского императора, при которой им платили жалованье только тогда, когда их пациент был здоров, заслуживает, на мой взгляд, всяческого внимания. Но китайские императоры вообще не были лишены изрядной доли здравомыслия. Когда одному из них прислали волшебное лекарство, дарующее бессмертие, один из придворных тут же его съел. Но император его за это не казнил, ибо согласился, что если лекарство стоящее, то казнить его все равно не получится, а если нет – слава богу, что императору не пришлось зря глотать эту гадость.

А кто же открыл медицину для европейцев? Скорее всего, великий Гиппократ с острова Кос, античный гений. Кстати, у Гиппократа как-то даже спросили, не является ли гениальность болезнью. Он ответил: «Безусловно, это болезнь. Но, к сожалению, очень редкая и абсолютно не заразная». Поэтому он совершенно не испугался, когда жители Абдеры предложили ему обследовать их согражданина Демокрита на предмет его психического здоровья – их очень встревожили его слова о том, что все в мире состоит из

мельчайших частиц, названных им «атомос». Гиппократ подтвердил заботливым абдеритам, что их земляк вполне здоров, выпустив буквально из рук честь изобрести такое привычное нам благо, как карательная психиатрия. А благо состоянием собственной психики абдериты у него и не интересовались, он еще и не сказал никому ничего обидного, что говорило о том, что и вопросы врачебной этики были легендарному автору клятвы Гиппократа не чужды. Он бы, наверное, никогда не заявил больному, подобно одному из медиков прошлого века, будто его болезнь настолько опасна, что от нее умирают девять пациентов из десяти. А если бы и заявил, не стал бы уверять пациента, что у него как раз девять его предшественников умерло от этой болезни, и он именно десятый...

Расцвет медицинской схоластики наступил гораздо позже Гиппократа – в Средневековье, когда многое познанное врачами античности кануло в Лету вместе с Римской империей. Кстати, какая вывеска обычно украшала дом средневекового врача? У кузнеца – молоток, у плотника – топор, у булочника – крендель, а у врача что? Правильно, ночной горшок. Большинство диагнозов того времени ставилось сами понимаете как. Впрочем, эти анализы можно сдать почти всегда. Хуже было пациенту немецкого врача Лассара, который прислал ему по почте прядь своих волос и попросил средства от их выпадения. Врач прописал ему лекарства и попросил еще прядь волос для более подробного анализа. «К сожалению, волос больше прислать не могу, те были последние», – ответил ему больной.

А какими вопросами занималась медицинская наука того времени, тоже не сразу догадаешься. Клод Перро, брат знаменитого сказочника, разобрал в своей докторской диссертации четыре животрепещущих для медиков того времени вопроса: может ли врач жениться, может ли он путешествовать, может ли он торговаться с больными, а также следует ли в случае четвертого приступа лихорадки применять кровопускание или лучше назначать очищение желудка? Обратите внимание на эти два метода лечения – они исчерпывали тогдашнюю фармакопею процентов этак на девяносто. И длилось это не один день: еще в позапрошлом веке шутили, что Наполеон опустошил Европу, а Бруссэ ее обескровил (доктор Бруссэ был согласен со своими средневековыми коллегами относительно пользы кровопусканий).

Кстати, вопрос о том, может ли врач торговаться с больными, тоже не при бесплатной медицине возник и не одного Клода Перро волновал. Средневековая пословица так и говорила о врачах, что они имеют три облика: человека – в повседневной жизни, ангела – у постели больного, и дьявола – требуя гонорар. Правда, и врачам нужно на что-то жить. Особенно если имеешь такого пациента, как невероятно скупой английский лорд сэра Джон Элвис, который жил в XVIII веке: он как-то раз споткнулся и сломал себе обе ноги, но, чтоб сэкономить на гонораре, заявил врачу, что сломал лишь одну ногу. Будь я его врачом, непременно посоветовал бы ему принимать все прописанные лекарства, стоя на здоровой ноге... Со временем и врачи стали осторожней в вопросах гонорара. Еще сто лет назад известный берлинский врач доктор Хайм всегда подробно расспрашивал пациентов о том, как они питаются, даже тогда, когда их болезнь не была связана с режимом питания. В зависимости от дороговизны и качества потребляемой пищи он и назначал свой гонорар. Лечению это совершенно не мешало.

А переплачивать за средневековую медицину я бы тоже не стал. Особенно с учетом качества анестезии. На борту шведского фрегата «Ваза», чуда тогдашней инженерной мысли, затонувшего менее чем через час после спуска на воду, нашли почти полный инструментарий средневекового хирурга, в том числе и то, что служило тогда вместо эфира, хлороформа и новокаина, – большущий деревянный молоток, применяемый

исключительно как наружное. Недаром во многих средневековых больницах висел большой медный колокол, в который во время хирургических операций били что есть мочи, чтоб хоть крики заглушить. Великий хирург Средневековья Амбруаз Паре вообще говорил о своих пациентах: «Я их оперировал, пусть Бог их излечит». Впрочем, хирурги вообще мало изменились. Совсем недавно в компьютерных сетях появился очень короткий анекдот: «В чем разница между хирургом и Богом? – Бог знает, что он не хирург...»

Весьма показателен для оценки компетентности средневековых эскулапов еще и тот факт, что в те времена процветали шарлатаны, продающие всяческие мерзкие снадобья в качестве средства для лечения ран. Поскольку снадобья были не простые, а волшебные, ими мазали не рану, а оружие, которое ее нанесло, либо щепку, которая это оружие символизировала. Но ведь помогало, более того – помогало лучше тогдашних врачей! В чем же был секрет чудо-лечения? Да все очень просто – его высокая эффективность объяснялась именно тем, что рану не трогали, тогдашними лекарствами не мазали и хоть дополнительного вреда раненому не приносили. Метод неплохой, в чем-то даже сейчас смысла не утративший...

Удачи средневековых врачей были зачастую опаснее неудач. В 1667 году французский врач Дени совершил первое, причем каким-то чудом успешное, переливание крови ягненка обескровленному больному. Почему больной немедленно не умер – до сих пор непонятно. Но после этого данной процедурой переморили такую уйму народу, что стали говорить, будто на самом деле для нее нужен не один баран, а три: у первого берут кровь, второму ее переливают, а делает все это третий.

А шедевр средневекового врачевания – это средство от любых ран, полученных на войне, изобретенное придворным врачом венгерского владыки Сигизмунда Батория Францем в 1595 году. Он не хотел отправляться в поход против турок и сообщил, что знает великий и полезный каждому воину секрет. Сообщаю его и вам: для того, чтоб не умереть и не заболеть от нанесенной врагом раны, достаточно не ходить на войну и оставаться дома. Этот рецепт действительно помогает, причем не хуже современных антибиотиков.

Впрочем, многое в отношениях между врачом и больным от времени совершенно не зависит. Больные, в панике вызывающие врачей по любому пустяку, – явление вне времени. Когда знаменитого хирурга Листера ночью вызвали к богатому больному, страдавшему совершенно пустяковым заболеванием, тот посоветовал ему немедленно вызвать детей и своего адвоката с завещанием. На вопрос перепуганного до коллик больного: «Неужели все так серьезно?» Листер ответил: «Просто я не хочу быть единственным идиотом в этом городе, которого зря разбудили среди ночи!»

Да и невнимательные врачи все не исчезают во тьме столетий. Когда генерал Ермолов, захворав, послал за своим доктором Высотским, тот, изрядно разбогатев и приобретя дурные привычки, заехал к нему только на следующий день. Разгневанный Ермолов даже не впустил его в дом. «Передай доктору, что я не могу его принять, потому что болен!» – приказал он своему дворецкому. А намного ли лучше врачи слишком внимательные? Не одно сочинение по теории управления вспомнило о некой медсестре, подарившей миру бессмертную фразу: «Больной, проснитесь! Вам пора принять снотворное!» Это подтверждает и знаменитое правило Бараха, однозначно определяющее, кто же является алкоголиком, а кто нет. Все очень просто: алкоголик – это тот, кто пьет больше своего лечащего врача.

Но есть в этой профессии и что-то привлекательное – это ясно хотя бы по тому, с какой охотой люди дают друг другу медицинские советы. Все мы немножко доктора, и нет на земле более распространенной профессии, что без труда и доказал флорентийскому герцогу Лоренцо Медичи его любимый шут. Перевязав голову платком и походив малость по дворцу с перекошенным лицом, он получил от всех встречных-поперечных, не исключая самого герцога (Медичи все-таки!) такую чертову пропасть советов, что спорить с этим тезисом стало просто смешно. А один пациент доктора Маркуса Герца так полюбил сам себя лечить с помощью всевозможных медицинских справочников, что доктор Герц предсказал ему, что он умрет не от болезни, а от опечатки – и скорее всего не ошибся. Добавим, что целую кучу полезнейших лекарств выдумали отнюдь не медики. Сам Марк Твен прославился изобретением эффективнейшего средства от лунатизма. Коробочка такого средства стоит гроши и продается повсюду – но не в аптеках, а в магазинах канцтоваров. Это обыкновенные канцелярские кнопки. Достаточно рассыпать коробочку-другую перед сном вокруг кровати – и лунатизма как не бывало.

Да и доктора не всегда прибегают при лечении к лекарствам. Великий Боткин без труда лечил от ожирения с помощью всего двух рекомендаций – жить на рубль в день и самому этот рубль зарабатывать. Судя по нынешней покупательной способности рубля, в наши времена первой рекомендации хватило бы с лихвой. А американский доктор Линк вылечил человека с навязчивой идеей самоубийства, посоветовав ему достаточно безболезненный род смерти – бегать трусцой, пока тот не умрет от усталости. В итоге больной не только излечился от своей мании, но и стал известным стайером. Ну а французский врач Анри Рюэллен прекрасно спасал с помощью бега трусцой от навязчивого страха смерти, рекомендуя таким больным пробежки по кладбищу. Действительно, что толку пользоваться лекарствами, когда за столько лет медицинская промышленность сумела освоить только два вида лейкопластыря – тот, который невозможно приклеить, и тот, который невозможно оторвать?

Зато шарлатаны не дремлют. В одном американском городке есть музей шарлатанских методов лечения. Чего там только нет – от всевозможных видов панацеи до невероятных агрегатов для лечения всевозможных хворей космическими лучами, эманациями египетских пирамид, пучками антинейтрино и резонансными вибрациями мирового эфира. Так вот, снадобья и агрегаты из этого музея благодарные посетители постоянно воруют... Что поделаться, не все же у нас Эдисоны! Вот когда Эдисон заболел, все его лечение протекало совершенно разумно и логично. Врач прописал ему множество различных лекарств. «Правильно! – подумал Эдисон. – Врач тоже хочет жить». Аптекарь приготовил их и продал больному. «И это верно, – согласился великий изобретатель, – аптекарь тоже хочет жить». Подумав еще немного, Эдисон понял, что и он тоже хочет жить, в результате чего и выбросил все прописанные ему лекарства в камин. И прожил до весьма почтенных лет.

Да, нелегко быть врачом в Америке. Недавно некая организация подала в суд на нью-йоркские кареты «Скорой помощи», требуя, чтобы с них был убран красный крест. Знаете, что это за организация? Красный Крест. Скорая помощь – это не их система. Тем не менее традиции берут свое и там. 53 % американцев категорически высказалось против ношения врачами на работе джинсов, 23 % не пожелало видеть их в кроссовках. Они хотят видеть их в том же, что и мы, – в белых халатах. И это в наше-то время, когда в переполненном стохгольмском автобусе был разоблачен и обезврежен больной, бежавший из сумасшедшего дома. Издерганные и усталые пассажиры все-таки обнаружили его по безошибочной примете – он уступил место женщине.

Теперь вам понятно, как нелегко современным врачам? Помогайте же им в борьбе за ваше же здоровье по мере сил – хотя бы не забывая открытие шведского врача Кнута Мальмгрена. Изучив даты жизни всех знаменитых театральных комиков за последние 273 года, он доказал, что смех полезен для здоровья: комики живут гораздо дольше трагиков. Так что помните, что, раскрыв юмористический журнал, вы еще и лечитесь. И побочных эффектов от такого лечения наукой пока не обнаружено.

Шутки в клетку и в полоску

Проблемы правосудия вечны, как правонарушения. Думаете, только сейчас много говорят об отмене смертной казни? Еще в Древнем Китае считали, что рубить преступнику голову крайне негуманно – как же он без головы на том свете есть будет? Пришлось вешать – из гуманизма. Не отменять же смертную казнь за такие ужасные преступления, как искажение истории (кстати, древние майя тоже так поступали). Интересно, что бы сделали древние майя со всем авторским коллективом, создавшим «Краткий курс истории ВПК(б)»?

Впрочем, что говорить о борьбе с преступностью времен Хаммурапи? Простые нравы, примитивные кары. Выбил кому-то зуб – выбьют зуб и тебе. Избил до смерти женщину – убьют твою дочь (что делать с тем, у кого нет дочерей, не ясно). Раб ударил свободного – отрезать рабу ухо. Сын ударил отца – отрубить ему руку. Просто ударил человека в драке – поклянись, что нечаянно, и заплати лекару. Если женщина уходит от мужа, который гулял и дрался, – отдать ей приданое и позволить уйти, если она сама гуляла и дралась – бросить ее в воду. Не законы, а преискурант какой-то... А греческий законодатель с милым прозвищем Дракон (значило это просто «зоркий») был не в пример строже и установил смертную казнь за такую кучу прегрешений, начиная с кражи овощей с поля (помните сталинские указы о «колосках»? Вот откуда ноги у них росли...), что даже нарвался на пару недоуменных вопросов – не слишком ли, мол, круто? Ответил он предельно убедительно: за мелкие преступления это как раз то, что надо, а за крупные – ничего более серьезного не придумал.

За него до этого уже в Средние века додумалась святая инквизиция – причем так эффективно, что смерти многие дожидались как избавления. Минимум один шедевр инквизиторов так пришелся кое-кому по душе, что оставался столетиями в почти неизменном виде, и с его чудесными свойствами познакомилась уйма народу, чаще всего никакого преступления не совершившего. Наверное, все уже догадались, что речь идет о бормашине. А теперь признайтесь: вы и так были уверены, для чего ее изобрели и кто до этого додумался?

Впрочем, инквизиторы тоже старались быть по-своему справедливыми. Когда Родриго де Гиара продемонстрировал им, что пускает дым изо рта без всякой помощи дьявола, сжигать его не стали, и один из первых курильщиков получил возможность отравлять себя и других совершенно безнаказанно. Правда, можно рассмотреть этот случай и под другим углом зрения: даже и тут инквизиторы умудрились напакостить, не задавив вреднейшую привычку в момент ее появления в Европе. Да и их немецкие коллеги тащили на костер не всех женщин подряд, а только миниатюрных, ибо в их должностных инструкциях было четко сказано, что женщины весом больше 50 кило на шабаш не летают ввиду малой грузоподъемности помела и, значит, ведьмами быть не могут. Судя по некоторым косвенным данным, разработка более мощного помела завершилась успешно...

Но самый удивительный процесс над ведьмами, по мнению многих, произошел в Средние века в Германии. Ведьма, умертвившая колдовством некоего Гейнца Фогеля, была

изобличена и сожжена на костре. Как вы думаете, кто был главным свидетелем обвинения, приведшим ведьму к печальному концу? Сам Гейнц Фогель – и хоть бы что!

Между прочим, уже в Средневековье понимали, что главное в борьбе с преступностью – экономика. Средневековая Германия подарила миру совершенно не востребовавшую в наше время гениальную идею – налог на убийства. Платил его глава общины – ландфогт, а размер налога был прямо пропорционален количеству нераскрытых убийств. Предлагать обложить таким налогом наших мэров просто не берусь – все-таки прогресс, виновных явно найдут, но будут ли они виновны?

Да и досаждающая нам проблема с нехваткой тюрем была решена нашими предками блестяще – особенно в Англии. Там сумели соорудить тюрьму общей площадью 8 с лишним миллионов квадратных километров! Кормить и стеречь заключенных в ней было излишне – они сами добывали себе еду и практически не могли вернуться к местам прежнего обитания. Называлась эта тюрьма Австралией, и нынешние ее жители настолько гордятся своим происхождением от каторжников, что в престижные клубы потомков каторжников несчастные, не имеющие столь замечательной родословной, могут попасть только при условии, что два потомка каторжников за них поручатся. Наверное, и у нас скоро будет что-то вроде...

Кстати, потомки каторжников за века сильно изменились и заужали правосудие – иногда слишком. Недавно австралийский суд потребовал от одной фирмы возместить ее сотруднику все расходы на лечение травмы, полученной на рабочем месте, обосновав это тем, что работа была чрезвычайно скучной. Бедняга вывихнул при зевке челюсть.

Но вернемся в прошлое. В средневековой Флоренции придумали потрясающее наказание – пожизненную запись преступников в дворяне. Дело в том, что там правами обладали только простолюдины – республика ведь! Так что эта кара была пожизненным лишением всех политических прав. Впрочем, эту идею у нас уже испробовали, а толку было мало. Как и от всех прочих, ибо «законы создаются для того, чтобы их нарушать». Правда, в Англии существует закон, введенный в XIV веке и до настоящего времени не нарушенный. Слегка иронически, но не без аллегорий он носит название «Золотой закон». Он запрещает изготавливать золото из неблагородных металлов. Пока никто не нарушал. Даже у нас, где этот закон не действует.

Впрочем, английские средневековые законы выделялись своим зверством даже по тем временам. Особенно строгой была кара за государственную измену. Так, в 1540 году на Тауэр-хилле казнили некоего лорда Уолтера Хэнгерфорда за «государственную измену мужеложства». А годом позже Генрих VIII принял статут, в котором предусматривалась смертная казнь за государственную измену... сумасшедших! Правда, и в СССР некоторых лиц, подозреваемых в государственной измене, включали в эту категорию, но хоть головы не рубили! Впрочем, и в современной Англии сумасшедших лишают права голоса наряду с преступниками. Интересно то, что есть и третья категория лишенцев – члены палаты лордов. Не иначе как у флорентийцев собезьянничали. Да и сходство с советскими законами было более многообразным. Генрих VIII казнил свою жену Анну Болейн и ее брата, обвинив, помимо многого прочего, еще и в насмешках над сочиняемыми королем пьесами. Все-таки есть прогресс – за насмешки над «Малой землей» у нас головы рубить как-то не было принято, а то что бы сейчас у многих болело?

Зато в России карательные меры даже обогащали язык. Очаровательная манера загонять подследственным иголки под ногти породила идиому «узнать всю подноготную», избивение пытаемых горящими березовыми вениками – выражение «до новых веников не

забудет». А «подлинная правда» раньше была показаниями, даваемыми после порки специальным кнутом – «длинником». Вы говорите, что зато на Западе свобода? Да там «Наказ» Екатерины II сожгли в Париже на площади рукой палача (Екатерина, кстати, этим своим вольнодумством очень гордилась). В той же Франции, между прочим, одному из образованнейших гуманистов XVI века Пьеру Раме, написавшему две книги, в которых крайне убедительно критиковалась схоластическая логика Сорбонны, запретили дискутировать с Сорбонной, читать философские и логические сочинения и даже – хотите верьте, хотите нет – читать свои собственные книги! Чтоб не вычитал чего вредного, чего раньше не знал.

Ну а главная кара на Руси была почти такая же, как в Англии, только называлась не Австралия, а Сибирь. Чему удивляться – в Сибирь ссылали своих провинившихся батыров еще Чингисхан! А что же было делать с сибиряками? И это придумали – ссылали их в Сочи. Ссылный Одоевский, к примеру, там умер – именно от ужасного климата, от которого даже дома рассыпались в два-три года. Собственно, в Сочи и сейчас масса больных, особенно в санаториях... А декабрист Дмитрий Завалишин, который, будучи выслан на поселение в Сибирь, прославился сатирическими статьями против губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурского, был подвергнут за эти статьи редчайшему наказанию – высылке из Сибири в Европейскую часть России. Впрочем, именно там, рядом со столицей, находилась и Петропавловская крепость, построенная, по словам тогдашних остряков, русскими против русских, и Шлиссельбург, до которого перо доводило так же верно, как язык до Киева. А еще в России более трех веков ссылали бродяг в город Севск. Находился он в Комаринской волости, и поэтому комаринский мужик уже по определению был для слушателей известной песни сукиным сыном. Потом нравы смягчились и Пушкина за его многочисленные прегрешения сослали в Одессу. Если эта тенденция сохранится, в будущем провинившихся поэтов будут ссылать исключительно в Ниццу и Пальма-де-Мальорку.

А всегда ли стоит так уж строго наказывать преступников? Не строгость, а неотвратимость наказания влияет на уровень преступности. Преступление не окупается – во всяком случае, в относительно цивилизованных странах. Участники знаменитого Великого ограбления, имевшего место быть в Британии в начале 60-х, украли массу денег, но и сроки получили впечатляющие. Кто-то не поленился подсчитать, что их средний дневной заработок в результате всех этих хлопот даже не дополз до уровня заработка неквалифицированного рабочего, а условия жизни даже в британской тюрьме хуже, чем на свободе. Вот в Бордо, например, некто трижды грабил магазин готового женского платья, но осудили его как за одно ограбление, – просто жена, которой он приносил добычу, дважды требовала обменять не подошедшие ей тряпки на более модный фасон. Не достаточно ли в качестве наказания такой жены?

А стоит ли бояться американского воришки, стянувшего с прилавка замороженный кусок вырезки и засунувшего его себе в штаны? Бдительные копы, увидев человека, дрожащего от холода в августовскую жару, немедленно проверили, в чем тут дело, и повлекли бедолагу в узилище. Сравниться с ним может разве что некий детройтский грабитель, забывший на месте ограбления... свою собаку, да еще и ученую, прекрасно выполнившую команду полицейских: «Домой, песик, домой!» Хозяин и добычу толком припрятать не успел...

Правда, и у преступников появляется шанс, когда их ловят такие бдительные полицейские, как начальник полиции одного английского городка. Через день после того, как в городе украли три велосипеда, он безошибочно определил, в чем дело, и глубокомысленно сообщил репортерам: «Я все понял! Дело в том, что в городе орудуют

похитители велосипедов!» Как это он так быстро сообразил – ума не приложу! Но есть правоохранители и поумней. В одном из бюро Минфина США разработали анкету формы F-4473, которую заполняют желающие приобрести винтовку. В ней есть пункт «Скрываетесь ли вы от правосудия?» Здорово придумано, не так ли? Захочет бежавший из Алькатраса купить себе «М-16», заполнит анкетку по форме – а его сразу цап-царап! Правда, блеск? На уровне властей канадского городка Лейкфилда, разрешивших местным птицам петь не более 30 минут днем и 15 минут ночью. Интересно, как птиц будут наказывать за нарушение этого гениального постановления? Штраф брать бесполезно ввиду неплатежеспособности преступников, а из тюрьмы они, скорее всего, сбегут...

А у нас что, хуже? В 60-е годы в московском суде разбиралось дело группы похитителей автомобилей. Никакие противоугонные устройства не могли им помешать – они находили способ их обойти. Только одну из намеченных для похищения автомашин они не смогли завести и при попытке угнать ее наконец попались. Судья спросил у владельца машины: «Как же это вы добились, что вашу машину не смогли завести?» Тот ответил: «Я и сам уже целый год не могу ее завести». Пока у нас бардак – нас не превзойти! Во всяком случае, в бардаке... Зато и предусмотрительность у жертв нашей юстиции развивается фантастическая. Когда провинциальный еврейский писатель Гонтарь был осужден по делу Еврейского антифашистского комитета в качестве английского шпиона, он потребовал справку о том, что он английский шпион. Поскольку после освобождения он собрался пойти в английское посольство и потребовать деньги за проделанную для них работу. Интересно, заплатили? А то эти англичане – жмоты известные...

Вы думаете, что к вам-то это все точно не относится? Гонтарь тоже так думал... А с точки зрения Шарля Бодлера, все мы преступники, ибо он считал преступлением... любовь. И больше всего его в данном преступлении возмущало то, что квалифицирует любое преступление как более тяжкое (хотя и повышает вероятность его раскрытия). Понимаете, Бодлер считал, что в таком преступлении, как любовь... не обойтись без сообщника. Ах, наивный XIX век! Мало ли сейчас людей, которые любят только себя, пользуются взаимностью и соперников в этой любви не имеют? Интересно – преступление ли это?

Веселая история менеджмента

«Какой дурак принимал эти решения?» – думал каждый из нас не менее тысячи раз. На вопрос: «А какое бы решение приняли вы?» – обычно следует прямой или несколько замаскированный ответ: «Мы не такие дураки, чтоб принимать решения, – пусть другие решают». Так давайте хотя бы посочувствуем тем, для кого принятие решений – не реализация комплекса неполноценности, а тяжелая работа.

Со времен почти былинных люди так стремились увильнуть от принятия решения, что готовы были перевалить этот труд даже на головы ни в чем не повинных богов. Спартанские жрецы ложились спать в храмах и в зависимости от того, что приснится, объявляли войну или сидели дома. Вся Греция в трудные минуты топала в Дельфы и в зависимости от того, что скажет находящаяся в полубессознательном состоянии от серных испарений пифия, совершала подвиги или обращалась в бегство. Римляне не шли в бой, если содержащиеся при войске священные куры лениво клевали зерно (боюсь, что империя оттого и погибла, что вражеские лазутчики об этом пронюхали и кормили их на убой в самые неподходящие моменты).

Еще одной попыткой свалить важное решение на различных всевышних были «божьи суды». В индокитайском государстве Паган тяжущимся предлагали примириться, а если они отказывались, велели засовывать голову под воду и держать: кто задохнется, тот и

виноват. Гуманней, но вряд ли гигиеничней поступали в Сиаме, угощая тяжущихся щедрой порцией слабительного. Кто проигрывал процесс – понятно. Считалось, что чувство вины усиливает действие лекарства.

А вот древние скифы, если слепо верить Геродоту, принимали решения в застольях, предварительно ужравшись в дупель. Вроде бы и сейчас эта традиция жива, но результаты обычно дает ужасающие, а скифов, по тому же Геродоту, это вело к новым победам не хуже единственно верного учения. А все дело в том, что скифы немного усовершенствовали эту методику и выполняли принятые «под газом» решения тогда и только тогда, когда они не приходили от них в ужас на следующее утро, на трезвую голову. Не стоит ли внедрить это небольшое усовершенствование и в наш быт?

Во всяком случае, древние скифы соблюдали один из важнейших принципов администрирования – хороший администратор работает не с бумагами, а с людьми и выпускаемым продуктом. Действительно, откуда у скифов бумага? Управленцы ассирийских царей потому небось и могли управлять великой империей, что писали клинописью на глиняных плитках – тут уж почвы для бюрократизма немного.

Немного отвлекусь. В некоей колонии обезьян решили в научных целях приучить есть конфеты. Методику избрали простую: брали одну из обезьян, приучали есть конфеты и возвращали ее в стаю. Через полтора года половина стаи ела конфеты. Не густо! Методику немного изменили – и вся стая начала употреблять ранее неведомую ей пищу уже через четыре часа. Что же изменили в методике? Самую малость: приучили к этой еде не первую попавшуюся обезьяну, а вожака стаи. Вот как важно, во-первых, учить чему-то руководство и, во-вторых, иметь руководителя, способного хоть чему-то научиться – будь он хоть обезьяной, хоть кем. А учить их надо, ибо любое дело подобно автомобилю – само по себе идет только под гору.

Очень важно, достаточно ли оптимистично управленец смотрит на проблему. Некий обувной фабрикант направил в одну из африканских стран двух своих сотрудников с целью выяснения перспектив. В результате один сообщил, что перспектив никаких, а другой – что перспективы огромны. Самое забавное, что оба руководствовались одним и тем же фактом: «там все ходят босиком!» Это гораздо верней, чем искать, к чему бы придраться. Гигантский полиплоидный сорт десертного лимона, выведенный в конце 50-х советским селекционером В.К. Лапиным, не пошел в размножение. Функционер, решавший его судьбу, заявил: «Советскому человеку не нужны лимоны, которые не влезают в советские стаканы!»

А при конструктивном взгляде необычные управленческие решения, приносящие прибыль и успешно решающие проблемы, возникают сами по себе. Некая японская фирма маркирует свои товары надписью «MADE IN USA». С ней уже бросили судиться – дело совершенно безнадежное. Тамошние управленцы просто перевели офис фирмы в маленький японский городок Юса. Как к ним все-таки придраться – пока не нашел никто.

Заслуживает аплодисментов и менеджер лондонского кафе на Грейс-Инн-роуд. Он дал ему новое название – и сразу увеличил доход. Как именно? Он назвал его «Zzzzzz» – и его заведение оказалось в самом конце телефонного справочника, после чего число обращений туда с заказами резко возросло. Английские телефонные книги так тяжело листать – то ли дело просто заглянуть в конец!

А как здорово один из лучших менеджеров мира Ли Якокка отрекламировал плавность хода автомобилей «Крайслер»! По сюжету рекламных роликов там фужер с кислотой

ставили на дорогое меховое манто, заводили патефон и с успехом слушали музыку, ювелир прямо на заднем сиденье гранил алмазы... А под конец в мчащейся на полном ходу машине парикмахер брил известного футболиста опасной бритвой. Интересно, сколько дублей пришлось сделать, чтобы показать его улыбающуюся и совершенно не порезанную физиономию? Зато эффект превзошел все ожидания.

Не менее гениально поступили менеджеры немецких торговых фирм, закупавшие в прошлом веке кедровое масло из России. Они потребовали, чтоб его доставляли именно в таре из кедровых досок. Продавая потом эту тару на тамошние музыкальные фабрики, они не только радикально улучшили качество музыкальных инструментов, фабрикуемых в фатерлянде, но еще и неплохо на этом заработали.

Впрочем, немецкие менеджеры славятся своей способностью извлекать доход даже из несчастий. Когда в 1908 году прямо у причальной мачты сгорел дотла новенький дирижабль графа Цеппелина, а вместе с ним и ассигнования немецких предпринимателей на новый транспорт, хитрый граф сумел на этом даже заработать. Алюминиевые ложки из металла сгоревшего дирижабля шли нарасхват, хотя и стоили недешево. Получилось даже, что экономически этот пожар был выгоднее успешной эксплуатации дирижабля.

Бывает, правда, что и на сумрачный германский гений приходится накладывать в этом плане некие ограничения. Госсекретарь Фридриха Великого Таубенгейм подал однажды своему боссу проект увеличения государственных доходов путем уменьшения жалованья чиновникам. Фридрих сказал, что примет этот проект, если удачно пройдет его полугодовое испытание, состоящее в уменьшении жалованья самого Таубенгейма. Как ни удивительно, Таубенгейму это не понравилось, и проект благополучно положили под сукно.

Но есть чиновники и поэкономней немецких. Примерно с середины 50-х годов действовала официальная директива, согласно которой всем советским судам, совершающим кругосветные плавания, рекомендовалось плыть с востока на запад. Знаете почему? Чтоб при пересечении линии смены дат один день выпал, и морякам можно было за него не платить! А если брать пример с Филеаса Фогга и двигаться с запада на восток – прибавился бы один лишний день. Это ж валюты не напасешься...

А еще более поразительным примером бережливости людей, которые плодят подчиненных, а не соперников, и создают работу друг для друга (именно так определяет чиновников знаменитый закон Паркинсона), является неповторимое решение властей города Кантон, штат Миссисипи. Оно состояло из трех частей. 1. Построить новую тюрьму. 2. Использовать для строительства материалы старой тюрьмы. 3. Заключение до конца строительства содержать в старой тюрьме. Интересно, как же выполнялось это решение...

Только не подумайте, что я считаю бесполезными всех управленцев. Я вполне солидарен с мнением английского профессора Смоллбона, который в одной из лекций для наших менеджеров несколько лет назад говорил: «Не знаю, как при социализме, а при капитализме 20 % служащих делают 80 % работы, и наоборот». По известной нашей любви к крутым решениям его спросили: «А что будет, если уволить 80 % бездельников?» Он мгновенно развеял наши иллюзии, ответив: «Оставшиеся 20 % автоматически перераспределятся в том же отношении».

Правда, к подобным выводам приходили и у нас. Кто-то предложил провести чистку Союза писателей СССР от скопившихся там неписателей, на что один хороший писатель

ответил: «Ни в коем случае! При такой чистке неписатели вычистят всех писателей – у них большинство».

Есть кое-кто и похуже обычных управленцев – консультанты по управленческим проблемам. Кто это такие – замечательно сформулировал Роберт Таунсенд. «Это люди, которые просят у вас часы, чтобы сказать вам, который час, и уходят, забыв их вернуть». Старую максиму «кто умеет – делает сам, кто не умеет – учит других» еще Шоу блестяще дополнил: «Кто не умеет учить – учит, как надо учить».

А вот кто прекрасно находит нестандартные решения, так это богатые люди. Потому они и богаты. Когда к Ротшильду в 1848 году пришли несколько представителей тогдашних левых и заявили ему: «Ваши богатства принадлежат французскому народу – верните их», Ротшильд ответил: «Мой актив в настоящий момент – 240 миллионов франков. Во Франции 30 миллионов французов. Следовательно, каждому из вас, господа, причитается по 8 франков. Сейчас я вам их выпишу, извольте подойти к кассиру по мелким выплатам, окошко пять, с десяти до шести». Такую мелочь они брать отказались. Правда, их наследники в России несколько позже взяли значительно больше и долгое время не могли рассчитаться с той же Францией по царским долгам. Вот уж воистину прав тот же Паркинсон, что в высшей финансовой политике лучше всего разбираются два типа людей: те, у кого много денег, и те, у кого их вообще нет.

Но помните – управленческие решения богачей хороши только для них, а не для вас! Духовный наставник мультимиллионера Джея Гульда не знал этого и попросил у него совета – куда вложить деньги. Гульд под ба-а-а-льшим секретом посоветовал ему купить акции некой компании. Через некоторое время священник пожаловался своему прихожанину, что потерял на этом немало денег, и покаялся в том, что не сберег тайны. «Ничего, – сказал Гульд, – я возмещу вам этот убыток с лихвой. Благодаря вашей болтливости я выудил немало денег у ваших прихожан».

Еще более хитрым способом разбогател Джованни Медичи. Он взял на хранение сокровища папы Иоанна XXIII – в прошлом пирата Балтазара Коссы. Вел этот папа себя настолько чудовищно даже по тем временам, что был лишен папского престола и, конечно же, чтоб утешиться, потребовал свои денежки назад. Ни копейки он не получил – Медичи сказал, что брал сокровища на хранение у папы Иоанна XXIII и отдаст только ему же. Эта история имела продолжение – в 60-х годах прошлого века все-таки избрали нового папу Иоанна XXIII (того вообще из списка пап изъяли вместе с номером). Потребовал ли он свои денежки у наследников Медичи? Во всяком случае, имел право.

А как вам разбогатеть, подсказал американский миллионер Бернард Барух. Он сказал: «Я просто покупал, когда все прочие продавали, и продавал, когда все прочие покупали». Как это понять? А как вообще понять богачей – вроде Джона Д. Рокфеллера, который даже собрался выпустить специальную Библию без мест, содержащих нападки на богачей и богатство? У богатых свои причуды. Правда, все в мире относительно, и не всегда ясно, кого же считать богатым. Ясность в этот вопрос способны внести разве что сами богачи. Вот миллиардер Жан-Поль Гетти предельно четко объяснил, кто же такой миллиардер, – это тот, кто сам не знает, сколько у него миллионов. Но того, что по числу миллиардеров Украина до деноминации купона не особенно уступала США, даже Гетти представить себе не мог. Ой боюсь я утверждений некоторых партий о том, что с их приходом к власти все украинцы станут миллионерами, – были уже, спасибо...

А в заключение раскрою секрет успешного общения с племенем управленцев. Дайте им оказаться хоть в чем-то правыми! Согласно популярной среди художников истории, некий

художник удостоился признания, а значит, и приема закупочной комиссией своих работ только тогда, когда по совету опытного друга нарисовал в углу своей новой картины маленькую желтую собачку. Комиссия сразу же нашла в картине легко заметный недостаток – совершенно неуместную там собачку, посоветовала ее убрать и приняла картину с чувством исполненного долга. Не тычьте управленцам в глаза своей безупречностью – лучше нарисуйте им собачку, и пес с ними!

Вышли мы все из ковчега...

О животных говорят «братья наши меньшие». Скорее всего, не зря юриспруденция древности относилась к животным как к людям. Вола, убившего человека, еще в античном мире судили и приносили в жертву (слово, однокоренное со словом «жратва», так что мясо не пропадало). Судьи древних персов без малейших колебаний присуждали к суровой каре собаку, которая укусила человека, не облаяв его предварительно (если облаяла – совсем другое дело, его же предупреждали!). А Библия полна суровых кар для животных по Закону Моисееву – например, Книга Левит, глава 20, стих 15, гласит: «Если кто скотоложествует, то предать его смерти и скотину убить». Бедное животное, его-то за что, кто его спрашивал?

В конце концов, находились добрые души, защищавшие живые существа, даже в Средневековье. Знаменитый юрист Средневековья Варфоломей де Шассенэ не дал тогдашним сутягам закатать в каталажку за причиняемый ими вред несчастных бургундских крыс – даже до суда дело не дошло. Уже повестку в суд заготовили – «мерзким животным серого цвета, живущим в норах». Крысы не возражали, но юрист сделал блестящий ход: потребовал, чтоб повестку вручили каждой крысе персонально! Судя по обилию крыс, повестки до сих пор печатают... Другим везло меньше. Свинью, съевшую ребенка, в средневековой Франции без жалости вешали. Последнюю французскую корову, убившую человека, отправили на эшафот в 1740 году. Небось замучились палачи корову вешать – для такого дела то еще здоровье надо иметь! Как хорошо, что во Франции слоны не водились...

С наступлением цивилизации судьба животных облегчилась – их больше не казнят за убийство человека, просто убивают в диких количествах, если кушать хочется, но хотя бы не судят. А вот в словаре ругани животные до сих пор занимают непропорционально большое место, что несправедливо. Глупого человека называют ослом, хотя осел умен и трудолюбив, разве что заупрямится порой, когда начнут заставлять работать, как лошадь; злого обзывают собакой, верность которой ее обидчикам-людям вошла в пословицы, грязнулю и циника – свиньей, хотя сейчас ученые установили, что нет более биологически близкого человеку существа, чем свинья, хоть сердце пересаживай (это интуитивно чувствовал Уинстон Черчилль, который отмечал, что собаки смотрят на нас снизу вверх, кошки сверху вниз и только свиньи смотрят на нас, как на равных).

Даже с некоторым удовлетворением хочется заметить, что животные теперь могут и ответить! Недавно зоологами достигнут фантастический успех: обезьян научили говорить, используя для этого не слова (их гортань не приспособлена к этому), а язык глухонемых. Конечно же, исследователи не учили обезьян ругаться. Но обезьяны сами научились этому, используя для этого добавление к именам тех, кого хотят выругать, слова «грязный». Какой же язык без ругательств! Что, например, должны были сказать коты об изобретателе уникальной разновидности фортепиано, звучащая часть которого состояла из большого числа кошек, рассортированных по высоте возмущенного мяуканья (специальные механизмы, соединенные с клавишами, кололи соответствующего кота

булавкой)? А ведь был такой урод в начале прошлого века в Петербурге (надо отдать людям должное – его выгнали из города вместе с инструментом).

Это не единственный пример отношения к зверью по-зверски, хотя с этим и борются, как могут. Жалостливый Европейский Союз даже норму площади для бройлеров установил – чтоб не мучились в темноте в период откорма (после откорма с тамошними бройлерами делают то же, что и с нашими). А у испанских фермеров, выращивающих быков для корриды, ЕС даже субсидию отобрал. Недавно гуманизм дошел до того, что в палате лордов затеяли долгую дискуссию: распространяется ли на лохнесское чудище закон 1876 года о гуманном отношении к животным? С сожалением лорды признали, что закон касается лишь позвоночных, а это пока неясно, хоть и весьма вероятно. Не добрались лорды в свое время, когда это еще было в их компетенции, до индийских заклинателей змей – а стоило бы! Те, чтоб отучить кобр кусаться, подсовывают им для кусания горячие утюги и включенные кипятильники – словом, ведут себя как рэкетеры. А зубы ядовитые потом все равно вырывают – так, на всякий случай.

Впрочем, человек губит своих меньших братьев даже не всегда со зла. Когда появились первые ЛЭП, в районе их работы начали исчезать медведи. С трудом выяснили, в чем дело. Оказывается, медведи принимали гудение высоковольтных проводов за жужжание пчел, взбирались на опоры и... недолго мучилась старушка. Это еще так, походя, а когда соберутся и сосредоточатся, как в 50-х годах в Норвегии, так сначала всех своих ястребов-тетеревятников перебьют, чтоб дичь не ели, а потом за большие деньги обратно ввозят, чтобы хоть кто-то больных птиц подьедал и не давал эпидемиям выморить дичь напрочь. В общем, хоть без работы не оставались.

Все равно ведь на людей не угодишь. Как мы относимся к мужчинам, которые верны всю жизнь одной женщине? Хорошо относимся (во всяком случае, официально). Дикий гусь тоже моногамен, проводит с одной гусыней всю жизнь. А домашнего гуся, проявляющего в элитном стаде склонность к моногамии, без лишних разговоров пускают на мясо. Смысл в этом есть – его работу за него ни один птицевод не сделает. А с моралью-то как же?

Это еще не так страшно – на то и гусь, чтоб его съесть. А вот статья в солидном американском журнале «Time» о фермерах, которые оставляют своим телятам только по две ноги, чтоб они скорее набирали вес, вызвала потоки возмущенных писем. Но все было просто и не так уж жутко – им оставляли не две ноги (по-английски пишется two feet), а два фута длины стойла (пишется, что характерно, совершенно так же). Чоб меньше двигались и лучше вес набирали. Почти по Салтыкову-Щедрину – перед тем, как варить уху из налиминых печенок, налима следует высечь, чтоб от огорчения печень его увеличилась. В этом вопросе вообще чрезвычайно трудно достичь с животными консенсуса – у них своя еда, у нас своя. Енот-полоскун просто обожает сахар, и добрые люди часто его угощают, а толку? Он же полоскун – берет кусочек сахара и к воде, полоскать, и полощет, пока от него мало что останется. И не надо все на нас валить – паучихи и богомольши своих супругов едят, а женщины, если и едят, то только поедом.

При общих же пищевых пристрастиях – свои проблемы. Директор зоопарка американского города Кливленда нашел способ спасти молодую гориллу, упорно отказывавшуюся от еды: он ежедневно залезал к ней в клетку и ел там фрукты, хлеб, жаркое и прочее, пока неопытная горилла, подражая ему, не научилась есть самостоятельно. Многие говорили, что это опасно, но директор мужественно продолжал свое дело. В итоге предупреждающие оказались правы, он изрядно пострадал во время этого эксперимента – совершенно непристойно разжирел и был вынужден сесть на диету. Проще было, наверное, заимствовать опыт зоопарка в Боготе, где гориллам Нерону и

Линде, чтоб вызвать у них хоть какой-то интерес к продолжению своего горилльевого рода, стали демонстрировать порнофильмы. То ли в Кливленде фильмов подходящих не нашли, то ли хотели, наоборот, предложить директору боготского зоопарка перенять свой опыт (очевидно, и супруге его тоже) – об этом история умалчивает.

Правда, одно в этой истории радует – на что только не идет администрация зоопарков для своих питомцев! Зоопарки вообще вещь замечательная и, кстати, очень древняя. Еще китайский император Чеу Вуванг 3100 лет назад устроил в своей столице «Парк ума» – так их тогда называли. Действительно, в зоопарке можно удовлетворить свое любопытство по полной программе – и даже сверх того. Сторож парижского зоопарка, например, весьма достойно ответил посетительнице, которая, увидев гиппопотама, поинтересовалась, самка это или самец. «Мадам, – сказал он, – это должно интересовать только другого гиппопотама, а он знает». А вот берлинский зоопарк в ГДР в отсутствие спонсора-императора возводился методом народной стройки. И зверей приобретали так же. Предприятия тяжелой промышленности купили слонов. Военные – дикобразов. Завод холодильников – белых медведей... А кого купили берлинские официанты? Правильно, пингвинов – очень уж похожи! А в разгар кампании сбора пожертвований на строительство по Берлину водили осла с плакатом, на котором было написано: «Только я не жертвую на строительство зоопарка!» С одной стороны – красиво, с другой – опять осла обхаживали ни за что ни про что... Мало им, бедным, старого народного метода выбрать при покупке хорошего осла? Метод, правда, простой и действенный – схватить за хвост и потащить. Если начнет сильно упираться или, того лучше, брыкаться – такого и надо брать. Их бы, людей, так поотбирали – на работу, скажем...

Человек порой нанимает животных на довольно экзотические работы. В цехе одной венгерской фабрики, производящей синильную кислоту, всегда летают два попугая – при малейшей утечке готового продукта они поднимают жуткий крик. Для сходной цели – контроля качества воздуха – в списках экипажей английских подводных лодок числились белые мыши, которые даже получали жалованье. В Первую мировую войну приобрел немалую популярность роман «Записки крысы Фердинанда», написанный от имени беззаветного хвостатого борца с отравляющими газами – солдаты для этой цели прикармливали его и многих ему подобных, чтоб быстро натянуть противогаз, едва ротный любимец перевернется брюхом кверху. Да и сейчас вдоль семикилометрового газопровода в Германии ходит взад-вперед сотрудник газовой сети и, обнаружив утечку, вызывает ремонтников как умеет – залившимся лаем. Овчарка потому что.

А в Таиланде и Малайзии тысячи свиноносых макак оканчивают специальные курсы сборщиков кокосовых орехов. Средний выпускник таких курсов собирает 500 орехов, а самые лучшие – 1500, да еще и помогают грузить их на повозку. Прием, которым обезьяны собирают орехи, крайне необычен: руками они держатся за ствол пальмы, а ногами, так сказать, отрывают орехи. Но вот автокар водить никак не выучатся. Что с макак возьмешь? Кроме уже взятого, разумеется, – работают за харчи, в профсоюзе не состоят, больничный им не оплачивают, и до национализации кокосовых пальм еще ни одна макака не додумалась. Да и пауки, неустанно выпускающие нити для перекрестий прицелов, трудятся сугубо из любви к искусству. Кстати, француз Бон припахал бедных арахноидов на выпуск материала для дамских чулок еще в 1710 году. Эксплуататор! Зато всем модным шелковым чулочкам, не говоря уже о всяком там нейлоне, до качества чулок из паутины еще плыть и плыть...

Собаки, те вообще не покладая лап на человечество вкалывают – и нарты возят, и носки из их шерсти целебные, и раненых на войне вытаскивали, и даже танки взрывали раньше всяких там камикадзе. А вот с главной работы – сторожевой – их начинают вытеснять...

гуси! У них стаж небось не меньше собачьего – они Рим спасли. Недавно один владелец английского винного склада заменил собак в охране гусями, ссылаясь на их немалое перед собаками преимущество. Он прав: собаки яиц не несут.

Но есть у собак и свои скромные достоинства. Один джентльмен написал хозяину гостиницы письмо с просьбой забронировать для него номер и одновременно попросил разрешения привезти с собой собаку. Ответ гласил: «Дорогой сэр! Я всю жизнь работаю в гостиницах, и за весь многолетний срок мне ни разу не приходилось вызывать в три часа ночи полицию, чтобы выставить за дверь расхулиганившуюся собаку. Ни разу в жизни собака не подсунула мне фальшивую ассигнацию. Не было случая, чтобы собака увезла с собой в чемодане полотенца, принадлежащие гостинице. Никогда еще не было пожара, произошедшего по вине собаки, курившей в постели. Итак, сэр, мы будем рады оказать гостеприимство вашей собаке. Постскрипту: если ваша собака поручится за вас, можете прибыть вместе с ней».

Собака, вообще говоря, не просто друг человека – это его характеристика. Французский зоопсихолог Доде уверяет, что хозяева пуделей практически всегда скупы, овчарок – лишены чувства юмора, такс – великодушны, догов – мужественны, а фокстерьеров – просто хорошие люди. Некий владелец овчарки, прочтя эти наблюдения, обиделся и подал на него в суд за оскорбление. Суд закончился в одну минуту – Доде сказал: «Ну, господин судья, вы же видите сами...»

Друзьями человека являются даже те животные, которых общественное мнение не привыкло считать таковыми. Однажды гремучая змея укусила эпилептика, а он не только не умер, а еще и выздоровел. Так открыли действенное лекарство против «священной болезни». Но не только это гремучие змеи подарили людям. Помните танец румбу? Одно из его па выглядит весьма экзотически – кавалер быстро отбрасывает ногу в сторону и словно давит кого-то. Такое па родилось на кишащих этими тварями мексиканских танцплощадках, где не владеющие им просто вымерли в результате естественного отбора. Более того, в том, что туалеты в Мексике постепенно приближаются по гигиене к аналогичным удобствам их северного соседа, во многом виноват паук-каракрут – «черная вдова». Американцы, проживающие совместно с мексиканцами в Техасе и Калифорнии, гораздо меньше страдают от его укусов именно из-за отсутствия пристрастия к привычным нашему глазу дощатым будочкам, где кто угодно может укусить сами понимаете за что.

Да и в отношениях друг с другом животные часто проявляют немалое остроумие. Знаете, как лиса спасается от блох? Берет в зубы клочок сена и медленно заходит в реку. Блохи, спасаясь от воды, перебираются на сено, а лиса выпускает его из зубов. Здорово? Ну на то она и Лиса Патрикеевна. Увидит ежа – и сразу найдет, как его раскрыть и съесть. Еж раскрывается в воде – вот она и поливает его той жидкостью, которая у нее всегда с собой, чтоб не пропадала зря, как у прочих зверей. Потом и съест его, совершенно не брезгуя. А скальные ящерицы изобрели совершенно гениальный способ защиты от змей – намертво вцепляются зубами в собственный хвост. Проглотить такое «колечко» змея не может, а рвать добычу зубами на куски не умеет. Вот и уходит несолоно хлебавши.

Хотя, чему удивляться – есть звери и поумнее лисицы. По шкале зоолога Портмана ум лисицы выражается числом 25, жирафа – 38, зебры – 42, обезьяны – только 63, слона – 150, дельфина – 190, а человека – всего 215. Не такое уж большое преимущество! Хорошо, по Австрии уже начали ездить автомобили с ультразвуковым гудком – предупреждать зверюшек, чтоб не выскакивали под колеса. Звери настолько близки к нам, людям, что умеют даже быть смешными. Впрочем, куда им в этом до нас...

Быстрее, выше, смешнее

Говорить о смешном в спорте вообще можно часами – спорт в принципе дело смешное. Ну как еще отнестись к стремлению человека пройти 50 километров побыстрее, но так, чтоб все время касаться земли хотя бы одной ногой? Зачем – так же неудобно! А за это, между прочим, олимпийские медали дают... Я даже как-то выношу за скобки расплодившиеся в последнее время состязания на самый долгий поцелуй и съедание гоночного велосипеда на скорость. Сугубо из уважения к традициям, ибо по существу они достаточно мало отличаются, скажем, от перетягивания каната. А ведь ста лет не прошло, как и за перетягивание каната победителям тоже вручали олимпийские медали!

Впрочем, родился спорт как дело совершенно прикладное. Еще древние греки отлично понимали, что воину полезно хорошо бегать (естественно, за врагом, а не от него, – не догонит, так хоть согрется), метать копьё, бить сопернику морду и даже метать диск (как оружие диски не употребляли – на них просто писали условия сдачи осажденного города и перекидывали их через крепостные стены). Тех греков, которые долго и упорно тренировали свой организм, чтоб одолеть соперников, не получая в награду ничего, кроме почета, стали называть аскетами. И лишь потом некоторые из них столь низко пали, что стали получать деньги за свои победы. Чтоб унижить этих жадин, для их наименования стали использовать жутко оскорбительное слово «атлет». А сейчас практически все спортсмены именно атлеты, а аскетизмом в их среде и не пахнет.

Ничего удивительного, как вы понимаете, нет и в том, что именно греки придумали Олимпийские игры. Они даже свое летоисчисление вели не от рождения бога, царя или героя, а от первой Олимпиады 776 года до нашей эры. Олимпийских медалей тогда еще не придумали, но почести победителям Олимпиад уже выходили за всякие рамки. Вплоть до того, что они въезжали в свой родной город не через ворота, как все люди: для них разбирали стену, показывая, что с такими гражданами стены городу не нужны – и так все трепещут. Естественно, потом пролом быстренько заделывали – на случай, если враги не слышали о славной победе их земляка. Двукратный олимпиик удостоивался еще более неслыханной почести – бюста на родине. Вот откуда, оказывается, Верховный Совет СССР слямзил свою идею о бюстах дважды героев! Впрочем, дважды Герой Соцтруда получал в СССР то, что в Древней Греции было положено лишь троекратному олимпиику – не просто бюст, а именно бюст, который на него хоть чуть-чуть похож. В Древней Греции, как ни странно, далеко не все скульпторы могли добиться портретного сходства, умеющие важничали, заламывали несусветные цены, и только для трехкратного чемпиона городские казначеи, кряхтя и почесывая затылки, все-таки отсчитывали необходимую на такое излишество сумму.

А вот до зачета по каждому городу-государству отдельно гармоничные греки просто не додумались. Нельзя, конечно, сказать, что никаких зачатков этого не наблюдалось. Известно, например, что среди чемпионов по борьбе спартанцев не было. Просто не участвовали, несмотря на то, что спартанские борцы были лучшими в Греции. Причина проста: после пары проигрышей спартанцы перестали вообще в этих соревнованиях участвовать, не желая, чтобы их хоть изредка побеждали. Во всяком случае, так пишет история. Я опасюсь, что случилось кое-что похуже, и кто-то из спартанских царей, не скажу сразу, Агесилай или Клеомен, велел после поражения разогнать к воронам (греки говорили «к воронам» вместо «ко всем чертям») олимпийскую сборную Спарты по борьбе, а угрюмые геронты из Комитета спартанской безопасности принялись выяснять с пристрастием, не продались ли проигравшие спартиаты изнеженным афинянам или подлым беотийцам. Думаете, проявляю излишнюю подозрительность? А ведь разогнал

Сталин футбольную команду ЦСКА, основу сборной, за проигрыш югославам на Олимпиаде 1952 года! Не иначе спартаец...

Но, в общем, стать олимпийщиком было почетно, и каждый к этому стремился, в том числе и великие люди. Алкивиад, например, как-то раз занял в олимпийском состязании колесниц-четверок сразу первое, второе и четвертое места. Как это так? Да очень просто: олимпийским победителем становился не тот, кто управлял колесницей-победителем, а тот, кому принадлежали впряженные в нее кони. Хорошо, что этот обычай не дожил до наших времен, а то быть бы, например, Биллу Гейтсу минимум двадцатикратным олимпийским чемпионом, и было бы неудобно швырять ему в лицо кремовые торты, а ведь хочется, причем уйме народу... Кстати, шутки шутками, а такой спорт тоже есть. Ежегодно проводятся чемпионаты мира, и правила уже очень подробно разработаны – диаметр торта должен быть не более 26,03 сантиметра, бросают его в лицо, отстоящее на 2,53 метра от метателя, а максимальное число очков за бросок – 6, и получить их можно только тогда, когда после попадания лицо мишени полностью залеплено кремом. Спасибо, хоть неолимпийский вид. Пока.

Не чужды спорту и ученые. В массе источников можно прочесть утверждение о том, что великий Пифагор был олимпийским чемпионом в кулачном бою. В том самом панкратионе, где разрешалось практически все, хоть кусайся, а особо ценились удары в лицо, поскольку в настоящем бою остальное защищено доспехами. Как после таких постоянных упражнений сохранить мозг до такой степени несотрясенным, чтоб выдумать «Пифагоровы штаны» – великая тайна. Судя по всему, к ее раскрытию приблизился физик и популяризатор науки Вальдемар Смилга, который перерыл все античные источники и не нашел там ничего подобного этой сенсационной новости. Даже не удалось выяснить, кто же первый наградил Пифагора этим спортивным титулом, не особенно свойственным ученым. Впрочем, встречалось такое и в нашем веке: запасным вратарем сборной Дании в финале лондонской Олимпиады был не кто иной, как Нильс Бор.

Только не вздумайте сожалеть, что спорт ныне отошел от великих идеалов, завещанных греками, – никогда не стоит преувеличивать античные добродетели! Еще в 388 году до нашей эры, на 98-й Олимпиаде фессалийский борец Евпол нашел средство одолеть самых грозных своих противников – выплатил каждому определенную сумму и победил, как теперь говорят, за явным преимуществом. Методика Евпола так прижилась, что процессы футболистов, за деньги проигрывающих кому угодно с наперед оплаченным счетом в обоих смыслах этого слова, уже даже никого не удивляют. У спортивных судей опыт в этом неблаговидном спорте достаточно велик. На Олимпиаде 1928 года в Амстердаме, когда скандалы вокруг судейства докатились до полного неприличия, всерьез пошли разговоры о том, что олимпийскую клятву должны давать не спортсмены, а судьи. Следующим шагом, очевидно, будет то, что судьи начнут вместо спортсменов бегать, прыгать и плавать.

Спорт не исчез и в Средневековье, несмотря на то, что мрачные христианские фанатики запретили Олимпийские игры как языческие. Рыцари упражнялись не только в фехтовании и конном спорте – в число рыцарских добродетелей входило и плавание, причем типично военно-прикладное, не самостоятельно, а на лошади. А чтоб избежать упреков в язычестве, средневековые английские спортсмены придали своим штудиям красивый духовный смысл. Кожаный мяч, призванный изображать самого дьявола, ставился на поле между двумя городами или деревнями, а все взрослое население обоих населенных пунктов, усердно пиная Князя Тьмы и всех, кто подвернется, ногами, старалось загнать нечистого на территорию противника. Кто первым загонит дьявола в ад, сиречь в обусловленное место в деревне соперников, тот и победил. Называлось это

безобразия, как вы уже догадались, футболом и сопровождалось такими драками и бесчинствами, что его десятки раз запрещали английские короли, сопровождая запреты посильными репрессиями. Так что за спиной хулиганствующих английских болельщиков вековые традиции, и ничего удивительного в их пакостном поведении нет – разве что сопровождение данного богоугодного действия откровенно богохульной лексикой.

Любили спорт и кровожадные ацтеки. Самая популярная ацтекская игра напоминала баскетбол с той разницей, что попасть в кольцо было практически невозможно. Так что обычно под ликование зрителей побеждал тот, кто чаще ударял мячом о стенку за спиной соперника так, что он приземлялся на его половине поля, за что и получал в награду не только призы, но и право принести противника в жертву. До этого у нас, правда, пока не додумались, хотя, судя по тому, насколько откровенно наши спортсмены попросту отбивают на поле номер, подумать бы стоило. А вот более блестящая победа – попадание в кольцо – сопровождалась гораздо меньшим ликованием зрителей. Почему? Да потому, что в этом случае команда-победитель получала дополнительную награду – все имущество, включая одежду, собравшихся на стадионе болельщиков. Вопрос о внедрении этого ацтекского средства покончить с невыплатой спортсменам зарплаты тоже, пожалуй, стоило бы обсудить...

А расцвет спорта в последнее столетие однозначно связан с именем французского барона Пьера де Кубертена. Правда, еще в 1838 году жители греческой деревни Летрино в честь освобождения от турецкого ига возродили Олимпийские игры, но распространить свой почин не смогли. А Кубертен смог, хотя сам только единожды стал олимпийским победителем – на Олимпиаде в Париже, где, по примеру греков, состязались и поэты. Мы все знаем только начало девятой части его оды – «О спорт, ты мир!», хотя, по мнению Кубертена, спорт еще и наслаждение, зодчий, справедливость, вызов, благородство, радость, плодотворность и прогресс. Хорошо бы, если так... Но успех его начинания феноменален. Он даже породил новый вид спорта – марафонский бег, в честь легендарного гонца, сообщившего грекам о победе над персами и упавшего замертво. До этого обычно дело не доходит, так как марафонский вестник пробежал дистанцию в доспехах и полном вооружении, но бывает всякое. На IV Олимпийских играх в Лондоне марафонец Дорандо из Италии вбежал на стадион и упал. Ему кинулись помогать, но он, отвергая помощь, встал и пересек финишную линию. Однако потому, что оказывать помощь ему все-таки начали, он был дисквалифицирован. Ему был вручен специальный приз, а с амвона собора Святого Петра епископ пенсильванский произнес знаменитую фразу, которую потом ошибочно стали приписывать барону де Кубертену: «Главное – не победа, а участие». Ее признавали и в советском спорте, правда, с маленькой модификацией. «Да, – говорили тогда чиновники Спорткомитета, – главное – не победить, главное – участвовать. Но наши участники должны победить!»

А вот победителя марафонского бега I Олимпиады, если он окажется греком, ждали обещанные благодарными соотечественниками награды: дочь миллионера с огромным приданым, золотой кубок, бочка вина, бесплатное питание в течение года, бесплатный пошив платья и пользование услугами парикмахера на всю жизнь, тонна шоколада, 10 коров и 30 баранов. Победил грек Спирос Луис и был, естественно, щедро вознагражден благодарными соотечественниками. А вот как вы думаете, какую сумму он получил в награду от Оргкомитета игр, пробежав марафонскую дистанцию быстрее всех? Ни копейки – тогдашними правилами Олимпиад это строжайше запрещалось! Да и в более поздние времена достаточно серьезно муссировался вопрос о том, кто может считаться спортсменом-любителем. Например, в 1867 году в уставе основанного в Лондоне Любительского атлетического клуба были указаны три категории лиц, которые не могли считаться любителями, – платные тренеры, лица, ранее принимавшие деньги за

соревнования и, что любопытно, работники физического труда. Если бы это действовало и в советские времена, масса наших футболистов, числящихся токарями, грузчиками и подсобниками, сразу потеряла бы любительский статус.

На олимпийских состязаниях вообще случалось немало веселого. То американец Роберт Ле Жандр на играх 1924 года установит никем на этих играх не побитый мировой рекорд в прыжках в длину, но получит лишь бронзовую медаль – не там, где надо, прыгал, просто удачно прошел третий этап легкоатлетического пятиборья. То в 1904 году японец Фуни побьет всех в прыжках с шестом, поскольку просто втыкает его в песок и перелезает через любую планку за милую душу (потом специально ввели в правила, что во время прыжка запрещается перехватывать шест). То советский пятиборец Онищенко вмонтирует в рукоятку своей шпаги электронное устройство, показывающее укол не когда он есть, а когда Онищенко хочется (куда он на Олимпиаду? На Нобелевскую премию выставляться надо было!). То на Олимпиаде в Лейк-Плэсиде 1932 года, несмотря на Великую депрессию, все трибуны битком, потому что именно ради такого счастья отменили на Играх «сухой закон» (эта традиция, как видите, укоренилась). О спорт, ты – не только мир!

А как рано можно стать спортсменом! Недавно в возрасте 16 лет умер неоднократный олимпийский чемпион – конь, приведший своих всадников к заветному пьедесталу. Самые молодые чемпионы – гимнасты, самые старые – парусники. А великая лыжница Раиса Сметанина, не успев отпраздновать свой 10-й день рождения, тем не менее успела стать десятикратной олимпийской чемпионкой, семикратной чемпионкой мира и двадцатидюкратной чемпионкой СССР. Дело в том, что она родилась 29 февраля...

Ну и отдельная часть спорта – запаянко, тиффози, торсидорес... в общем, болельщики. То, что они (точнее, мы – кто из нас не болельщик?) не совсем здоровы, обсуждению не подлежит. Но есть и что-то благородное в этом безумии. Во время чемпионата мира по футболу в Мексике один приговоренный к смертной казни мексиканец вымолил себе отсрочку исполнения приговора до окончания чемпионата, уверив тюремное начальство, что, досмотрев чемпионат, он уже ничего не будет желать на этой земле и умиротворенным пойдет на казнь. В итоге казнь не состоялась, но ему все равно не удалось досмотреть чемпионат до конца – после проигрыша Мексики он умер от инфаркта. Наверное, он был не очень хорошим человеком. Но не завидовать такой легкой смерти просто невозможно. О спорт, ты – спорт!

...А кушать хочется всегда

Знаете ли вы, за что мы ценим друг друга? Недавно психологи установили, за что больше всего маленькие дети хвалят и ценят своих друзей по детскому садику. Самый популярный ответ был: «Он хорошо кушает» – почему бы нет, ведь воспитательница больше всего хвалит именно за это. Не глаголет ли устами младенца истина, причем весьма простая – все любят вкусно поесть? Думаю, что глаголет, причем с незапамятных времен. Долгое время археологи никак не могли догадаться, почему первобытные художники, рисуя лося на стене пещеры, почти всегда изображали его с чудовищно гипертрофированной нижней губой. Спас положение археолог-гурман, любитель дичи, который знал, что самая вкусная часть лося – как раз нижняя губа. Так кулинария помогла археологии, причем случай этот отнюдь не единичный. Писатель и археолог Валентин Берестов вспоминал, как молодой девушке, желавшей быть принятой в археологическую экспедицию, археологи посоветовали изучить некую толстую книгу, каждая строчка которой, по их словам, была пронизана любовью к человечеству, и справедливо заверяли ее, что человека, досконально изучившего эту книгу, с удовольствием возьмут в любую

экспедицию (что представляет собой чистую правду). И это была, конечно же, поваренная книга – не зря одну из них американское издательство рекламировало как книгу, необходимую любой девушке, желающей вступить в брак.

С этой самой глубокой древности еда, источник жизни, ассоциировалась с чем-то священным и находилась под бдительным оком господствующей на данный момент церкви. До сих пор в кувейтских ресторанах не подают нераскрытых устриц – вдруг в какой-нибудь из них окажется жемчужина? Покупку такой еды кувейтские улемы сочли разновидностью азартной игры, а пророк их запретил. А запрет мусульман и евреев на употребление свинины стал источником такого количества фольклора, что ни в один фолиант не вместится. Это даже не говоря о реальных фактах относительно того, где скрывали от бдительной мусульманской таможни послы Ивана Грозного секретные инструкции, а венецианские разведчики мощи св. Марка, – в свинине, конечно же, и притронуться никто не посмел! Впрочем, я больше люблю историю о ксендзе, угощавшем попутчика-раввина ветчиной и на его отказ ехидно заметившем: «Жаль-жаль, приятнейшая, знаете ли, штука!» Раввин, как вы все понимаете, в долгу не остался и, прощаясь с попутчиком, не забыл заметить: «Всего хорошего, пан ксендз, и поклоны вашей супруге. А-а-а, вам нельзя? Жаль-жаль, приятнейшая, знаете ли, штука!»

Кстати, не только раввину вредно свиное сало. По некоторым российским и украинским народным поверьям, все болезни – это имена дочерей царя Ирода: Лихорадка, Лихоманка, Трясуха, Гнетуха, Желтуха, Бледнуха, Знобуха – всего числом двадцать. Поэтому одним из самых надежных средств против болезней, в полном соответствии с Библией, считается привязанный на нательный крест кусочек свиного сала: они же, Иродовы дочки, все еврейки, им рядом с салом находиться никак нельзя. Поверить в это не так уж трудно, особенно сопоставив с тем, что израильские почтовые марки отличаются от прочих не только рисунком и языком, но и непременной кошерностью клея на их обратной стороне – чтоб и хасиды могли переписываться, не греша. А закончить разговор о диетических предпочтениях евреев я хотел бы категорическим отказом Фаины Раневской съесть приготовленную ее подругой Ией Саввиной курицу. «Еврей ест курицу в двух случаях: когда еврей болен или когда курица больна!» – сказала, как припечатала, великая актриса.

Масса интересного и в истории пищевых продуктов. Некоторые из них (например, соль и бобы какао) служили в ряде государств деньгами, а бобы какао даже подделывали, набивая землей их шелуху. Да и при Карле Великом все платежи исчисляли в коровах. Ничего себе кошельки приходилось носить подданным Каролингов! Думаю, что именно их печальный опыт затормозил введение в России валюты, не подвластной инфляции, – «мерзавчика» хорошей «Московской» или «Столичной». А то чего проще – плевать им на курс доллара с высокого столба, как стоил дефицитный подшипник бутылку водки, так и будет стоять.

А вот кофе мусульмане чуть не запретили прямо на корню, ибо уподобили ввиду возбуждающего действия запрещенному Кораном вину. В начале XVI века правитель Мекки Хаир-бей даже сжег все запасы кофе (запах небось стоял – закачаешься!). Да и в Стамбуле, где он появился в 1554 году, поначалу его запретили. Но даже толкователь Корана шейх Абусууд в итоге не согласился признать его противоречащим исламу. В итоге он вошел в обиход, а кофейни там стали называть школами познания. В результате проблемы с этим напитком возникли в средневековой Европе, где велась самая настоящая пропагандистская кампания в печати против его употребления. Купленные журналисты называли его «сиропом из сажи», «отвратительным отваром из старых сапог» и еще почище, не говоря уже о тех же обвинениях в идеологической агрессии исламу, до жути похожих на то, что лет 40 назад писали в советской печати о кока-коле. Толку от этого в

итоге было мало. А оплачивали наемных борзописцев, конечно же, производители вина и пива – зачем им лишний конкурент?

Зато когда уж кофе полюбили, то полюбили по полной программе. Известный физик Алессандро Вольта был страстным поклонником кофе, который он пил всегда без молока и сахара. Объяснял он друзьям свою привычку крайне логично: «Если в чашке нет ни молока, ни сахара, значит, в ней уместится больше кофе». Современные бразильцы тоже любят кофе, но с Вольты не согласны: чтоб показать официанту в бразильском ресторане, что вы хотите еще кофе, достаточно наполнить свою чашечку до половины сахаром (ну и сироп они там пьют!). А кое-где роль кофе стала воистину символической. В высших кругах вашингтонской бюрократии подать гостям вторую чашку кофе, причем без коньяка, – все равно что по правилам современного этикета налить всем дорогим гостям, но демонстративно не налить себе. Смысл и того, и другого одинаков – «дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?».

Еще более красивым символом стал кофе в Боснии. Пришедшим в избу сватам, выслушав их речи про лисицу – красну девицу и охотника – добра молодца, ничего не отвечают – только подносят по чашке кофе. Сваты чинно выпивают скромное угощение и, не сказав ни слова, уходят, зная, что им ответили. Если кофе подали с сахаром – пора готовиться к свадьбе, если без – извините, поищите свое счастье в другом месте. Но «нет» никому никто в глаза не говорит, в неудобное положение при свидетелях не ставит. На то и этикет, чтоб даже в конфликтных ситуациях уменьшать поводы для конфликтов.

Впрочем, кофе – не единственный напиток с историей. Знаете ли вы, что когда в 1638 году московский посол Василий Старков получил в подарок от монгольского Алтын-хана 4 пуда сушеных листьев, он чуть войну Китаю не объявил – за оскорбление российского царя, которому в обмен на подаренные соболя сено дарят? Слава богу, кто-то научил его заваривать это сено, называемое северными китайцами «ча» (южные называют его «тэ»), англичане от них научились чай пить, поэтому и зовут его иначе), и уже через десять лет после этого на московских базарах по десять сортов чая продавались одновременно – пришелся по вкусу! Даже сто лет назад москвичи так любили чаек, что подливали гостю еще и еще, сколько бы он ни отодвигал стакан, и только одно действие, согласно замоскворецкому этикету, означало, что гость вот-вот лопнет, разругается либо некрасивый поступок против воли совершит и поэтому ему подливать больше не стоит, – если гость переворачивал стакан вверх дном.

Любили на Руси и квас, причем настолько любили, что составитель русско-латинского словаря Поликарпов, живший триста лет назад, счел необходимым перевести слово «квас» на латынь. Изобретательности у него хватало, слово «боярин» он перевел на латынь словами «senator» и «satrapes», слово «воевода» – «imperator» или «praefectus», слово «кафтан» – «tunica» и «toga». Нашел он латинский эквивалент и для слова «квас» – «fermentum». Знал бы Цицерон... А в XIX веке появился в шикарном ресторане напиток с забавным названием «французское с нижегородским», попавшим даже в «Горе от ума» Грибоедова, – шампанское пополам с квасом. Серьезные рестораны были в XIX веке, не чета нашим!

Впрочем, ресторан и есть место экзотическое, праздничное. В Осло есть рыбный ресторан «Кит», в котором, если предъявите документальное доказательство того, что носите имя Иона (в любом варианте – от Джонаса до Юнуса), вы получите бесплатное жаркое из китятины, а если и ваша фамилия происходит от этого имени, вы обедаете у них бесплатно. В качестве компенсации за страдания библейского Ионы в утробе кита. К меню одного из парижских ресторанов прилагается большая псевдонаучная статья,

согласно которой куры во время сна стоят на правой ноге. На этом основании левая куриная ножка у них стоит существенно дороже правой – мясо нежней. А некий ресторан в Нью-Йорке проставляет на счете время пребывания клиента в ресторане и заверяет это печатью, потому что ресторан называется «Полное алиби».

Свои причины рассчитывать на внимание клиентов есть и у одного лондонского ресторана, девиз которого: «У нас вы никогда не найдете волоса в супе!» Достигается это просто – и повара, и официанты, да и сам хозяин ресторана лысы как колесо. Но в это еще можно поверить без особого напряжения. А вот что один голландский ресторан ввел правило, согласно которому клиент, пообедав, платит не по счету, а сколько сочтет нужным, и после этого не разорился в три дня – в это поверить трудно. Тем не менее ресторан до сих пор работает в этом режиме и горя не знает, более того – хозяин хвастается, что в среднем получает с клиента на полтора доллара больше, чем если бы предъявлял счета. Адрес этого ресторана знаю, но не скажу – голландцев жалко.

Видите, как распространено в пространстве стремление полакомиться? Так и во времени – то же самое. Еще во времена Третьей Пунической войны в Риме был принят закон против роскоши, запрещающий откорм кур в гурманских целях. Но древнеримские обжоры ухитрялись порадовать себя и обходить этот закон, не подвергаясь наказанию, весьма простым способом – откармливали петухов. Добытые в XIV веке в Китае самим Марко Поло рецепты того, что мы сейчас называем мороженым, порой объявлялись государственной тайной, и кое-кто поплатился головой за ее разглашение.

А у древних греков так ценили инжир, что за его контрабандный вывоз грозили суровыми карами. Эти постановления, как водится, нарушали, причем настолько часто, что возник целый общественный слой сикофантов – доносчиков на тех, кто вывозит из Греции драгоценные фиги (именно так называются ягоды инжира) мимо таможни. Они даже имели тайный знак, который украдкой показывали друг другу, чтобы действовать заодно. Если не поняли, какой – еще раз прочтите чуть выше, как называется ягода инжира. Впрочем, привычная нам античная трактовка кукиша благороднее, чем японская. Когда комендант Порт-Артура генерал Стессель велел нарисовать на японском ультиматуме о сдаче Порт-Артура кукиш и вернуть его в таком виде японцам, лучше знающий обычаи неприятеля генерал Кондратенко отговорил его, объяснив, что именно таким образом некая прослойка японских дам не очень тяжелого поведения подзывает к себе клиентов.

Любимые мои интеллектуальные игры искусство услаждения брюха тоже не обошло. В русских гостиных два века назад играли в слова, но не так, как мы сейчас: играющим подносили коктейль, а тогдашние Друзи и Поташевы пробовали его и глубокомысленно изрекали: «Здесь есть «Московская», «Очищенная», «Совиньон», коньяк, вишневка... а-а-а, еще апельсиновый ликер... понятно – задумано слово «Москва!» При чем это еще считалось относительно простой задачей, ибо асы этой игры по одному глоточку адской смеси могли распознать слово «Навуходоносор». Я бы, например, не смог...

Интересно заметить, что еда нужна не только для еды. Генерала Вашингтона его повар Бейли пытался отравить помидорами и, не узнав, что легенды о ядовитости помидоров не полностью соответствуют истине, зарезался собственным ножом, чтоб избежать ареста и расстрела. Почти то же самое, по рассказам Мишеля Монтеня, делали знатные француженки, глотая песок и золу – чтоб обзавестись аристократической бледностью, верной спутницей желудочных заболеваний. А для заполнения пустот в ящиках, где перевозят различные приборы, наконец-то нашли замену пенопласту, который потом трудно утилизировать – обыкновенный попкорн, который ничуть не хуже, зато экологически безвреден.

Вообще, связь кулинарии и технологии также несомненна – домохозяйки из Гонолулу стирают осьминогов в стиральных машинах, только без порошка. Не для чистоты, а чтоб как-то отбить жесткое мясо. Впрочем, верно и обратное. Француз Мишель Лотито, известный под кличкой Мсье-Ем-Все, с 1966 года съел десять велосипедов, семь телевизоров, легкий одномоторный самолет и много других столь же вкусных вещей. Но самое удивительное из его «блюд» – предмет, который впервые оказался полностью внутри человека, а не наоборот, как бывает обычно. Так Лотито и попал в Книгу рекордов Гиннеса – как первый человек, съевший гроб.

Но не надо о жутком – хотя бы потому, что желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность. Так сказал великий французский кулинар Брийа-Саварен, а ему виднее. И не надо с этим спорить и требовать доказательств – некоторые вещи в такой священной отрасли, как кулинария, должны быть ясны интуитивно. Не зря ведь Петр Вайль и Александр Генис отказываются отвечать на вопрос, следует ли подавать к ухе водку в хрустальном запотевшем графине, – потому что сам вопрос преступен и бессмыслен, а ответ на него очевиден. Хотя не все в кулинарии очевидно – есть и там свои тайны.

Когда у великого американского физика китайского происхождения Ли, пользующегося огромным уважением среди своих соплеменников, один его американский знакомый попросил совета, что заказывать в китайских рестораниках, Ли сказал: «Вы не произнесете, я лучше запишу». По его записке американца действительно во всех китайских рестораниках кормили по-царски – но блюдо всегда было другое! Американца замучило любопытство – что же это за блюдо с таким коротким названием, принимающее столь разнообразные формы? Он нашел знатока китайского языка, и тот перевел ему название этого чудесного блюда. Вот он, дословный перевод этой записки: «Это мой друг, накормите его получше. Доктор Ли». По-моему, здесь скрыт весь смысл кулинарии. Кормите получше своих друзей – они этого заслуживают!

Великие до смешного

Что можно сказать о политике и политиках более обидного, чем то, что говорят они сами? Джон Гэлбрейт считал, что политика – выбор между гибельным и неприятным, Джон Морли, английский политик и публицист, называл ее неустанным выбором из двух зол, а актер Питер Устинов говорил, что политика есть искусство удерживать людей от участия в делах, которые их прямо касаются. Не зря, очевидно, Шарль де Голль утверждал, что политика очень серьезное дело, и поэтому доверять ее политикам нельзя. Ему, французу, виднее – когда его соотечественнику Талейрану кто-то посмел заикнуться, что члены палаты депутатов, конечно, не ахти какие светочи разума, но хоть совесть имеют, тот немедленно подтвердил: «Да, имеют – и не одну». Кстати, о том, кто кого имеет, наиболее четко высказался американский режиссер Мел Брукс, предположив, что президенты делают со своими странами то, что не могут делать со своими женами.

В общем, политика есть занятие само по себе смешное – накануне «праздков весны» чехи доказывали крайнюю непопулярность своего президента тем, что про него даже анекдотов нет. Более того, это занятие не ахти как уважаемое – социологический опрос показал, что 85 % американских матерей не хотели бы, чтоб их сын занимался политикой. А то, что 95 % из них тем не менее хотели бы, чтоб их сын стал президентом США, говорит о женской логике больше, чем куча бак.

Конечно, политиков уважают – например, очень пышно хоронят. Когда мумию Рамзеса II в 1977 году привезли в Париж, в Орли выстроили почетный караул, прибыли послы Франции и Египта, подняли флаги этих государств и исполнили гимны. Правда, строевого смотра мумия не провела – по всей вероятности, ввиду отсутствия во французской армии пращников и колесничих. Так что умирать политикам неплохо, зато жить – так себе. Во-первых, у них воруют. Екатерина II, например, когда видела, как ее слуги несут с дворцовой кухни чуть ли не мешками, всегда говорила одно и то же: «Хоть бы мне что-то оставили!» Правда, она была большая оптимистка и в одном из писем отмечала, что ее обворовывают так же, как и других, но это хороший знак – есть что воровать. У нас же если в скором времени и прекратится коррупция, то исключительно естественным путем, а это еще хуже.

Вот вам и во-вторых: они сами воруют – и потом получают, что положено. А о масштабах этого явления, скажем, в Израиле хорошо говорит лозунг тамошней политической партии русских эмигрантов, руководимой советским диссидентом Натаном Щаранским. «Мы сначала сидели в тюрьме, а потом занимались политикой – но не наоборот!» – говорил он, и избиратели это оценили, потому что деятели прочих партий эту последовательность часто путали. Единственная правильная мера для уменьшения воровства среди власть имущих принадлежит Лжедмитрию I – он не только установил смертную казнь за взятки и казнокрадство, но и резко повысил казенному люду оклады, чтоб воровать было и стыдно, и нецелесообразно. Это так взбесило российский чиновный мир, что его немедленно свергли – отказываться от воровства чиновники не хотели ни за какие деньги.

Не следует забывать и в-третьих – работа вредная. Что сделал некий Джон Хинкли, чтоб доказать третьеразрядной актриске, какой он крутой? Взял пистолет и всадил Рональду Рейгану пулю в легкое. Чуть в сторону – и некому было бы бороться с «империей зла». А Александр II? Как за зайцем охотились, покушение за покушением устраивали, пока не убили. Сколько их было – затрудняюсь сказать, гадалка сказала, что он переживет семь покушений, поэтому бомбу Рысакова некоторые считают седьмым, а убившую царя бомбу Гриневецкого – роковым восьмым. Сказала бы гадалка «десять» – тогда бы каждый выстрел Соловьева отдельным покушением считали, он-то в самодержца целую обойму разрядил, ни разу не попал, дилетант, – а были бы лишние, их бы тоже как-то объяснили.

Это, кстати, еще не весь вред. Хрущев, например, с собой всюду специальную рюмку возил, подаренную, кстати, супругой американского посла Джейн Томпсон. Вид у нее был весьма внушительный, но на самом деле все в ней было залито стеклом и места для алкоголя оставалось чуть-чуть, хотя и казалось, что налито немало. Слава богу, а то Хрущев и трезвым такое мог, что до сих пор в музее ООН хранится сломанный молоточек – председатель пытался урезонить Хрущева, в знак протеста колошматящего собственной тупфлей по трибуне, уже и молоток сломал, а Никите Сергеичу хоть бы что. Правда, Хрущев личность неоднозначная, были у него и достоинства. Сам он, например, считал самым большим своим плюсом то, что снимали его простым голосованием – это после Сталина-то! А лично мне запомнилось другое – как после публикации мемуаров Никиты Сергеевича за рубежом Кириленко стал ему угрожать, что отберут машину и дачу. Хрущев ответил: «Тогда я пойду по стране с протянутой рукой, и мне подадут – хотя бы родственники тех, которым я вернул доброе имя. А кто тебе подаст?»

Сказать, что политики в массе своей заслуживают менее нервной работы, я не рискну. Недаром же с 1930 года уголовный кодекс штата Виргиния запрещает коррупцию и взяточничество всем гражданам, кроме кандидатов на выборах, – издавать неисполняемые законы попросту вредно. Но и мнение о политиках во всем мире уже сложилось. О некоем политике сам Марк Твен написал в газете: «Мистер Н. даже не заслуживает, чтоб ему

плюнули в лицо». Политик возмущился, подал на Твена в суд и добился публикации опровержения. Марк Твен признал, что мистер Н. заслуживает того, чтоб ему плюнули в лицо. На этом дискуссия и завяла.

Впрочем, с журналистами политикам лучше ладить. В 20-е годы прошлого века американский сенатор Джонс оскорбил журналистов, и они решили ему отомстить. Что же они такого стали о нем писать, что привело к быстрому закату его политической карьеры? А ничего – это самое страшное. Они просто стали замалчивать его действия, и Джонсу как политику пришел конец.

Правда, и политики попадают такие, что палец им в рот не положил бы даже Фунт. Президент Линкольн всегда находил, как отшутиться. Когда высокорослого (193 сантиметра!) Линкольна спросили: «Интересно, какой это должны быть длины ноги нормального человека?» – он с ходу ответил: «Чтоб доставали до земли». Когда какой-то аристократ презрительно бросил демократичному Линкольну, предпочитавшему обслуживать себя самостоятельно: «Джентльмен не чистит свои ботинки!» – тот только поинтересовался: «А чьи же ботинки он чистит?» Когда завистники, желая опорочить храброго и талантливого генерала Гранта, донесли Линкольну, что тот любит выпить, президент немедленно спросил: «А какой сорт виски он пьет? Немедленно вышлю по бочке всем прочим генералам». Ну и уж совершенно хрестоматийной стала просьба Линкольна, обращенная к официанту какой-то американской забегаловки: «Если то, что вы принесли мне, – чай, то принесите, пожалуйста, кофе, а если это кофе, то принесите, пожалуйста, чай». В итоге ежегодно американцы проводят большой конкурс анекдотов имени Линкольна. Нам бы дожить до такого конкурса в честь кого-то из наших лидеров, но боюсь, что это пока непосильная задача для нашей медицины...

А уж когда политикам достается на орехи по полной программе – это перед выборами. Консерваторы, критикуя лидера лейбористов Каллагана, изобразили его в виде капитана, продающего билеты на свой корабль. Все бы ничего, кроме названия корабля – «Титаник». Имиджмейкеры Никсона распространяли анекдот о его сопернике Кеннеди, в котором отец его спрашивал: «Кем ты хочешь быть?» «Я хочу быть президентом», – отвечал Джон. – «Прекрасно. А кем ты хочешь быть, когда вырастешь?» Впрочем, помогло это мало, и самый молодой президент США победил на выборах. На то и выборы – пусть граждане решают, а если выберут Гитлера или Муссолини (оба пришли к власти совершенно законным путем), пусть пеняют на себя. Что делать, прав Бертран Рассел – при демократии дураки имеют право голосовать. Зато при диктатуре они имеют право править. А демократическая процедура толково разъясняет даже то, что надо делать правительству, которое недоволено своим народом. Бертольт Брехт справедливо замечает, что такое правительство должно распустил свой народ и выбрать себе новый.

Еще одна любопытная черта политиков – амбициозность. Даже в наше время на следующий день после прихода к власти Фиделя Кастро администрация Русского музея перевесила в запасник картину, изображающую горе старой барыни по поводу смерти любимой собачки. Все дело было в названии картины – «Кончина Фидельки». А вдруг Кастро рассердится и войну нам объявит? И это еще современность – при королеве Елизавете бывало и того пуще. Главный церемониймейстер ее двора сэр Джон Финнет писал в своем дневнике, что как-то раз венецианский посол, приглашенный на придворный праздник, потребовал сообщить ему текст приглашения, посланного французскому послу. Ожидая подвоха, сэр Джон выслал ему просимый документ, повторявший приглашение венецианскому послу практически слово в слово. Тогда посол ехидно спросил: «А кому его выслали раньше?» Если надо придраться – находится, к чему. Правда, сэр Джон тоже был ловкач. Когда французский и испанский послы чуть не

передрались из-за того, кому сидеть по правую руку от папского посла, он посадил на это место папского нунция, одного из послов – по левую руку от посла папы (менее почетная сторона, но рядом), а другого – по правую руку от нунция (более почетная сторона, но через человека). В итоге войны удалось избежать.

Этикет – вообще великая сила. Когда английская королева Анна назначила своего кузена графа Кларендонского губернатором Нью-Йорка, он прибыл в Америку, одетый в женское платье. Объяснял он это весьма логично: в этом городе я представляю женщину. Думаю, что в наше время его поведению нашли бы и другое объяснение...

Хватает проблем и без этикета. В 1897 году Генеральная ассамблея штата Индиана утвердила билль 246, согласно которому число «пи» принималось равным 4. Нет сил это комментировать. Неудивительно, что, когда конгрессмен Гэлбрайт предложил законодательному собранию штата Огайо для экономии топлива обсудить законопроект о переносе января и февраля куда-нибудь поближе к лету, в повестку дня это таки включили. Но не приняли – все же Америка. Скажем, за Думу я бы не поручился...

Ну что тут поделать – все равно на всех избирателей не угодишь, нужно считаться с общественным мнением. Наполеон, правда, говорил, что общественное мнение – публичная девка, британский политик Морис Картер считал его последним убежищем политиков, которые не имеют своего, культуролог Кшиштоф Теплиц полагал, что это – мнение тех, чьего мнения не спрашивают, а Зигмунд Графф говорил, что общественное мнение похоже на привидение в старинном замке: никто его не видел, но всех им пугают. Да и трудно ли бросить кость общественному мнению?

Просто надо держаться уверенно и не теряться. Когда израильскому премьеру Бен Гуриону в панике доложили, что в Земле обетованной появились первые проститутки, он только пожал плечами и сказал: «Видите, теперь у нас все как у людей!» Так и надо – коротко и ясно. А то Виктор Черномырдин хочет выразить хорошую мысль относительно того, что решения правительства выполняются, и гордо заявляет: «Мы выполнили все пункты, от А до Б», чем повергает филологов в полное недоумение – а куда делась еще 31 буква русского алфавита?.. Все-таки он великий афорист – его «Хотелось, как лучше, а вышло, как всегда» уже давно стало народной мудростью, и не все уже помнят, кто сказал это впервые.

В утешение общественному мнению хотел бы заметить, что не только его обманывают. Британский политик Герберт Асквит говорил, что военное министерство готовит три вида отчетов – для того чтобы обманывать три разные группы людей: первый – чтобы обманывать общественность; второй – чтобы обманывать кабинет министров, а третий – чтобы обманывать само военное министерство. Свое, а не вражеское!

Неудивительно, что заниматься политикой трудно. Чтоб хоть как-то отвлечься от этого замечательного дела, политики так часто теряют нить, что Франклин Рузвельт даже выработал специальный прием борьбы с этим. Когда ему казалось, что собеседник слушает его невнимательно, он говорил: «Вчера я убил свою бабушку». Обычно в ответ ему кивали и говорили: «Да-да, конечно».

Каждый пишет, как он слышит

Тяжело быть писателем. Читателем легче. Прочтешь – и ругай себе в свое удовольствие. А писатели трудятся, рискуют: вот за неудачную оду Калигула заставлял оную оду съесть, а пергамент отнюдь не бумага – жесткий и невкусный. Зато в том же Риме удобства для

работы были потрясающие: рядом с писателем должен был шествовать раб-пигмей с обритой головой. Если что в голову приходит, можно сразу на лысине у этого пигмея мелом и записать, белым по черному. Пигмеи, чай, не славяне, чесать в затылке привычки не имели. Не сотрут.

Труднее было творцам при дворе восточных деспотов. С одной стороны, всегда есть беспроегрешная тема – величие и мудрость вышеупомянутого деспота, превосходящие всякое вероятие. С другой – нравы были настолько просты, что роль литературного критика вполне могли доверить по совместительству и придворному палачу, а у него аргументы сами знаете какие. Приходилось проявлять творческие способности еще и в таком импровизационном жанре, как ответы на критические замечания властителя, не влекущие за собой немедленной казни. Вот великий поэт Хафиз как-то необдуманно написал, что за родинку некой прекрасной турчанки готов отдать и Самарканд, и Бухару. Кто бы мог подумать, что Тимур возьмет его родной Шираз, прикажет привести к нему Хафиза и скажет: «О несчастный! Я потратил полжизни на украшение Самарканда и Бухары, а ты готов отдать их за бровь какой-то потаскухи?!» Державный гнев утих только после ответа Хафиза: «Из-за такой щедрости я и пребываю в такой бедности». Тимур пришел в восторг и отпустил поэта с богатым подарком, дабы дать ему возможность проявить первое качество, не впадая во второе.

Впрочем, у арабских литработников были свои сложности, а у европейских – свои. У арабов не 5 основных стихотворных размеров, а 27, потому что у верблюда в отличие от лошади много разных аллюров и, чтобы приспособиться к тряске, нужно читать стихи ей в такт. А у нас в Европе зато была инквизиция – тоже неплохой творческий стимул. Кардинал Ришелье, который был осведомлен о проблеме с двух сторон (как церковник и как писатель), просто утверждал, что кого угодно можно признать еретиком за любые три слова. «Даже за слова «верую в Бога»? – поинтересовался некий скептик. «За это, пожалуй, просто сразу сожгут, – успокоил его кардинал. – Вы только что заявили, что не веруете в Святую Троицу, месье».

Легче жить стало после того, как Генри Филдинг посвятил свое очередное творение не какому-то лорду, а новому кормильцу – читающей публике. Ну и правильно, хватит унижаться. А то напишешь оду императору, а он, вместо того чтобы раскошелиться, отвечает тебе своей одой. Заплатить бы ему, мерзавцу, чтоб знал, как насмешничать, да денег нет – очень на свою оду в этом плане рассчитывал, а тут такое непотребство... Да и газеты появились – не пропадешь, прокормишься. Дюма вот с газетных гонораров целый замок построил. Немудрено – он в 1860 году роман Лажечникова «Ледяной дом» написал, а через год – повесть Бестужева-Марлинского «Мулла Нур». Издал под своей фамилией, как положено, – жалко, что ли, диким москвитам? Сами понимаете, нажитое таким путем долго в кармане не залежалось – незадолго перед смертью больной Дюма выложил перед сыном два луидора из своего кошелька и посетовал: «Почему все меня обвиняют в мотовстве? Когда в двадцать лет я приехал в Париж, у меня в кошельке было два луидора. Так вот же они!»

Впрочем, что с французов возьмешь! Когда один психиатр обещал показать гостю города Парижа интересного душевнобольного, тот застал у психиатра в гостях двоих – тихого человечка, не говорящего ни слова, и истеричного крикуна, орущего, не переставая, о своем величии и гениальности. «Как вам псих?» – поинтересовался потом врач. «Интересно, но очень уж шумный, – робко ответил гость. – Я все боялся, вдруг набросится». «Что вы, это Бальзак в гости забежал!» – признался психиатр. Ничего удивительного – когда в разговоре с Бальзаком речь заходила о нем, он вставал и снимал шляпу. Из уважения. Впрочем, французский классик его заслуживал – по самым разным

причинам. Знаете, как он выяснял, сколько в незнакомой ему Австро-Венгрии надо платить извозчику? Клад тому на ладонь монетку за монеткой, пока физиономия извозчика не расплывалась в улыбке, после чего забирал одну монетку и уходил. Можете за границей применить эту методу: сработало у Бальзака – пройдет и у вас.

Да и окружение у Бальзака тоже было всякое. О Викторе Гюго Жан Кокто так и говорил, что Виктор Гюго – это псих с тяжелым случаем мании величия, вообразивший себя Виктором Гюго. Страна такая. Какой-то французский писака в конце прошлого века поведал миру, как его герой целовал даме сердца ручку, белую и пухлую, как у Венеры Милосской. Так вот она какая была...

То ли дело англичане! Английский юмор всегда был спокоен и прост. Артур Конан Дойл послал десяти своим приятелям, весьма уважаемым людям, одну и ту же короткую телеграмму: «Все раскрыто, немедленно беги» – и на следующий же день все они покинули Англию. Что бы сделали лично вы, получив такую телеграмму? Не торопитесь, подумайте. Крестный отец великого сыщика, письма к которому не устают каждый день разгребать сберкасса АО «Abbey National Building Society» (сами виноваты – кто снимает для офиса помещение на Бейкер-стрит, 221б, должен знать, чем это чревато), глубоко понимал людей. Он мог войти в салон и с уверенностью сказать: «Здесь недавно пробежала мышь!» На вопрос: «Как вы догадались?» – он с улыбкой отвечал: «А как вы еще объясните следы женских туфель на креслах, сэр?»

Да что нам Европа – у нас свои проблемы. Жизнь смешнее, чем у российских, советских и постсоветских писателей, найти можно, но искать долго – работа такая. Про цензуру не говорю – даже ее отсутствие мешало работать. Лескову, пытавшемуся в типографии просмотреть гранки своих «Мелочей», гордо ответили: «Не дадим – у нас бесцензурный статус!» Удалось ли Лескову доказать, что он не цензор, – история умалчивает (были же цензорами Тютчев и Гончаров!). Но и цену наши писатели себе знали. Грин в зените славы положил на стол издателя рукопись, назвал цену и добавил: «Это не читая, захотите прочесть – возьму дороже». Редактор взял и, как всегда, не ошибся. С современниками не рекомендовал бы я так рисковать...

Есть, правда, писатели проверенные, рукописи которых всегда дорого стоят. Некоторые рукописи Пушкина после революции попали на Запад, и владелец категорически отказывался их продать Советскому Союзу. Тогда Горький сразу же предложил, исходя из своего богатейшего жизненного опыта, простой и эффективный способ возвращения рукописей. «Да украсть их надо, и всех-то дел!» – поставил он задачу борцам за коллективную собственность на все. Этой идее Алексей Максимыч был настолько привержен, что Герберт Уэллс, выслушав его филиппики на эту тему, робко поинтересовался: «А зубные щетки тоже будут общие?» А о нем самом известный шутник Карл Радек говорил, что, поскольку именем Горького называли парки, самолеты, улицы и колхозы, в его честь следует назвать всю жизнь советских людей Максимально Горькой.

О таком произведении Горького, как Союз писателей, разговор особый. Как еще говорить об организации, один из боссов которой работал официантом на банкетах в Кремле (сами понимаете, от какой конторы)? Соавтор сценариев комедий Гайдая Морис Слободской охарактеризовал его весьма лаконично: «Он не только из половых, но еще и из органов». И кадры для такого союза готовились еще с Литинститута. Профессор Лебедев рассказывает, что в день похорон Пастернака студенты решили прогулять занятия и поехать в Переделкино. Угрозы и запреты не помогали. И тогда институтский парторг воспользовался неким историческим лозунгом с точностью до наоборот. Догадайтесь, что он воскликнул? Правильно, «Коммунисты, назад!»

Так что не зря Корней Чуковский, которого все 30-е годы стирали с лица земли за то, что он дезориентировал советских детей, восхваляя вреднейших мух и комаров и клеветца на полезных пауков (Маршак вспоминал, что единственным наркомом, который не обругал Чуковского, был занятый своими делами министр почт и телеграфа), сформулировал замечательное правило: «Писатель в нашей стране должен жить долго!» Слава богу, он следовал ему сам и дожил до Ленинской премии. Да и то не без приключений. Вручая Корнею Ивановичу премию, Хрущев вместо «Поздравляю!» сказал: «Вот кого я ненавижу!» И продолжил свою мысль: «Прихожу с работы усталый, а внуки сразу мне его книжку суют – деда, читай!»

Зато кого из писателей любили, так уж любили. Зоценко, например, получал в СССР в начале двадцатых годов сотни счетов из гостиниц, из комиссионных магазинов, даже повестку в суд по уголовному делу, к которому не имел ни малейшего отношения. Десятки самозванцев бродили по стране, выдавая себя за него, женщины, которых он в глаза не видел, требовали у него алименты. Как вы знаете, в итоге ЦК это надоело...

Впрочем, слава сама по себе может быть полезна даже писателям. Когда в московскую квартиру Чингиза Айтматова забрались воры, их постигла неудача. Ни одной из ценных вещей, находящихся в квартире – ни ковра на стене, ни фарфорового сервиза, ни вазы, – нельзя было украсть. Не имело смысла. Все с дарственными надписями. Правда, некоторым хотелось еще большей славы. Расул Гамзатов как-то пожаловался Иосифу Кобзону, что не может получить квартиру в Москве. Кобзон, чтоб ему помочь, пошел с просьбой к мэру Москвы Промыслову, но тот сказал, что Гамзатову предлагали уже три роскошные квартиры в престижных районах – на улицах Горького, Алексея Толстого и Чайковского, – но тот отказался. Кобзон выразил Гамзатову удивление, однако причина оказалась достаточно убедительной: тот считал (думаю, не без оснований), что эти улицы не станут переименовывать в его честь.

Почерк в шутке блестяще остроумного Михаила Светлова легко опознаваем и трудно повторим. Чисто светловский стиль – послать в запаздывающее с гонораром издательство телеграмму: «Вашу мать беспокоит отсутствие денег». Похвалить молодого поэта за то, что он написал два стихотворения, которых бы никогда не смогли написать Гейне и Пушкин, – одно о кино, другое о радио. Пригрозить поэту, стихи которого он перевел с молдавского: «Будешь сильно меня торопить с их публикацией – я тебя обратно на молдавский переведу!» Сделать официанту ресторана ЦДРИ заказ: «Всем по сто граммов водки, по салату и по сто рублей денег!» Ответить с ходу на назойливый вопрос: «Так кем же на самом деле был ваш отец?» (имелось в виду, не дворянин ли) чистосердечным признанием: «Только для вас и по секрету – он был крепостным у Шолом-Алейхема». И за считанные дни до смерти приглашать друзей к себе в больницу: «Приходите, приносите пива, а рак у меня свой».

Правда, не вся писательская слава доставалась членам СП. Вот типичный телефонный разговор конца 60-х: «Ты уже съел пирог, который дала тебе моя жена?» – «Съел». – «И жена съела?» – «Да, съела». – «Передай Мише, он тоже хочет попробовать». Что же имелось в виду? Да «Архипелаг ГУЛаг» исключенного из СП Солженицына. Не зря же Юлий Ким вспоминает о такой неслыханной в филологии вещи, как русско-русский разговорник. Что же это такое? Ничего особенного – карандаш и лист бумаги, чтоб не говорить в своей же квартире, где Те, Кому Надо, могут тебя подслушать, а писать. В частности, о том же «Архипелаге».

Вот она, слава – когда о твоей книге не говорят, а пишут! Впрочем, есть на это специальные люди, критики называются. Карел Чапек хорошо объяснил, кто они такие – люди, которые объясняют, что бы они сделали не так, как автор, если бы вообще умели что-то делать. Но книгопродавцы к ним прислушиваются. Один австрийский издатель, например, измерял качество книг с помощью линейки – по суммарной длине рецензий на эти книги в газетах. Издатели такой народ, что могут и писателя поправить в случае чего, и неплохо, кстати, на этом заработать. «Пышка» Мопассана разошлась в Америке в 1925 году тиражом всего в 1500 экземпляров. Издатели потерпели убыток, но книгу считали хорошей и выпустили ее еще раз под названием «Любовь и другие истории». Было продано 37 000 экземпляров. Издатели поняли, что шансы не потеряны, и в 1927 году издали ее под заглавием «Как свершилось заклание одной французской проститутки», распродав 54 700 экземпляров. Так же и с «Воспоминаниями» Казановы – на них сначала только потеряли деньги, но потом озаглавили «Величайший в истории соврачитель женщин» – и продали весь тираж, да еще 20 000 экземпляров пришлось допечатывать.

Не умели все-таки классики придумывать названия. Представляете, как бы распродавались книги «Совратитель проститутки – каторжанин-доброволец», «Костер для сыноубийцы», «Сексуальный маньяк – любитель земноводных», «28 лет с козами вместо женщин»... А у них что? «Воскресение», «Тарас Бульба», «Царевна-лягушка», «Робинзон Крузо» – кто же такое купит? Детективы надо писать – ведь признал же сам Черчилль, что Агата Кристи заработала на преступлениях больше, чем Лукреция Борджиа! Тем паче что литературная группа «Улипо» недавно составила таблицу всех возможных детективных ситуаций и обнаружила только одну, еще никем не реализованную, – когда убийцей является читатель. Представляете, какой сенсационный успех ждет эту книгу?

А в заключение повторю вслед за братьями Стругацкими, что писатели похожи на покойников – они любят, чтоб о них говорили либо хорошее, либо ничего. Когда живехонький Генрих Гейне прочел в одной немецкой газете собственный некролог, его возмутило только одно: почему не на первой странице? А итальянский коллекционер Пино Каселли, собравший коллекцию невыносимо скучных книг в 8600 томов, закрыл к ней доступ после того, как один из удостоенных столь великой чести вызвал его на дуэль. Выходит, не так уж был неправ первый директор одесского литературного музея Никита Брыгин, предупреждавший своих сотрудниц: «Помните, девочки, что нет на свете существа более амбициозного, подозрительного, самоуверенного, ранимого, скандального и обидчивого, чем русский писатель. Только русский актер может с ним в этом сравниться». Впрочем, к писателям и актерам, читающим эти строки, последняя цитата, разумеется, не имеет никакого отношения...

Отдать швартовы всегда готовы!

Не так-то уж легко быть моряком – многие одесситы и даже одесситки хорошо это знают. Еще в античные времена говорили, что люди бывают трех видов – живые, мертвые и плавающие в море. Один из семи мудрецов древности Анахарсис даже говорил, что моряки – это люди, находящиеся на четыре пальца от смерти. Почему четыре? А это стандартная в те времена толщина корабельной доски. Да и не в толщине досок тут дело – когда Гераклит Понтийский, ученик Платона, рассказал, что жители понтийского города Диоскурии не только не убивают моряков, приставших к их берегам, но и гостеприимно встречают, нормально обращаются, торгуют и могут даже подкинуть деньжонок на дорогу домой потерпевшим кораблекрушение, ему никто не поверил. «Как же это не ограбить и в рабство не продать, ведь деньги прямо из рук уплывают!» – думали все прочие греки, судя о других по себе. Чего еще было ждать от общества, где профессия пирата считалась не более противозаконной, чем, скажем, профессия плотника?

Впрочем, с пиратами не удалось толком справиться и до сих пор. Так что совершенно неудивительно, что, выслушав слезную жалобу гамбургцев на докучающих им бюргеров удачи, император Карл IV дал им добрый совет: «А изловите-ка вы этих негодяев и предайте справедливому суду!» – чем свою помощь и исчерпал. Пришлось жителям соседнего Штральзунда самим разбираться с пойманными пиратами. Им просто предложили залезть в бочку из-под селедки, а на жалобы, что бочечка-то махонькая, отвечали: «Не помещаетесь? Не беда! Все, что в бочку не влезет, наш палач с удовольствием отрубит!» Какая, однако, жестокость! Не учли даже то, что для получения каперского свидетельства в Англии нужно было представить справки от родителей и священника о безукоризненном моральном облике кандидата в Билли Бонсы – без справки пиратские завкадрами в море не брали...

Но не все древние мореходы были пиратами. Бравые античные судоводители, наконец-то сообразив, что по Черному морю приятнее плавать не в ноябрьские штормы, а малость пораньше, и переименовав на радостях наше самое синее в мире из Аксинского (Негостеприимного) в Эвксинский (Гостеприимный) Понт, кормили всю Грецию скифским хлебом и соленой рыбкой (то, что лепешки для строителей Акрополя пекли из пшенички, выросшей под Беляевкой или Арцызом, более чем вероятно). А карфагенянин Ганнон 3000 лет назад даже Африку обогнул – всего за шесть лет. Приставали к берегу, распахивали поля, сажали хлебушек, а как уберут – плыли дальше, и только вдоль берега, ибо компас китайцы изобрели существенно позже.

Да и первую морскую карту некий Мариний из Тира составил только во II веке до нашей эры. До этого же вся навигация сводилась к нехитрой схеме Ноя: выпустить птицу и плыть туда, куда она полетела, резонно предполагая, что уж она-то знает, где берег. Все мореходы, доплывшие таким образом до берега, уверяли, что птичка летела правильно, а мнение прочих, сгинувших из-за птичьих ошибок в пучине, учесть никак не удавалось. По мне, лучше уж полагаться на навигационный прибор викингов – ложку с длинной ручкой. Главный викинг перегибался через борт, зачерпывал этой ложкой водичку, задумчиво прихлебывал и с авторитетным видом изрекал: «Правильно плывем – вода не такая соленая и родными помоями припахивает!» Кстати, хотите верьте, хотите нет – тоже доплывали... Вот полинезийцы вообще легко решали эту проблему, подвешивая на мачту продырявленную во многих местах скорлупу кокосового ореха, и по тону свиста определяли, куда пирога плывет. Но в Европе кокосовых орехов не росло, вот и обходились, как могли...

В Колумбовы времена профессия моряка стала самой героической – ну как у нас космонавта. И, кстати, не менее опасной. Колумб ведь не просто, как остроумно заметил Арт Бухвальд, отправился открывать одно, а открыл другое, что назвали именем третьего, – он чуть не погиб на обратном пути из того, что принимал за Индию, чудом уцелел после ужасной бури. Чтобы добытые им сведения не пропали, он законопатил свои карты в бочонок и бросил за борт. В музее города Каргополя этот бочонок есть. Несмотря на шторм, все карты и записи выполнены каллиграфическим почерком, хорошими анилиновыми чернилами. Как и в прочих таких бочонках – время от времени они всплывают на рынке антиквариата, особенно если покупатель подоверчивее. Уже все каравеллы Колумба хватило бы этой тарой загрузить.

Да, жизнь мореходов всегда была опасна. И именно поэтому вплоть до прошлого века, до изобретения фотографии, не богатеи и не люди искусства, а именно они были в Дании главными заказчиками собственных бюстов, чтоб хоть дети помнили лицо отца, если вдруг чего. А когда доплывшие до цели моряки Магеллана отслужили благодарственный

молебен за спасение в церкви Нуэстра Сеньора де ла Попа (и нечего хихикать, это богородица попутных ветров, «попа» – по-испански корма), на них еще и церковную епитимью наложили – за то, что воскресенья праздновали не когда положено. Кто ж из них знал про линию смены дат?

Парусные корабли были не просто прекрасны – красота их была строго функциональна. Фигуры тритонов и морских дев на носу галеонов просто скрывали самый обыкновенный сортир, ибо если поставить его на корму, попутный ветер сдует все неуставные брызги мореходу прямо в фейс, а на носу все уносится тем же ветерком за борт. От слов «галеонная фигура» и родился международный морской термин «гальюн». А вообще, в российской морской терминологии масса голландских слов – это Петру Алексееву, плотнику саардамскому, прирабатывающему по совместительству царем, спасибо. «Все наверх» по-голландски «овер алл» – отсюда слово «аврал». Типичная на парусном судне опасность – когда сверху что-то падает, по-голландски – «фалл ундер», отсюда наше «полундра». Имеется, правда, и английская терминология. Когда матрос на приказ начальника отвечает «есть!», он вовсе не покушать у него просит: это так видоизменилось английское «йес». Дал кое-какие термины и язык родных осин: на старинных русских судах-расшивах провинившихся сажали в клетушку, где хранился такелаж, откуда и пошло слово «каталажка».

А время на море тоже не часами меряют, а склянками – одна, две и так до восьми, полчаса на склянку, четыре часа – вахта. Вообще-то, насчет склянок писатель Бестужев-Марлинский сомневался. Так и писал: «В морских заморских романах, я чай, не раз случалось вам читать: четвертая склянка, осьмая склянка. Это мистификация; это попросту значит, что моряки хватили три бутылки, что они пьют уже восьмую». Ему виднее, не зря же ходила в те времена поговорка: «Умные в артиллерии, щеголи в кавалерии, дураки в пехоте, а пьяницы во флоте» (конечно, среди сухопутных крыс – моряки говорят исключительно «на флоте»).

Продолжим о парусных кораблях, подаривших миру первые небоскребы (да, именно так назывались верхние треугольные паруса в английском флоте еще 200 лет назад!). Скорость больших семимачтовых барков под всеми парусами доходила до 22 узлов (кстати, хотите прослыть среди моряков посмешищем? Скажите где-нибудь «узлов в час» – у моряков свой язык). А для того, чтоб не сбрасывать попусту скорость и гнать под полными парусами до последней возможности, когда вот-вот мачту снесет, доблестные капитаны стояли на мостике с пистолетом и в последний момент, когда мачту вот-вот унесет за борт, стреляли в парус. Ветер мгновенно разрывал дырку от пули, и мачта оставалась на месте.

Понятно, что на доблестных парусных кораблях женщинам было не место. После посещения Екатериной Второй флагманского корабля адмирала Ушакова на судне произвели уборку, причем гораздо более тщательную, чем обычно: хоть и царица, а все-таки баба! Сама Екатерина действительно не обладала должным знанием флотских артикулов, что история и зафиксировала. Когда адмирал Спиридов начал объяснять Ее Величеству ход одного морского сражения, то несколько увлекся. Громовым командирским басом растолковав императрице все тонкости своих нестандартных сексуальных отношений с самим турецким пашой, его матерью, всем его гаремом и флотом, флагманским кораблем и самой большой пушкой, он в ужасе понял, кому и что он сейчас говорил, и застыл как статуя. Но Екатерина сразу успокоила его, милостиво произнеся: «Продолжайте, адмирал, все равно я ваших морских терминов не понимаю». Кстати, даже представить трудно, что такое «более тщательная уборка, чем обычно», – в допароходные времена корабли вылизывались, как кошки. Старший помощник на барке

«Крузенштерн», капитан III ранга Шишин, содержавший корабль в идеальном порядке и чистоте, уверял, что такое внимание уборке уделялось не зря, ибо все пиратские бунты возникали из-за того, что у матросов появлялось свободное время. Не хочешь, чтобы матросы бунтовали, ветошку в руки – и вперед, от фальшборта до обеда!

Пищу на корабле тоже принимают не так, как на сухом пути. Готовит ее не повар, а кок, и не в кухне, а в камбузе. Макароны по-флотски у нас еда как еда, а на флоте – поощрение за тяжелую работу, так как готовились в день бункеровки, чтоб добавить силушки потаскать мешки с углем. Вместо официантов там стюарды (оттуда и летчики словечко содрали!), и чашечку кофе капитану в свое время опытный стюард ни в жисть не наливал – только полчашечки, чтоб не расплескать при качке. Кстати, накрывался стол при качке мокрой скатертью, чтоб не сползла на пол вместе со всем сервизом. А в штормовую погоду морской закон велит выкатить на палубу бочку с солеными огурцами – от качки всех тошнит и на кисленькое тянет, вне зависимости от пола. Заодно и на закуску сгодятся, потому что выпить моряки тоже любят. Академик Крылов, гостя у английских коллег-корабелов, на вопрос: «Что вы пьете?» – ответил честно и прямо: «Все, кроме воды и керосина, а если есть только эти две жидкости – тогда лучше керосин, лишь бы не воду!» Впрочем, нелюбовь моряков к воде можно понять и объяснить...

Правда, уходят в прошлое те еще недавние времена, когда военные корабли были символом мощи страны. Но еще недавно, чуть больше ста лет тому назад, Англия грозно предупреждала Россию, что не потерпит закладки российским флотом сразу пятнадцати современных броненосцев – вплоть до «правительство Его Величества оставляет за собой свободу действий» (так изящно угрожают войной на языке дипломатии). В России тоже испугались: кто это без ведома царя и морского министра столько кораблей строит? Оказалось, что все очень просто: действительно заложили броненосцы «Три святителя» и «Двенадцать апостолов». $3+12=15$, это уж точно. Осталось только порадоваться, что броненосец «Сорок мучеников» решили закладывать годом позже...

А вообще, моряки – люди особые, не такие, как все. На одном из совещаний Сталин недовольно обратил внимание сидевшего рядом с ним адмирала Кузнецова, что некий присутствующий на встрече адмирал на его руководящие указания практически не реагирует, – не враг ли, мол? Кузнецов, человек храбрый и самостоятельный (вопреки прямому указанию вождя привел флот в боевую готовность в ночь на 22 июня, чем спас очень многое и многих), не испугался объяснить лучшему другу физкультурников, что адмирал толковый, заслуженный и расхождений с генеральной линией не имеет, – просто военная специальность такая, морской артиллерист, а как не оглохнуть, сидя в стальной коробке, в которой еще и двенадцатидюймовые пушки бухают? Сталин, видимо, был в хорошем настроении и так же вполголоса сказал: «Да, зря я такого заслуженного человека обидел. И наград у него маловато, а вы говорите, что хорошо служит... Может, ему орден дать?» На другом конце стола адмирал вскочил и заорал на всю комнату: «Служу Советскому Союзу!» Такая уж особенность слуха у военных моряков. Да разве только у моряков?

Скрипичный ключ под ковриком

В музыке каждый понимает по мере веса слона, в детстве наступившего ему на ухо. Президент США Улисс Симпсон Грант (тот, который с полтинника) вообще говорил, что знает только две мелодии, одна из которых – «Янки дудл». А на вопрос, какая же вторая, гордо отвечал: «Не «Янки дудл». Впрочем, лучше, когда руководитель так разбирается в музыке, чем, скажем, как Жданов, который учил композиторов, какая должна быть музыка, – чтоб ему, Жданову, было приятно ее напевать. Так что лучше, чтоб

руководитель своих музыкальных вкусов не демонстрировал. Разве что как Елизавета Английская, даровавшая некому доктору Джону Булю (интересное, кстати, совпадение) герб с надписью «Sol, mi, re, fa» – за сочинение английского гимна «Боже, храни королеву». А то вот Николай I не любил Глинку и разрешал заменять провинившимся офицерам гауптвахту... посещением оперы «Руслан и Людмила». Кстати, некоторое время мелодия Глинки прослужила российским гимном – не месть ли это гонителю декабристов?

А вообще-то говоря, музыка в государственной мощи дело не последнее. Еще Наполеон говорил, что в российской кампании у его войска было два главных врага – морозы и русская военная музыка. Да и генералы Великой Французской революции, прося подкрепления, писали: «Пришлите два полка солдат или тысячу экземпляров «Марсельезы». Музыка – дело смертоносное, причем не только для людей. Недавно в одном старинном английском замке состоялся рок-концерт, после которого из замка начисто исчезли крысы. Ни кошки, ни отравы не смогли добиться того же, что чарующие звуки современной музыки. Это еще раз доказывает, что люди сильнее крыс и слухи о живучести последних несколько преувеличены.

Правда, и люди не всякую музыку любят. Арабы, например, никогда не насвистывали мелодий, называя свист «музыкой дьявола». А иногда не музыка, а сами музыканты виноваты в том, что добиваются не совсем того успеха, о котором мечтают. Россини как-то в опере ругал горе-певца на чем свет стоит, но уйти отказывался – не хотел пропустить третьего акта, где того по сюжету убивали. Когда один бездарный композитор предложил Равелю послушать его последнюю работу, тот радостно сказал: «Действительно последнюю? Тогда поздравляю вас от всей души!» А когда более дипломатичного Массне спросили, почему он хвалит композитора Рейса, который всегда его ругает, тот ответил: «Не обращайте внимания, мы оба не говорим того, что думаем!» Карузо тоже был вежлив – выслушав заявление некоего козлетона: «Мой голос звучал во всех ярусах театра!», он спокойно признал: «Да, я сам видел, как публика освобождала ему место».

Несколько трудней критиковать женщин-музыкантов – надо еще и политес соблюдать. Не всякий осмелится, как Генрих Нейгауз, в ответ на слова: «Посмотрите, какая красивая пианистка – вылитая Венера Милосская!» – честно признаться в своей мечте о том, чтоб ей для полного сходства еще и отбили руки... Вот Леопольд Стоковский, выслушав экзерсисы дочери одного богача, всего-навсего тактично заметил, что она играет по библейским заветам, и лишь потом пояснил, что имеет в виду – «ее левая рука не знает, что делает правая». А Густав Малер, когда его спросили, как выступила на конкурсе некая безголосая певица с большими связями, сказал, что для победы ей не хватило только одного голоса – ее собственного. Вообще, женщинам не музыка важна. Стоя в кулисе Большого на «Евгении Онегине», одна хористочка сказала: «Как Татьяна могла полюбить этого пижона Онегина – Ленский гораздо лучше!» На это исполнитель роли Онегина Оленин скромно возразил: «Пушкин же не знал, что Ленского будет петь Собинов!»

Зато когда любят музыку, так уж любят. Например, пауки: заиграешь перед ним на скрипке, он и выползет, и это не легенда, а научный факт. Паутина, знаете ли, от звуков колеблется, паук и думает, что муха попалась. Так что нет смысла играть перед пауками на скрипке – им все равно аплодировать нечем. Не то что, скажем, итальянцам – в 1792 году на премьере оперы Чимароза «Гайный брак» хлопали так громко, что артисты были вынуждены исполнить на «бис»... всю оперу целиком.

Бетховена, к примеру, даже приняли в Академию несмотря на то, что не было вакансий. Председательствующий убедил пойти на формальное нарушение красивой пантомимой:

налил полный стакан воды так, что капли нельзя было добавить, а потом аккуратно положил сверху лепесток розы. Ни капли не пролилось – и Бетховен был принят. Сами музыканты как раз нередко не очень-то и обращают внимание на почести. Когда Россини сообщили о том, что на прижизненный памятник ему собрали по подписке много денег, он стал уговаривать памятник не строить, а просто отдать деньги ему, обещая постоять на пьедестале сколько положено. Да и стоит ли обольщаться славой? Когда перед самым представлением оперы «Паяцы» внезапно захворал исполнитель партии Арлекина, его согласился заменить сам великий Карузо. Пел он, как всегда, блистательно, но публика хлопала сугубо из вежливости – разве что, заглянув на всякий случай в программки.

Кто из музыкальных знаменитостей жил не скучно – так это великий Карузо! В его честь даже стрижка «под Карузо» появилась. Как-то раз он зашел в парикмахерскую и попросил постричь его «под Карузо», на что парикмахер ответил: «Ни в коем случае! Вас это просто изуродует!» Когда у Карузо ремонтировали дом, подрядчик специально просил его во время ремонта поменьше петь – а то рабочие заслушиваются и нарушают всю капиталистическую трудовую дисциплину. А вот в банке, куда Карузо явился получить по чеку без всяких документов, напротив, пришлось петь. Выслушав арию из «Тоски», кассир согласился, что это удостоверяет личность получателя лучше любой бумажки, и выплатил деньги, а Карузо потом признался, что никогда так не старался, как в этом случае.

Журналисты осаждали его, как любую звезду, спрашивая во время интервью обо всем на свете. Один даже поинтересовался перспективами итало-американских торговых отношений, о которых Карузо имел не большее представление, чем Тутанхамон об Интернете. Великий тенор не стал делиться своими домыслами, а вежливо ответил, что узнает свое мнение по этому поводу, когда завтра прочтет в газете свое интервью. Слава Карузо превосходила все, что мы можем по этому поводу заподозрить. Правда, не все поклонники певца знали его творчество – некий фермер, дом которого случайно посетил Карузо, узнав, кто он такой, был вне себя от восторга: «Неужели я действительно принимаю великого путешественника Робинзона Карузо?» Но его импресарио отлично представлял масштабы таланта своего клиента и после его смерти отвечал всем амбициозным певцам, претендующим на то, чтоб заменить покойного Энрико: «Да, вы могли бы это сделать при одном условии – если бы умерли вместо него».

Что говорить, трудно стать хорошим певцом. Я уж не говорю о певцах папской капеллы – те могли получить свою престижную работу только после маленькой операции, в результате которой их беспрепятственно допустили бы в гарем любого восточного владыки. Достаточно вспомнить о старинном способе выработки ровного дыхания – петь лежа с тазом воды на груди. Не сделал плавного вдоха – иди сушишься. Да и стоит ли стараться, голос ставить? Шаляпин и Горький практически в одно и то же время пробовались в хор. Горького взяли, Шаляпина – нет. Представляете, какой у Горького был голос? Даже не ясно, почему не пошел по певческой линии. Может, потому, что профессия в принципе нестоящая. Какой-то ямщик спросил однажды у его конкурента Шаляпина: «Чем занимаешься, барин?» «Пою», – честно ответил Федор Иванович. – «Ну, это не работа, я, когда выпью, тоже пою. Занимаешься-то чем?» – упорствовал вокалист-любитель.

Но композиторам даже труднее жить, чем певцам, ибо жизнь ставит перед ними нестандартные задачи. Гайдн, например, обычные литавры использовал достаточно оригинально. Есть у него симфония, где во второй части музыка такая нежная, тихая, и вдруг на общем пиано ударник в литавры – хрясь! Так он отвел душу на гостях своего работодателя князя Эстергази, которые имели манеру засыпать на его концертах. Но

Моцарт превзошел Гайдна, поспорив с маэстро, что напишет и исполнит произведение, которое Гайдн даже по нотам сыграть не сможет. «Действительно, не могу, – признался Гайдн, – чтоб такой аккорд зацепить, третью руку отрастить надо». Однако Моцарт обошелся без третьей руки, зацепив трудную ноту... кончиком носа!

Он был человек легкий, не то что Вагнер. Тот на премьере своей «Валькирии» в Вене уперся рогом: на сцену должны выезжать настоящие лошади, причем только черные, иначе спектаклю не бывать, и все тут! А дрессированные лошади придворных конюшен, от которых хотя бы не ждали прямо на императорской сцене нарушения приличий, все серые, как нарочно... Положение спас австрийский дипломат фон Ринг, предложив не спорить с композитором, а просто покрасить имеющееся конское поголовье. Почему бы нет – премьера прошла на ура, композитору приятно, а лошадям все равно.

Со временем техника начала вмешиваться в музыку. Еще в конце XIX века скрипач Ян Стефани первым догадался вместо аккомпаниатора возить с собой валики фонографа, на которых были записаны партии фортепиано его скрипичных концертов. Никаких неприятностей по этому поводу у изобретателя первых «минусовок» не возникало. Наверное, потому, что свою партию он исполнял вживую, без записи. А пианист Гендерсон воспользовался другим благом прогресса – страхованием. Но поскольку сумма страховки рук маэстро была 650 000 долларов, ему пришлось обязаться не мыть посуду, не делать стоек на руках, не фехтовать, не выполнять тяжелых ручных работ и не подавать руки людям весом более 100 кило. Очевидно, его всегда сопровождал человек с весами...

А в советскую эпоху композиторов чтили почем зря. Даже пароходы в их честь называли – по Волге в свое время плавал теплоход, на носу которого было написано «К. Дунаевский». Но Дунаевского звали Исаак Осипович! Однако, когда это сообщали команде парохода, моряки уверяли, что все правильно. Пароход просто назывался «Композитор Дунаевский», а такое длинное название на носу не умещалось. А вот многолетнему главе Союза композиторов Тихону Хренникову Сталин загодя обещал, что улицу в его честь не переименуют. Во-первых, фамилия такая, всякое могут подумать, а во-вторых, по мнению Сталина, такая улица в Москве уже была. Неглинка.

Зато в нынешние свободные времена все поют, чего хотят. То, что в результате все слушают, чего не хотят, получается как-то само собой. Телевидение берет на вооружение опыт Тома Сойера, взимавшего плату за разрешение выполнить порученную ему работу по покраске забора, и вместо того, чтоб платить музыкантам, само требует с них денег. Продюсеры покорно платят и строго-настрого велят певцам демонстрировать указанные ими одежду, прическу, манеры и сексуальную ориентацию, а для недовольных качеством пленительных мелодий напевают строчку из современного шлягера: «Я тебя слепила из того, что было...»

Вот и духовную музыку теперь никто не преследует. Один мой знакомый ухитрился в своем городе зарабатывать вполне приличные деньги пением. В воскресенье – в церковном хоре, в субботу – в синагогальном. Папа у него был русский, а мама еврейка, так что и ребе, и бабушка ничего против не имели. К религии, как видите, он относился спокойно, но был человек до неприличия добросовестный. И как-то пристал, как банный лист, к кантору – должен ли он в соответствующие праздники поститься, несмотря на убеждения. Кантор даже не сразу догадался, что ему ответить, а потом разразился тирадой, которую я цитирую дословно. «Слушай! Я тебе есть в посты категорически запрещаю, ты понял? Но я тебя совершенно не контролирую, ты понял?» Он понял.

Без брака, но по расчету

Время, когда инженеры были по-настоящему смешными, уходит в прошлое. Помните анекдот о грабителях? «Давай деньги!» – «Нет, вот смотрите...» – «Снимай часы!» – «Нет у меня часов» – «Пиджак снимай!» – «Пожалуйста, только он у меня единственный...» – «Документы давай! А, инженер... Ванька, дай ему десятку – и пусть катится». И о документах было: как определить инженера по паспорту? Да очень просто, инженер на всех трех фотографиях в одном и том же костюме. В общем, пополнили словом «инженер» число ругательств, которых в великом, могучем, правдивом и свободном предостаточно и без него.

Были ли еще когда-то такие времена? Первый одесский градоправитель Эммануил де Ришелье (да, тот самый Дюк) был родовит до предела, числил в своих предках не только маршала Франции, но и, как по фамилии догадается каждый, самого знаменитого ее первого министра, мог и образование получить соответственное, как и большинство знатных французских дворян. Об одном из них рассказывали, что учитель геометрии никак не мог объяснить ему, что сумма углов треугольника равна двум прямым углам, пока в отчаянии не воскликнул: «Ваше высочество! Даю вам честное слово дворянина, что это так!» «Что же вы раньше мне так просто не объяснили? Теперь верю, конечно», – ответил титулованный оболтус. Так вот, Ришелье в отличие от вышеупомянутого получил прекрасное образование. За это его очень не любили прочие герцоги и маркизы (чего, мол, выпендривается?) и в качестве убойного оскорбления звали за глаза не иначе как «инженер».

Впрочем, ему поделом. Способный администратор, сделал блестящую карьеру, дошел до поста самого своего титулованного предка – стал первым премьер-министром Франции после Наполеона, да таким дельным, что установил во взбудораженной стране гражданский мир (кстати, когда он умер и его сменил тупица Полиньяк с его хамскими законами о печати, династия Бурбонов прекратила существование, глазом моргнуть не успев, – «инженер» знал, что нельзя слишком плотно захлопывать кипящий котел, а просто герцог и знать не хотел). Как такого не ругать? Инженер он – в смысле больно умный... Вот в чем были сходны французский маркиз и советский обыватель. За это их страны и поплатились.

А если серьезно, инженеры могут поспорить с журналистами и сами знаете кем за титул «древнейшей профессии». Пожалуй, наличие в обществе инженеров является каким-то рубежом, за которым начинается цивилизация. Древнейшие государства для нас то, от чего остались строения, храмы, пирамиды, зиккураты и всякое такое. А кто их проектировал? То-то... Самого слова еще не было – поскольку Парфенон строили в основном плотники, руководил строительством старший плотник. Плотник по-гречески – «тектор», старший плотник, естественно, – «архитектор». А инженеры, получается, уже были.

Более того – дело это было престижное и непростое. Греко-македонский царь Деметрий лично не брезговал конструировать осадные машины в десятиэтажный дом высотой, корабли-монстры с семью рядами весел и прочие там баллисты, причем вполне успешно – даже прозвище за военные успехи получил Полиоркет, то есть Градоосаждатель. Правда, антисейсмичные постройки у него возводить не получалось – самое известное его сооружение простояло более ста лет, но потом при землетрясении рухнуло, а обломки его с трудом погрузили на 900 верблюдов. Называлось оно Колосс Родосский и было причислено всего-навсего к семи чудесам света – для царя недурно! Кстати, об этих самых чудесах: кто их проектировал, если не инженеры?

Бывали и другие коронованные особы, одержимые страстью к инженерному ремеслу. Несчастный Людовик XVI конструировал и сам изготавливал великолепные замки, посвящая этому занятию большую часть своего досуга. Рассказывают, что когда его судили, он хранил презрительное молчание и не отвечал на реплики обвинителей. Только когда какой-то бестолковый депутат заявил: «Я голосую за казнь Людовика Капета, потому что в свободной Франции, где каждый будет зарабатывать себе пропитание своим трудом, он все равно умрет с голоду», Людовик не выдержал и ответил: «В стране, которую вы описали, месье, я с моими навыками слесаря и часовщика зарабатывал бы своим трудом гораздо больше, чем вы!» И опять замолчал.

Но вернемся к античности. Вершиной ее инженерного хитроумия заслуженно считаются труды Герона Александрийского. Что только не делают его самодвижущиеся устройства (кстати, «самодвижущийся» по-гречески – «автоматос»)! И двери храма непонятным для верующих образом распахивают, и святую воду за свободно конвертируемые драхмы продают (газированной тогда еще не было, а жаль: при тамошней жаре она полезна представителям всех конфессий, а святая – только одной), и, как звери, воют, и плачут, как дитя... Одно только из описанных Героном чудес современники считали совершенно бесполезным в отличие от крайне нужных в каждом приличном храме изобретений, перечисленных выше: «Эолипилл» – «Эолов мяч». Паровая машина один к одному. Хуже современников разбираются в происходящем только очевидцы.

А вот коллеги Герона – римские инженеры изобрели массу вполне современных удобств: и центральное отопление, и водопровод, и даже таксометр (пока наемный экипаж ехал, в специальную урну падали камешки). Правда, до некоторых элементарных улучшений быта они не додумались, и потому в римских термах было не два, а три крана – для горячей, холодной и теплой воды. Смеситель почему-то оказался для них техникой будущего. Возведенный ими купол Пантеона украшает Вечный город две тысячи лет. А покоровшие римлян готы для гробницы своего вождя Теодориха везли в Равенну между двумя кораблями полукруглую крышу его гробницы – монолит толщиной один метр, окружностью тридцать три метра и весом около трехсот тонн. Необходимость такого инженерного подвига возникла потому, что готы не научились у покоренных римлян строить купола. Впрочем, чему удивляться? Это средневековые москвичи удивлялись Аристотелю Фиораванти, строившему Кремль «в кружало и в правило». А у нас каждый школьник чертит «в кружало и в правило». То есть циркулем и линейкой.

Однако давайте поближе к нашим временам. Бывало, что профессия инженера оказывалась довольно почетной, – например, в России XIX века. В эпоху реформ Александра II инженеры были не только богаты и уважаемы, но и строго блюли собственный кодекс чести. Для путейских инженеров, построивших мост, во время прохождения по нему первого поезда было принято наблюдать этот торжественный момент именно под вновь возведенным мостом. Рухнет мост – и создателя своего придавит. Халтурщики и непрофессионалы при таком подходе выметались из профессии сами собой. Нам уже трудно их понять, как и горных инженеров, которые стрелялись, когда не сходились туннели, прокладываемые с двух сторон горы. «Зачем? – удивляемся мы. – Так ведь еще лучше, будет сразу два туннеля».

А в те времена честные инженеры меняли географические карты. Как вы думаете, почему улица в центре Новосибирска, идущая от вокзала, носит имя писателя Гарина-Михайловского (скажем прямо, несколько отстающего по литературным достоинствам от Толстого и Чехова)? На самом деле это дань благодарности человеку, без которого никакого Новосибирска просто не было бы. Легенда гласит, что честный путейский инженер-шестидесятник (кстати, автор романа «Инженеры») Гарин-Михайловский думал,

что живет в новой России, которая должна усилиями всех ее граждан быстро измениться к лучшему (и смешно, и грустно), и поэтому, в частности, совершенно не брал взяток. Ни при каких обстоятельствах. А ведь на сумму, которую предлагали ему тобольские купцы за то, чтобы прокладываемая им трасса Транссибирки прошла через Тобольск, тоже можно было бы небольшой городок построить! Но честный инженер повел дорогу, как присягу давал, – тщательно и с максимальной выгодой для казны, – после чего Тобольск захирел и впал в ничтожество, а на новой трассе возникла железнодорожная станция Новониколаевск. Ныне Новосибирск. Сейчас, честно говоря, роль Гарина-Михайловского в этом решении оспаривается, но, как говорят итальянцы, «если это и неправда, то хорошо придумано».

Правда, не стоит думать, что все инженеры давних времен были таковы. Инженерная работа Абрама Федоровича Иоффе началась с ремонта ветхого моста. Свежеиспеченный инженер-технолог сразу предложил такой план ремонта, чтобы мост не только чинили, но и приводили в состояние, при котором он простоял бы десятилетия, вообще не требуя никакого ремонта. «Да что вы, сопляк, мелете! – возмутился его начальник. – Ведь в этом случае все возможности ремонта будут исчерпаны и нам придется жить на одно жалованье!» В итоге бедному Иоффе, чтобы прокормиться на одно жалованье, пришлось сменить работу, и через некоторое время он стал получать жалованье за другую работу – создание атомной бомбы. Вот о таком печальном следствии взяточничества, как создание атомной бомбы, я как-то раньше не задумывался...

Правда, несмотря на высокую зарплату, эта работа была чревата – и не только радиацией. После успешного испытания советской атомной бомбы у куратора проекта Берии встал вопрос: кого как награждать за успешную разработку. Решать нужно было срочно, а критерии Берия ни с кем не обсуждал. К счастью, оказалось, что в его столе давно лежит бумага, где расписано, что делать с работниками проекта при его провале – кого расстрелять, кому влить 25 лет, кому 15... Она и помогла: кандидатам на расстрел дали Героев, имеющим шансы на «четвертак» вручили орден Ленина, ну и так далее... В общем, тоже типичное инженерное решение.

Видите, что бывает с инженерами? В итоге все эти неприятные случайности, неизбежные в их работе, так им надоели, что они сами четко сформулировали, в чем дело. В 1948 году один американский военный инженер испытывал некое несложное устройство. После блистательного провала испытаний он вспомнил, что в схеме есть пара проводов, которые можно подключить всего двумя способами – правильным и неправильным. Он не только догадался, что в данном случае избрали именно неправильный способ, но и предположил, что так будет делаться всегда, при малейшей возможности. Его фамилию вы все знаете. И это, кстати, не единственный закон Мэрфи. Дело не только в том, что дела завтра будут обязательно хуже, чем сегодня. Еще пессимистичней второе следствие из этого закона: «Если вам кажется, что дела не ухудшились, значит, вы чего-то не заметили».

Законы Мэрфи и родственные им правила неумолимы. Не обойти правила Шоу, согласно которому, если вы создадите такую простую систему, которой может пользоваться любой дурак, только дурак и станет ею пользоваться. Все мы часто наблюдаем следствия закона Мескимэна, по которому никогда не хватает времени, чтоб сделать работу как следует, но всегда есть время исправить допущенные в спешке ошибки. Есть даже закон Хеопса: «Ничего не строится вовремя и в пределах сметы», есть и правило Линча: «Когда дело принимает дурной оборот, все смываются».

Зато инженер всегда может объяснить, как работает то или иное устройство. Правда, починить его он никогда не может. Но это же совсем другое дело! Как гласит обобщение

Шэттерли: «Если неприятность никак не может случиться, она все равно случается». Вот и я сдаю эту статью с опозданием, хотя вовсе не собирался этого делать. А в моем дипломе так и написано – «инженер-теплоэнергетик по автоматизации»...

И Родина щедро поила меня...

Знаменитый кулинар Похлебкин писал, что, по представлению многих языческих народов, загробный мир находился под землей. Чтобы попасть туда, надо было переплыть реку, охраняемую подземным речным божеством, его самого – задобрить, подкупить, а еще лучше – усыпить его бдительность. Именно для этого, полагает Похлебкин, люди изобрели алкоголь.

Правда, божеству доставались капли – живые распробовали тоже. Древние персы даже принимали важные политические решения исключительно мертвецки пьяными – чтоб растормозить подсознание. А чтоб оно не растормозилось совсем, выполнялось только то решение, с которым принявшие его соглашались на следующий день, хорошо проспавшись и откушав местного огуречного рассола. Раньше я писал о том, что так поступали и противники персов, древние скифы – значит, и у них персы чему-то научились... Завоевавшие персов македонцы тоже нашли в этом обычае рациональное зерно. Александр Македонский даже конкурсы проводил – кто больше выпьет. Из 300 участников одного из таких конкурсов 152 выбыло из строя задолго до финала, 58 тяжело заболели и остались калеками на всю жизнь, 44 умерли до финала, 39 после, 6 сошли с ума и только один остался жив-здоров. Так что победителя определили без труда.

Греки, правда, пили разбавленное вино, считая, что водичку не доливают только скифы, то есть мы с вами. Даже специально поили рабов до полной потери человеческого облика и водили по городу – вот, мол, смотрите, что бывает с неразбавляющими. Помогало это так себе: спартанский царь Клеомен так и спился, несмотря на наглядную агитацию. Впрочем, что там пьяный раб! В Древнем Египте во время особо пышных возлияний вообще ставили на угол праздничного стола скелет, обвешанный погребальными украшениями, – вот, мол, что с тобой будет, если выпьешь больше дозволенного Осирисом. А толку-то?..

Да и римляне именно с этим элементом греческой культуры испытывали немалые затруднения. Сначала на римском пиру надо было выпить три раза – в честь трех граций, потом девять – в честь девяти муз. А потом уж начинали пить за здоровье хозяина – столько раз, сколько букв в его имени. А если его зовут Публий Корнелий Сципион Назика Коракулос, то в кого же столько влезет? Не зря древние римляне поговорку «истина в вине» дополняли ныне забытой второй частью – «здоровье в воде».

Не отстали от римлян и наши предки – даже религию выбрали потому, что «веселие Руси есть пити», а Магомет этого не велит. Видите ли, когда Магомет перенесся на седьмое небо и предстал перед Аллахом, он получил на выбор два сосуда. Он выбрал молоко, а вино с тех пор пить мусульманам не велено (про водку и коньяк, что интересно, в Коране ни слова, а слово «самогон» небось вообще на арабский не переводится – в старых русских словарях его поясняли, как «погоня за дичью только на лыжах, без лошадей и собаки», а откуда в Аравии лыжи?). У князя Владимира лыжи были, и насчет самогона у нас теперь все в порядке. Даже Арманд Хаммер пишет, что во время его путешествия в Россию самогон представлял для него большую опасность, чем волки. Впрочем, не все американцы относились к самогону плохо – двое даже уплатили Остапу Бендеру двести рублей за рецепт.

А «веселие Руси» все ширилось и ширилось. Непьющих обвиняли в прямой ереси – действительно, была такая секта аквариев, которая проповедовала причастие водой вместо вина. Так что непьющего могли ненароком и сжечь. Не говоря уже о том, что русские цари сравнительно рано додумались до водочной монополии, а когда посадишь бюджет на такую иглу, соскочить довольно трудно. Во времена построже любому, кто отговаривал посетителя кабака пропивать последнюю рубаху, просто отрубали руку и ногу – по одной, не варвары, чай, но все-таки... Это быстро привело к тому, что пришлось при Петре даже утверждать специальную медаль «За пьянство»: была она из чугуна, весила 17 фунтов и носить ее полагалось не снимая. Правда, где же логика в том, что одним из официальных наказаний чиновников за упущения было лишение казенной чарки? Не говоря уже о петровском «Всешутейшем и всепьянейшем соборе», где и сам царь, и все его приближенные вели титаническую борьбу с зеленым змием, в которой змий регулярно побеждал.

Кстати, знаете, как соборяне называли своего грозного противника? Ивашкой Хмельницким – уж не в поношение ли гетману всея Украины такое напридумали? Даже странно, что до сих пор еще и этот счет клятым москалям не предъявили... Но водка в России была хороша! Екатерина II не постеснялась предложить ее в подарок и Фридриху Великому, и Густаву III Шведскому, не говоря уже о мелких итальянских и германских государях. Она посылала русскую водку в подарок Вольтеру, нисколько не опасаясь стать жертвой его убийственного сарказма. Такой же дар получили Линней, Кант, Лафатер, Гете и многие другие. Великий Линней, попробовав подарок, был столь им вдохновлен, что написал целый трактат: «Водка в руках философа, врача и простолюдина. Сочинение прелюбопытное и для всякого полезное». Умный человек и пьет с пользой для дела, а не для одной головной боли...

Кстати, водок тогда было чуть ли не больше, чем сейчас. Их перегоняли с травами и плодами, готовили наливки и настойки, и эта культура родила своих гениев. Но обвинить Европу в отсталости по этому важнейшему делу тоже язык не поворачивается. С тех пор как предтеча Билла Гейтса, создатель весьма своеобразной модели компьютера Раймунд Луллий, пытаясь изобрести лекарство от всех болезней, повторил открытие неведомого мусульманского алхимика с типично арабским названием «аль-кохоль» (во дают – сами выдумали, сами и запретили!), в Европе такое началось – на трезвую голову не выдумаешь! Уже в XV веке любой немец, встретив трезвого человека, немедленно интересовался у него: «Ду ю спик инглиш?», поскольку, по его понятиям, трезвый человек не мог не оказаться иностранцем. А через двести лет в Голландии распорядились считать недействительными все деловые бумаги, подписанные после трех часов дня, ибо в представлении законодателя любой голландец после обеда просто обязан был надраться до положения риз и за свою подпись не отвечал по определению. А знаете, кто первый в истории напился до положения риз? Что интересно – Ной. Когда на радостях по поводу благополучного исхода плавания ковчега он малость принял на грудь и валялся в пещере голый и с залитыми зенками, его почтительные старшие сыновья зашли в пещеру спиной вперед, чтобы не видеть папочку в похабном виде, и укрыли его одеждой – положили ризы.

Впрочем, это только у нас напиваются до положения риз. А вот француз нажирается, как певчий дрозд (известно, когда петь хочется!), как монах (чем строже запрещают, тем больше пьют), как тамплиер, как ломоть хлеба в бульоне (красивый образ!), а после революции – как Робеспьерова ослица (очевидно, именно этим Робеспьерова ослица отличается от Валаамовой). Немцы напиваются, как береговая пушка, как волынка, как фиалка (наверное, по цвету носа), как тысяча человек и, когда уж совсем-совсем, как семеро шведов, о фантастической емкости которых помнят с Тридцатилетней войны.

Красивей напиваются англичане: о тех, кто уже совсем хорош, говорят «пьян, как лорд». Наши стелька, доска и драбадан далеко не так аристократичны. Впрочем, времена меняются, и теперь английские политологи с удивлением отмечают, что пьянство является главной причиной парламентских скандалов именно для лейбористов – партии рабочей, а для аристократичных консерваторов главная причина попадания на первые страницы бульварных газеток в наши времена – все-таки секс.

Там, где пьют вино, запойных алкашей малость поменьше – недаром в советские времена гиды в городах закавказских республик первым делом сообщали туристам о том, что вытрезвителя в их городе нет. Но, провалив контрольные цифры по алкоголизму запойному, жители винодельческих краев прекрасно наверстывали на алкоголизме хроническом. Во французском языке есть даже идиома «сентябрьские дети»: в сентябре молодого вина было хоть залейся, и дети, зачатые в эти дни, не всегда могли научиться считать до трех. А во французской армии, согласно интересным воспоминаниям одного академика, было принято «пить девочек по метру» – это означало хлестать молодое вино и, пока длина выставленных в ряд бутылок не достигнет метра, этого занятия не прерывать. Кстати, этот французский академик, хотя и русского происхождения, судя по всему, не знал правил дифференцирования выпивки. А правило это очень простое: производная от выпивки есть количество выпивки, купленной на сданные бутылки (опытные алконавты изящно именуют их «хрусталем»). Согласно принятым среди одесских студентов в годы моей учебы традициям, выпивка считалась достойной внимания, если ее третья производная не была равна нулю. Кстати, для любителей математики могу предложить полезную в быту математическую формулу – $Q = (Mg100) : \%$, где M – вес человека в килограммах, а $\%$ – крепость напитка в градусах. Ну а Q – это количество данного напитка в граммах, которое человек может в среднем выпить, не нажив слишком больших неприятностей.

Многим приходила в голову весьма простая идея: если алкоголь так вреден, не запретить ли его к чертовой матери? Мировой опыт показывает: лучше не надо. Самый известный в истории «сухой закон» – американский «прохибишен» как раз и породил большинство тамошних гангстерских империй. Об эффективности таких запретов говорит популярный в те времена анекдот. Некий человек, приехав в незнакомый город, интересуется у портье отеля: «А где у вас можно кофе выпить... ямайского или шотландского, вы меня понимаете?» «Видите здание напротив? Это церковь», – объясняет портье. «Как? Даже там?» – удивленно восклицает клиент. «Нет, только там нельзя, – успокаивает его портье, – во всех остальных домах можно».

А теперь я обращаюсь к вам, о не знающие своей дозы! Не ссылайтесь на благородные вина Бургундии и Крыма, на легкое «Шабское», терпкое «Мукузани» и его высочество мускат «Ливадия», после которого любая закуска, кроме медленного танца, кажется кощунством, – спиваются не на качественных винах, а на самогоне и шмурдяке. Не бойтесь рюмки вина, как черт ладана, – уже даже ВОЗ рекомендует для сохранения упругости сосудов стакан красного вина в день. Но не забывайте слов поэта: «Пить можно всем. Необходимо только знать точно, с кем, за что, когда и сколько» – и у вас всегда будет чем закусить. А это не менее важно, чем выпить.

Правда, тут можно и доиграться. С похмельным синдромом шутки плохи и считать это состояние мелкой и быстро проходящей неприятностью может только серьезный алкаш-хроник с полным распадом личности, которому в принципе уже все равно. Чтоб понять, насколько это милое состояние приближается по народной любви к, скажем, зубной боли, достаточно вслушаться в названия похмельного синдрома у разных народов. Французы, например, называют его «деревянное рыло». Немцы выражаются изящней – «кошачий

плач». Простоватые норвежцы тем не менее нашли прекрасный образ: «с утра в голове плотники работают». Сербы же, по славянскому родству знающие, что это такое, особенно хорошо, называют его малопонятным словом «мамурлюк», которое и переводить не надо. Сочетание звуков говорит обо всем. Если с тобой случился мамурлюк – стоит принять меры. Даже если ты не совсем представляешь, что это такое.

Мамурлюк – состояние серьезное, и разные продукты помогают от разных его видов. У кого при похмелье желудочные неприятности, пусть пьет кефирчик. У кого зашалило сердце – принимайте всевозможные сердечные таблетки и запивайте минеральной водой. При угнетенном душевном состоянии – горячий чай с лимоном, а вместо сахара лучше добавить мед, там фруктоза, она гасит похмелье довольно быстро. У кого раскальвается голова – попробуйте аспирин, правда, он очень опасен при болезнях желудка, но при них-то и пить нельзя. Конечно, вам видней – может, и проще вызвать аспирином прободение язвы и не мучиться, но если жить пока хотите, а головка бо-бо – парацетамол, эффералган, панadol, активное вещество все равно одно и то же. Сразу 1 грамм, если не поможет – через 30 минут еще столько же. Можно даже принимать вместе с алкоголем. Еще лучше – вместо алкоголя, да кто же согласится... Ну и активированный уголь – он помогает при любых отравлениях, и алкогольное исключение не составляет. Противно? Так не надо столько пить!

Можно повспоминать и о физиопроцедурах, помогающих при этом состоянии. Древние греки просто надевали венки из петрушки и сельдерея. Кстати, не после выпивки, а до. Действие, конечно, скорее суеверное. В холодных краях в данном состоянии рекомендуется встать на лыжи и пройти километров пять. В Пуэрто-Рико прибегают к странному действию: разрезают лимон и половинками лимона натирают подмышки. Говорят, помогает. Дома можно просто набить целлофановый пакет льдом и приложить его к голове минут на пять. Пятнадцать минут холодной душа спасут любого, кто это выдержит, но где найти такое существо? Кстати, можно поднять уже совершенно бесчувственное тело, если ему налить на спину холодной воды, чтоб вдоль позвоночника текло. Правда, мата наслушаешься, да и простудиться можно, но простуду лечить мы умеем лучше, чем этот кошмар... Очень рекомендуется горячая ванна с лавандой и розмарином. Финны с похмельем борются, конечно же, в сауне. У нас за ее отсутствием рекомендуют переменный душ – теплый, потом горячий, потом холодный. Японец, перебравший sake, делает дыхательную гимнастику. Шесть секунд – медленный глубокий вдох, шесть секунд – задержка дыхания, шесть секунд – медленный выдох. Усвоить просто, можно и попробовать, японцы – народ неглупый.

Но, пожалуй, лучший рецепт знают женщины индейского племени варау. Индианка, обнаружив своего мужа в неприглядном виде, а спят они обычно в гамаках, берет и увязывает его в этот гамак, как мумию, так, что оно и шевельнуться не может. И оставляет висеть, пока оно не очухается. Говорят, помогает, и, самое главное, поделом. Есть еще старое милицейское средство – механическое воздействие на ушные раковины. Интенсивно массируете их так, чтоб кровь к ним прилиwała – недолго, до минуты. Трете быстро и сильно, но уши должны остаться на месте – если вы не милиционер, конечно... Хотите сохранить уши на голове – не напивайтесь, как свинья. Впрочем, почему, как свинья, – бедное животное уж в этом грехе ни сном ни духом неповинно. А у нас в основном напиваются в рамках профессии: плотник – в доску, стекольщик – вдребезги, извозчик – в дугу, сапожник – в стельку, пожарный – в дым, гробовщик – вусмерть, скотник – до поросычьего визга, повар – в сосиску, электрик – в отключку, поп – до положения риз, писатель – до ручки, журналист – до точки, девушки из меда – до потери пульса, а девушки из политеха – до потери сопротивления. Впрочем, проктологам в этом плане еще хуже...

Ну и в качестве последнего, экстренного средства – различные отрезвители. Чаще всего даже их названия достаточно ярко передают ощущения, возникающие у экстренно вытрезвляемых. Коктейли-опохмеляторы носят названия один другого красивее. Например, «Кровавая Мэри» – да, она прекрасно годится для этого и, собственно, именно для этого и придумана. Франция подарила нам коктейли «Распутин» и «Страдающий ублюдок» – его в свое время обожали в Париже Хемингуэй, Фитцджеральд и Сомерсет Моэм. Американские опохмеляторы называются «Утренняя шипучка», «В поисках утраченного апельсина», «Промывка для поросенка», очень эффективен изобретенный в 30-е годы в Лос-Анджелесе коктейль для опохмеления с говорящим названием «Зомби». А наш родной отечественный вариант носит милое название «Милиция на пороге» – быстро намешать в рюмку желток, пару ложек постного масла, ложку кетчупа, соли и красного перца, а потом все это выпить залпом – кто выживет, протрезвеет. Примерно так же действует простое и эффективное средство, созданное еще в позапрошлом веке – на стакан ледяной воды пять капель нашатырного спирта. Об элементарном опохмеле я здесь не говорю хотя бы потому, что если уж требуется опохмеляться, вы перешли ту опасную грань, за которой можно смотреть на эти развлечения сквозь пальцы – уже надо бить тревогу и бежать к врачам, пока не поздно. А если вы не алкоголик, вам опохмел и не поможет. Лучше уж возвратиться к истокам и использовать средство, описанное в книге болгарского священника Нефита Калчева: «Полейте конский навоз теплой водой, отцедите воду, влейте в рот пьянице – тот сразу отрезвеет». Думаю, что да – особенно если будет знать, что пьет...

Левша, Кулибин, далее везде...

Говорите, что хотите, но к изобретателям мы относимся несерьезно. Не зря же Ильф и Петров, населяя свой Колоколамск, совместили в одном лице городского сумасшедшего с городским изобретателем. Может, просто времена такие настали – изобретения вреднеют и мельчают. Грустно смотреть на список величайших изобретений двадцатого века, составленный «Комсомольской правдой»: синтезатор звука, гамбургер, духи «Шанель № 5», тампакс, клейкая лента «скотч», растворимый кофе, зажигалка «Зиппо» и, не к ночи будь помянут, автомат Калашникова. Это вам не колесо изобрести (правда, американец Сид Сизар считает изобретателя колеса идиотом, но признает гениальность того, кто изобрел остальные три колеса)...

Да и как попрешь против автомата Калашникова – во-первых, против автомата вообще не очень-то попрешь, и во-вторых, разве зря лаосское племя акха прибывает к воротам своих домов деревянные копии так вовремя сменившего булыжник орудия пролетариата, чтоб отпугнуть злых духов? Но именно поэтому трудно отрицать, что изобретения меняют лицо мира. Когда более двух веков назад Эли Уинти изобрел хлопкоочистительную машину, он не знал, что сделал неизбежной Гражданскую войну в США – без этой машины рабство в южных штатах издохло бы в судорогах из-за экономической убыточности. А несколько позже Джозеф Глидден изобрел колючую проволоку, представления не имея, что этим разжаловал из промышленности в фольклор такую колоритную прослойку населения, как ковбои, – а зачем они, если скот все равно не разбежится, разве что для родео.

Впрочем, трудно отрицать, что изобретения меняют лицо мира. Некоторые – к лучшему. Скажем, резкое увеличение числа грамотных двести лет назад обеспечил неведомый никому изобретатель обыкновенной классной доски – той самой, на которой вы писали в детстве мелом: «Мама мыла раму». Благодаря этому изобретению учитель смог заниматься с большими классами и увеличить вчетверо, если не впятеро, количество

грамотеев, выпускаемых в свет. Да и читали они куда быстрее, чем, скажем, римляне или греки – только потому, что еще в Средневековье некий уже напрочь забытый гений додумался до такой простой вещи, как пробелы между словами.

Самые простые вещи, которым мы удивляемся не более чем собственному носу, кто-то изобрел. Шариковая ручка не сама по себе вытеснила перьевую – в 1943 году венгр Ласло Биро выполнил наконец заказ королевских ВВС Британии и придумал ручку, из которой в разреженном воздухе не вытекают чернила. И имени Виктора Миллса мы не знаем – побрезговал он дать собственное имя своему изобретению. А иначе, как справедливо заметил журнал «Деньги», дети всего мира узнавали бы его имя одновременно со словами «папа» и «мама». Миллс придумал памперсы. Пластиковых пакетов в вашем доме сейчас, наверное, не меньше десятка – как же иначе, если в мире их более четырех миллиардов? И вряд ли вы помните, что их придумал американец Гамильтон...

Изобретения нередко делают люди, известные и не как изобретатели. Мать Карла Великого не только воспитала славного государственного мужа – она, чтобы побаловать сыночка, стала стелить на его неудобное ложе чистые скатерти и в итоге изобрела простыни. Екатерина Медичи, пытаясь исправить нравы французского двора своей эпохи, придумала рубашку на обратной стороне карт, весьма затруднившую шулерам жизнь (увы, ненадолго). Великий тактик Фридрих Великий для демонстрации своих новых воинских построений использовал солдатиков из олова – и меньше чем через сто лет оловянный солдатик попал в сказку Андерсена как игрушка, распространенная во всем мире. Дорожные шахматы с дырочками придумал Льюис Кэрролл, блокнот с отрывными листками – Марк Твен. А вот у Сальвадора Дали ни одно изобретение в промышленных масштабах не изготавливалось – ни прозрачный манекен-аквариум, ни накладные ногти с зеркалами, ни очки-калейдоскоп, ни искусственные груди на спине (господи, это еще зачем?)...

А вот изобретение № 1 нашего тысячелетия (во всяком случае, так решил опрос Би-би-си) уже не совсем ясно кто изобрел – Иоганн Гутенберг придумал достаточно современный вариант книгопечатания, но был и голландец Лаврентий Костер на сто лет раньше, и китаец Би Шэн вообще в позапрошлом тысячелетии... О Франциске Скорине и Иване Федорове молчу, они скорее сойдут за проявления обнаруженного в 1971 году неким журналистом из «Ридерз дайджест» «эффекта Попова». В чем он состоит? А в том, что во Франции изобретателем радио считается Эдуард Бранли, в Югославии – Никола Тесла, в Германии – Генрих Герц и Фердинанд Браун, в России – Александр Попов, в Италии, естественно, – Гульельмо Маркони... и что самое интересное, все это правда. В отличие, скажем, от появившегося в книге с характерным названием «Русская техника», вышедшей в 1948 году, как раз под самое начало борьбы с низкопоклонством перед Западом, русского изобретателя деревянного велосипеда без единого гвоздя Артамонова. Позднейшие исследования уточнили и дату изобретения – 1801 год, и годы жизни народного умельца – 1776–1841, и профессию (слесарем он был, кем же еще?), и даже инициалы – Е.М., благоразумно оставив в тайне, был ли он Евгением Мироновичем, Евграфом Матвеевичем или Елпидифором Митродоровичем. Только в 1983 году удалось доказать, что главным источником сведений об Артамонове для всех разудалых борцов за приоритет были их собственные указательные пальцы, из которых они всю вышеуказанную информацию и высасывали. Но даже в подобных случаях на родине изобретателей никого переубедить не советуем – побьют.

А изобретательское дело и без того штука опасная, и примеров тому множество. Вот в 1589 году Елизавета Английская выгнала из дворца изобретателя машины для изготовления чулок, наивно надеявшегося на награду, крикнув вдогонку: «Зарабатывайте

себе деньги честным трудом, а не праздными выдумками!» Бельгиец Жозеф Мерлин, испытывая на бале-маскараде изобретенные им роликовые коньки, въехал в дорожное зеркало, разбил его вдребезги, сам покалечился и еще сломал скрипку, на которой для пущего паблисити играл во время движения. Изобретатель Владимир Бекаури погиб из-за придуманного им сверхнадежного сейфа: его детище понравилось Сталину, а Берии захотелось посмотреть, не хранит ли там вождь компромата и на него, – и неуступчивый изобретатель умер под пытками, не раскрыв секрета.

А сколько родственников самоубийц проклинали немца Каммерера, придумавшего в 1833 году фосфорные спички! Сие чудо техники упростило суицид до неприличия: наелся спичечных головок – и никто не спасет. Только австриец Шретер, придумавший через 12 лет спички, очень похожие на наши (шведскими, а не австрийскими их назвали потому, что именно в Швеции удалось наладить их производство), затруднил самоубийцам воплощение их пагубного замысла. На этом фоне уже не так жаль русского генерала Кербеца. Он придумал при постройке моста через Неву полезнейшую машину для забивания свай, экономившую массу сил и средств, но вместо ордена или табакерки с царским портретом получил от легендарного Клейнмихеля строгий выговор: почто ж ты, Кербец этакий, такую замечательную машину раньше не выдумал и тем самым казну в напрасные расходы ввел? Изобретатель бикини Луи Феар отделался вообще пустяками – ну назвал досужий борзописец его разработку «приглашением к изнасилованию», так что с того? Все равно Брижит Бардо в фильме «И Бог создал женщину» появилась на экране в бикини – и кто потом того журналиста слушал? Да и врал он все, а то бы на одесских пляжах летом такое творилось – там же все в этих самых бикини...

Это все изобретения, безусловно, полезные, и пострадавшим изобретателям я искренне сочувствую. Но есть и такие чудеса изобретательской мысли, за которые достойную кару придумал Станислав Лем, и состоит она в обязанности пожизненно пользоваться собственным изобретением. Вот, скажем, футболка с нарисованной на спине шахматной доской, чтоб, если вдруг спина зачесется, можно было сказать жене: «Пусик, тебя не затруднит почесать мне спинку в районе G5 или даже F4?» Или изобретенный в Германии резиновый чехол на язык – чтобы легче было принимать горькие лекарства... А что вы скажете о прикрепляющемся к плавкам специальном устройстве, позволяющем в случае чего наверняка найти утопленника? Думаете, это изобретение по бесполезности рекордное? Куда ему до придуманного в Японии карманного фонарика, который работает только на солнечных батареях, то есть когда и без него светло! А ведь есть и вредные изобретения. Недавно японец Ачихиро Йохои получил очередную Ингобелевскую премию (эти премии вручаются с 1991 года в Гарварде «за исследования, которые не могут или не должны быть воспроизведены») «за похищение у человечества миллионов рабочих часов». По мне, изобретатель тамагочи никакой другой награды не заслуживает.

Тем обиднее за настоящих изобретателей. Их не понимают даже близкие: вот жена изобретателя фотографии Луи Даггера со слезами рассказывала врачам, что ее муж хочет ловить тени людей, а те настойчиво советовали бедной женщине упрятать мужа в парижский сумасшедший дом, где таких уже навалом. Слава богу, Французская академия признала открытие Даггера. А каково пришлось американским изобретателям перископа, когда родное ведомство их отфутболило ссылкой на роман Жюль Верна «20 000 лье под водой», где у капитана Немо действительно было нечто похожее? Мало ли что напишут эти писаки – или же наснимают снимки вроде Уолта Диснея, у которого утенок Дональд поднимает затонувшую яхту, наполнив ее шариками для пинг-понга. Датчанин Кройлер, который поднял затонувшее в гавани Эль-Кувейта судно, набив его шариками из пенопласта, никакого патента не получил – отказали со ссылкой на утенка Дональда...

Немудрено, что многие делают изобретения, только оказавшись в отчаянном положении. В 1959 году американец Клеон Фрейз вывез семью за город на пикничок, прихватил с собой кучу еды (разумеется, в основном консервированной) – а консервный нож забыл! Как он вышел из положения, история умалчивает, зато уж позаботился, чтоб в будущем так не влипнуть, – придумал банки, открывающиеся без ключа. А когда ведущего конструктора «Сони» Акио Мориту достали громкой музыкой его собственные детки, он справился с проблемой без криков и запретов: просто изобрел плеер, который и детишкам понравился, и ему принес миллиард-другой. Смотрим мы все, но видят немногие: так, секретарша Бетти Грэм увидела по дороге на работу двух маляров, красящих забор, – и придумала краску-мазилку, чтоб скрывать ошибки в машинописи. В 1978 году она продала предприятие по выпуску корректирующей краски корпорации «Жиллет» за 47 миллионов долларов. А вот эки в наших колониях до сих пор играют в футбол двумя связанными зимними шапками. – «Эдик Стрельцов придумал и всех научил!» – с гордостью рассказывают они. Хоть такая польза из всей этой трагичной истории гибели дарования великого футболиста, не использовавшего своих уникальных способностей и на пять процентов...

Конечно, над такой профессией, как изобретатель, грех не посмеяться, и некоторые делают это весьма успешно. То громко объявят о новом российском изобретении, позволяющем видеть через бетонные стены до метра толщиной, а на вопрос, как же называется это чудо, гордо отвечают: окно. То придумают для детей, которым скучно сидеть на горшке, горшок на колесиках (детям явно веселей, а вот родителям – надо еще подумать). Врач Федор Седов придумал шляпу-перископ с практически круговым обзором и назвал ее «МП-1» (расшифровывается просто: мания преследования). Некие разудалые юмористы измыслили гибрид акулы с золотой рыбкой, который тоже исполняет три желания, но не какие попало, а именно последние. После такого нас уже не удивят ни слегка изогнутые монеты (чтоб удобно было брать со стола), ни рыболовные крючки с зеркальцем (чтобы больше ловилось самок, у которых мясо мягче, – кто же еще будет перед зеркалом вертеться?), ни совершенно прозрачный кейс, ни туфли с карманами, совершенно незаменимые на любом нудистском пляже. Это все существует на самом деле. А вот слухам о приборе, улавливающем колебания мозга и показывающем, что же думает о тебе собеседник, верьте с оглядкой: да, было сообщение в «Технике – молодежи», но в каком номере? Правильно, в четвертом. Апрельском.

Предсказатели состоявшегося

Не так давно я нашел ссылку на замечательную статью итальянского биолога Луиджи Аммендолы. В ней он доказывает, что человек произошел не от обезьяны... а от медведя! Доказательств тьма: слово «медведь» нередко входит составной частью в названия городов, фамилии, имени (город Берн, имя Бернгард, фамилия Орсини и т. п.), а слово «обезьяна» – никогда. Да и у нас Медведевых существенно больше, чем Обезьяновых, а называть ребенка Мишкой у нас принято как-то чаще, чем Мартышкой. Неужели Дарвина так легко опровергнуть? Задумался на целых полсекунды, а потом понял, в чем дело. Просто медведи в Европе водятся, а обезьяны – нет.

Что ж, этот биолог достойно блюдет традиции как минимум некоторых жителей Древнего Рима. Например, авгуры, предсказывающих будущее по полетам птиц. Допредсказывались они до того, что в Риме назвать человека авгуром стало весьма неприятным оскорблением – обозвали, мол, не просто жуликом, а жуликом бестолковым и неловким. Что делать, предсказателем работать непросто. Их предшественница, дельфийская пифия, вообще работала как во вредном цеху: надышится сернистых испарений и как начнет вещать – только успевай записывать. Но при этом не забывала,

что предсказывать надо с умом, чтоб при любом исходе предсказание сбылось. Поинтересовался царь Крез, идти ли ему войной на коллегу по царскому ремеслу Кира, так ему сразу и вещают: «Если начнешь войну – погубишь великое царство». А чье именно – свое или Кира – не говорят. Чтоб, когда плененный Киром Крез обратился с рекламацией, денег не возвращать.

Впрочем, чего еще ожидать от жрецов – само название профессии говорит о том, что жрать хочется, а за что жрать дают? За то, что паству ублажишь. Например, покажешь им заимствованную в Индии «Игру с кубками» – под каким кубком шарик? В итоге даже слово «фокусник» звучало по-гречески как «сефоипаиктес», от «сефои» – камешек и «паиза» – играть. Вот откуда все наперсточники, собственно говоря, и взялись – переняли опыт у родственной профессии.

Правда, некоторые жрецы не опускались до такого примитива и начали читать будущее своих клиентов по звездам. В общем, я их одобряю. Если клиент сам не прикинул, что как-то не выходит, чтоб при кораблекрушениях тонули только Овны, то так ему, такому клиенту, и надо. Иоганн Кеплер, которому за открытие законов движения планет щербатой копейки никто не заплатил, а за гороскопы какая-то денежка от императора все-таки капала, сравнил астрономию с порядочной матерью, которую кормит дочка нетяжелого поведения – астрология. Где-то на полпроцента это и верно – дочка в основном прекрасно кормила и кормит сама себя и своих служителей.

Чуть ли не самый знаменитый из них, Мишель Нострадамус, выпекающий свои предсказания в сотнях четверостиший (так, «Сотнями», или «Центуриями», их и прозвали), напредсказывал практически все. Так, в 1976 году одно из его предсказаний истолковывалось как то, что Запад в ближайшее время подвергнется советско-мусульманскому нашествию, русские придут в Париж и за семь дней его разрушат. В 1982 году журнал «Пари матч» уведомил своих читателей, что, согласно предсказаниям Мишеля, между 1982 и 1988 годами русские нападут на Европу, но ее спасут американцы. Но ни одно толкование его предсказаний, сделанное до предсказанного события, почему-то не оправдалось. А после – сколько угодно. Стихи, видите ли, такие – когда событие уже произойдет, истолковать темное и мутное стихотворение именно в смысле того, что оно это событие предсказало, труда не составит. И если произошло событие совершенно противоположное – тоже.

Впрочем, сыну Нострадамуса, тоже Мишелю и тоже астрологу, повезло меньше, чем папе. Он предсказал, что в один из дней 1575 года город Пузен, блокированный королевскими войсками, погибнет в пламени пожара. И, чтоб звезды ненароком не обмишулились, в назначенный день сам город и поджег. Но был схвачен и казнен, и никакие ссылки на то, что по гороскопу городу в этот день все равно гореть, успеха не имели. По сравнению с этим поступком можно зауважать Джироламо Кардано, покончившего жизнь самоубийством в день, на который составленный им самим гороскоп назначил его собственную смерть. Мол, сказано, что умру, так отчего же судьбе и не помочь – хуже не будет...

А вот некий астролог по имени Жак Миллар сам ничего плохого не делал – просто обещал жителям города Безансона, что летом 1936 года их город ожидает мощное землетрясение. От этого была масса вреда: безансонцы дрожали, страховали дома, укрепляли их, уезжали из города; астролог, когда его предсказание не исполнилось, был основательно избит... А кому же была польза? Да страховым компаниям – это они наняли астролога за небольшую денежку посмотреть на звезды под нужным им углом. Непонятно только, за что астрологу еще и бока намяли – а что с такими клиентами еще делать? Когда чешский прорицатель

Леовиц из взаимодействия Юпитера и Сатурна сделал вывод, что в 1584 году наступит конец света, тысячи людей бросились к нотариусам составлять завещания. Кому они свое добро после конца света собирались завещать? Ну что еще с такими делать – правду говорить, что ли?

А наши-то современники-астрологи какие молодцы! Некий астролог подготовил гороскоп короля Эдуарда VIII, в котором указал и дату его коронации. Но тот не был коронован, ибо отрекся от престола, чтоб жениться на разведенной американке. Тогда астролог заявил: «Я все знал, но в высших кругах потребовали, чтоб я хранил тайну!» Какой молодец – и ошибку объяснил, и на близость к высшим кругам намекнул... Даже неудобно после этого спрашивать, как его американский коллега в 1965 году заявил, что по гороскопу Джона Кеннеди ему суждено пасть от руки убийцы, а по гороскопу его брата Роберта ничего подобного сказать нельзя. То, что в 65-м Джона уже два года как убили, а Роберта еще три года не убьют, даже как-то говорить неудобно – опять на высшие круги сошлется...

В общем, не зря издательство «Вернер Седерстрем», выпустившее книгу «Справочник астролога», которая советует читателю сообщить своему начальству свой знак зодиака, чтоб начальник в соответствующем месяце относился к вам понисходительнее, получило специальный приз от финского общества «Скепсис». И название приза – «Глупость-89» – по-моему, вполне соответствует. Но все равно будут появляться предсказания, что писателям-баталистам следует ждать успеха, когда Марс пребывает в созвездии Лиры. А тому, кто завопит, что Лира – не зодиакальное созвездие, и Марса не будет там никогда, хладнокровно ответят: «Вот и не будет никогда баталистам успеха!» Пока все сходится...

Коллеги астрологов алхимики тоже считали себя учеными. Более того, их главная цель реально осуществима, ибо с помощью ядерных реакций действительно можно превращать неблагородные металлы в золото. То, что золото получится радиоактивное и для получения грамма такого золота надо потратить тонну обычного – вопрос для самого принципа второстепенный. Но и папа Лев X был по-своему прав, когда в качестве вознаграждения вручил алхимику, уверявшему его, что знает секрет философского камня, всего лишь большой кошелек – а что еще нужно человеку, который может изготовить столько золота, сколько его душе угодно? Да это и гуманнее, чем поступки других феодалов, которые алхимиков-неудачников, попавшихся на подсовывании кусочка настоящего золота в реторту с философским камнем, просто вешали. Но непременно на позолоченной виселице.

А чем алхимики хуже других ученых? Книга некоего Джонсона, опубликованная в Англии в 1783 году, называлась «Логография» и обучала «непогрешимому методу исправления и предупреждения любой возможной ошибки». В ценности книги любой желающий мог удостовериться, взглянув на первую же ее страницу – ее украшала заметная каждому грамматическая ошибка... Правда, в таких ошибках не всегда виноваты сами ученые. Профессор Вюрцбургского университета Иоганн Беррингер во время своих прогулок по берегам реки Майн обнаружил множество удивительных камней с изображениями улиток, рыб, птиц, звезд, комет и даже знаков неведомого письма. Студенты, по просьбе профессора, начали помогать ему в поисках и в итоге собрали более 2000 удивительных образцов. А после выхода в 1726 году книги о необыкновенных находках Беррингер самолично обнаружил последний камень с латинской надписью из двух слов – «Беррингер дурак». Созданный теми же студентами, которым не лень было соорудить ради насмешки над любимым педагогом все остальные.

Впрочем, то, что студенты все гады, преподаватели вузов и так знают. Но киношники, оказывается, еще хуже. Для съемок исторического фильма художник киностудии «Казахфильм» соорудил огромный камень с надписями на непонятном языке. Фильм сняли, камень в степи забыли, потом кто-то, не видевший этого фильма, его нашел... и в итоге на расшифровке надписей на этом камне защитили одну докторскую и несколько кандидатских. Сведений о признании недействительными защит после выяснения происхождения камня у меня не имеется.

Нельзя, конечно, перегибать палку и в другую сторону. Французская академия отказывалась рассматривать не только решения задач о трисекции угла и удвоении куба. Список открытий, признанных ею шарлатанскими, достаточно велик – туннель под Ла-Маншем, управляемые воздушные шары, прививка против оспы, пароходы, гипноз... Даже сообщения о падении метеоритов она признавала обманом – очевидно, потому, что ни один метеорит не свалился академику прямо на голову. Но в итоге удалось убедить даже академиков – потому что нашлись факты, и неопровержимые.

А вот большинству гадалок для успеха никакие факты не нужны – если хочется верить, то ведь поверят! Правда, не все. В свое время знаменитая мадам Ленорман сообщила под видом предсказания императрице Жозефине информацию о том, что Наполеон с ней разведется. Строго говоря, это было известно всем, кроме Жозефины, и, конечно же, вызвало недовольство полиции Наполеона, что привело к аресту предсказательницы. Та пришла на вызов Фуше с картами, рассчитывая ему погадать, и на слова «Вы арестованы» недоуменно спросила: «За что?» Фуше ответил: «Карты при вас – вот и погадайте». А чего тут гадать?

Впрочем, последователей Ленорман так много, что не так давно в парламенте федеральной земли Гессен (Германия) состоялись дебаты о том, какое ведомство должно осуществлять контроль над колдунами, пророчицами, чертями, ведьмами, кикиморами и прочим нестандартным народом. Министерство лесного хозяйства и министерство юстиции отказались – первое, наверное, соглашалось брать только леших, а второму и своего жулья хватало. В итоге всю нечистую силу повесили на отдел воздушного транспорта министерства экономики – раз они на метлах летают, пусть хоть правила соблюдают. Правильно, во всем должен быть порядок, а то когда после землетрясения 1750 года в Лондоне масса досужих торговцев продавали землякам порошки от землетрясений, никто ни налогов не платил, ни толком не объяснял, на какое место их сыпать.

Правда, простые средства от шарлатанов все-таки есть. Во времена решающих схваток православия с идолопоклонством на Руси один из кудесников белоозерских язычников вступил в полемику с князем Глебом Святославичем, утверждая, что знает будущее. На вопрос князя, что же кудесник сделает сегодня, он отвечал: «Чудеса великие сотворю». Как же князь неопровержимо изобличил его как лжепророка? Да очень просто – убил к чертовой матери, чем и доказал, что никаких чудес он больше не сотворит. Но в наше время так нельзя. По судам затаскают – скажем, такие, как Роза Кулешова, уверявшая, что может видеть через непрозрачные покровы, и в доказательство сообщавшая в буфете «Литературки» всем ошалевшим от таких чудес газетчикам, какого цвета их нижнее белье. Таких только тронь...

Так что остается одно – последовать старинному китайскому рецепту. Налить в кастрюлю с длинной ручкой уксуса и поставить на плиту. Когда достаточно уксуса испарится, взять кастрюлю и быстрыми, энергичными движениями помахать ею в углах и под столом.

Превосходно изгоняет злых духов. Если укуса будет достаточно, подействует на кого угодно...

Лучшие по конфессии

Вот уж казалось, где смех совершенно неуместен, так это в богословии – вплоть до того, что в житиях святых практически всегда указывался такой признак их святости, как то, что они никогда не смеялись (не говоря уже о том, что в детстве практически все святые не играли с другими детьми – присмотритесь к своему ребенку!). Однако гони природу в дверь – она войдет в окно. Вплоть до того, что одним из последних слов святого Варфоломея, которого жарили на раскаленной решетке, было обращение к начальнику палачей: «Ешь, жаркое готово». Конечно, тут никому было не до смеха и указанный принцип не нарушался. Но этот пример не единственный.

Юмор помогает быть убедительным, и поэтому для проповедников он был просто необходим. Отец Авраама Фарра был владельцем лавки по продаже идолов. Авраам же, восплавав против идолов гневом, разбил их всех палкой. На упреки отца он ответил, что идолы сами перебили друг друга, перессорившись из-за приношений. «Да ты лжешь! – возмутился отец. – Идолы ни на что такое не способны». «Вот и я думаю, что они ни на что не способны», – обрадованно подхватил мысль Авраам.

Правда, для возражения проповедникам новых вероучений юмор тоже полезен. Члены одной новой религиозной секты в США обратились к судье с просьбой разрешить им распять своего духовного отца, который объявил себя новоявленным мессией и дал согласие на распятие. Судья согласился, предварительно поставив одно условие – что повесит всю компанию, если распятый не воскреснет через три дня. После этого вопрос о распятии отпал сам собой.

Что делать – проповедовать настолько трудно, что даже Священное Писание не может перед этим устоять. Миссионеры перевели на язык одного из меланезийских племен некую фразу из Библии так: «Хоть грехи твои будут, как пурпур, они станут белыми, как мякоть кокосового ореха». В оригинале, конечно, было «станут белыми, как снег», но откуда туземцам знать, что такое снег? Впрочем, есть и более действенные методы проповеди, чем Библия. В древнем городе Газа в римские времена произошло любопытное событие: воротясь с ипподрома, целый ряд язычников принял святое крещение. После того, как лошадь христианина победила лошадь язычника, – разве могло такое произойти без Божьего вмешательства?

Впрочем, тогда люди веровали искреннее, чем сейчас. Особенно древние кельты, считавшие вполне обычным делом дать денег взаймы с отдачей... на том свете (вовсе не обязательно угольками). Генрих Гейне, для которого проблема, у кого бы занять, была достаточно существенной, просто восторгался ими, не находя аналогов столь искренней веры у современных ему христиан. Не дожил поэт до наших дней – судя по манере, например, нашего родного правительства отдавать долги, там собрались исключительно древние кельты. Впрочем, может быть, они – христиане-протестанты: на Филиппинах протестантские миссионеры вырубали все кокосовые пальмы, которые кормили тамошних туземцев так же, как наша промышленность кормила нас. Причина этого тоже совершенно религиозная – чтоб не уваливали от исполнения заповеди «В поте лица будешь добывать хлеб свой», не ждали, пока кокос на «дереве лентяев» (так они называли кокосовую пальму) созреет и с пальмы упадет. Правда, похоже?

Впрочем, экологам от нынешнего положения с промышленностью одно удовольствие – в частности, потому, что у них теперь тоже есть небесный покровитель. Хотя в первые века христианства ни о какой экологии слыхом не слыхивали, это не помешало экологии обзавестись «личным святым». Раз Франциск Ассизский обращался с проповедями к волкам и птицам небесным, ему и экологию охранять.

Покровителя почты тоже утвердили совсем недавно – решением папы Павла VI от 22 сентября 1972 года (ну совсем Политбюро!). В тяжелой борьбе со св. Зеноном победу одержал архангел Гавриил. Поскольку именно он принес деве Марии благовест о том, что она родит Христа (если верить «Гаврилиаде», не только весть), ему и доверили небесное руководство заказными бандеролями и срочными телеграммами с уведомлением о вручении.

Не остались без небесной помощи и другие средства связи. Согласно легенде, монахиня Клара в 1252 году тяжело заболела, не смогла пойти в церковь на службу и посетовала на это Богу. И свершилось чудо: она увидела всю службу через стену своей кельи. Кто бы мог подумать, что через семь столетий благодаря этому под покровительство святой Клары попадет такая важная отрасль, как телевидение? Так что за все, что мы там видим, именно со святой Клары весь спрос, а не с каких-то Березовского с Гусинским. Хотя, впрочем, именно они-то ей не подчинены, как явные некаатолики...

Следует отметить, что, получив конкретный участок работы, святые обычно не сачковали. В Италии до сих пор в темных уголках, в подворотнях, в мало заметных людям тупиках городских стен можно увидеть нарисованное прямо на стене изображение св. Антония с большой деревянной палкой в руке. Если бы это действительно всюду помогало от той напасти, с которой итальянцы пытаются справиться подобным образом, было бы целесообразно изображать св. Антония в наших одесских подъездах, лифтах и даже телефонных будках – но увы!.. На одесситов уже ничего не действует. А вот итальянцы, увидев такое, порой отказываются от грешного намерения справить малую нужду в этих темных уголках.

Зато чудесное средство св. Викентия вполне применимо и в наши дни. Как-то раз к нему пришла женщина и стала жаловаться, что ее муж брюзга и ворчун, и его поведение невыносимо. Он дал ей освященной воды, рассказал, как ею пользоваться, и случилось чудо – разногласия с мужем практически исчезли и в их семье воцарился мир. Потом св. Викентий признался, что вода самая обыкновенная. Как же он посоветовал ею пользоваться? Да очень просто – набрать в рот при малейшей ссоре. Попробуйте и убедитесь лично – средство св. Викентия прекрасно действует вне зависимости от религиозных убеждений супругов!

Как известно, святые умеют и сурово наказывать. Например, как св. Мартин, разгневавшийся на тюрингских попрошайек, которые бросились бежать при виде его мощей. За это кощунство он лишил их куска хлеба – лишив их источника нетрудовых доходов, т. е. права попрошайничать. Но при этом вернул им всем телесную крепость и безукоризненное здоровье. Воистину святая кара! Правда, говорят, что сами наказанные были крайне недовольны... Следовало бы покарать их еще раз – за неблагодарность.

В те еще годы кара, налагаемая священником, была грозным оружием – не то что в наши времена. Когда страстная любительница рулетки графиня Софья Потоцкая дала папе Пию IX зарок, что в течение года не сядет за игровой стол, никакие муки наркомана, лишенного своей привычной дозы сильных эмоций, не вынудили ее нарушить обет. Так и

не садилась за игровой стол целый год – играла стоя. Вот на какие подвиги способен истинно верующий человек!

Правда, и церковь сейчас осмелела и не боится угроз светских владык. Когда византийский патриарх Полиевкт потребовал немедленного развода императора Никифора Фоки с его супругой Феофано, так как он был ее восприемником и, таким образом, находился с ней в духовном родстве, ответная угроза императора привела Полиевкта и весь клир в ужас – и церковь отступилась. А император всего-навсего пригрозил отделить церковь от государства. Кого этим сейчас испугаешь? Разве что парочку наших микропартий, всерьез предлагавших внести в Конституцию Украины статьи об особой роли православия... Да и зачем церкви заниматься делами государственными? Священное Писание учит иному. Когда обер-священник прусской армии Клетчке подал королю просьбу о предоставлении ему права назначать полковых пасторов, которых до того назначали полковники, Фридрих II ответил ему евангельской цитатой – и вопрос отпал. Неужели Клетчке сам не помнил слов Иисуса: «Царство мое не от мира сего»? Или власти хочется больше, чем святости?

Надо признать, что ряд религиозных запретов для верующих обременителен. Но немного юмора и сообразительности дают им возможность решить эти проблемы, не обидев ни Бога, ни себя (во всяком случае, они так считают). Масса желающих пропустить стаканчик мусульман с удовольствием вспоминают то, что Мохаммед запретил пить именно вино, а водку изобрели вообще через сто лет после создания Корана (кстати, именно арабские алхимики), и не отказывают себе ни в водке, ни в коньяке, ни в виски. Огромную южноамериканскую морскую свинку капибару (до 40 кг доходит!) испанские падре, снисходя к слабостям верующих, объявили рыбой и преспокойно ели в посты – в воде ведь живет, а что чешуи нет, то на все воля Господня.

Там, где нет таких чудес природы, грубые средневековые ландскнехты просто заставляли священников крестить кур и свиней, давая им имена Щука, Карп и т. п., после чего ели, когда хотели, не опасаясь ада. А чего бояться – индальгенции стоят недорого, заплати и грехи себе на здоровье. Французский герцог Шатильон подарил монастырю земельный участок и получил в ответ грамоту на владение участком такой же площади... в раю. Чего ему было бояться? Не выгонят же из собственных владений. А о покупке отпущения греха ограбления продавца индальгенций с последующим совершением оплаченного греха, не отходя от кассы, уже слышали все.

Это, кстати, куда достойней, чем упражняться в распространении веры методами мафии – делая еретикам и инаковерующим предложения, от которых они не могли отказаться. Даже проявляя к заблудшим душам свойственное инквизиции милосердие. Инквизиторы могли жестоко избить свою жертву дубиной, подвесить ее на дыбе, сутками капать на одно и то же место макушки холодную воду, лишить грешника сна, сдавливать ему череп с помощью веревочной петли и палки, насильственно наливать в рот соленую воду через воронку – ради спасения грешной души они были готовы почти на все. А вот загонять иголки под ногти они считали недопустимым зверством – церковь не проливает крови! Не правда ли, гуманно? Да еще и убедительно.

В умении убеждать деятелям религии вообще не откажешь. Кардинал Беллармин, например, считал крайне полезным для католической церкви тот факт, что огромное число пап было общепризнанными злодеями, развратниками и убийцами. Доказывалось это просто: если католицизм при этом все-таки существует – это чудо и знак Божьей милости. Даже странно, что подобные доводы в свою пользу не приводятся нашими властью имущими... Им вообще стоило бы поучиться у деятелей церкви – могли бы воспринять

много полезного. Небезызвестный кардинал Мазарини как-то раз узнал, что против него написали очень едкий и талантливый памфлет. Тогда он немедленно велел запретить его и конфисковать, а потом продал его из-под полы по неслыханным ценам – шутка ли, запрещенное сочинение! А у нас пока что освоили только первую часть кардинальской методики и в итоге жалуются, что нечем учителям зарплату платить...

Логика в религии, как ни странно, всегда есть. Только надо ее правильно понимать. В Талмуде сказано, что муж может разойтись с женой даже из-за подгоревшего завтрака. Для нас это кажется слишком мелким поводом для развода. Но один из толкователей Талмуда оригинально обосновал мудрость этого изречения – тем, кто из-за такого задумывается о разводе, действительно лучше разойтись. Разве это не верно? И так всюду. Ответьте, например, на старинную религиозную загадку, которую на Руси задавали детям: что у Адама спереди, а у Евы сзади? И не надо хихикать – это буква «а». Тоже очень логично. А уж как логичны были отцы церкви! Желая подшутить над Фомой Аквинским, несколько монахов собрались у его кельи и громко объявили, что в небе летит вол. Фома выбежал посмотреть, и монахи начали над ним смеяться. Но Фома весьма логично объяснил свой поступок и пристыдил неумных шутников – он сказал, что маловероятно, что летает вол, но еще менее вероятно, что столько монахов запятнает себя ложью.

Немало блеска можно найти и в спорах между различными религиями (конечно, не на уровне «кто кого сожжет»). Кстати, веротерпимость тоже вполне логична – французский католический писатель Поль Клодель не испугался вопроса, почему он так крепко дружит с неким художником-атеистом, и даже весьма убедительно объяснил, что дружит с ним на этом свете, потому что не увидит его на том. Насколько все-таки художники терпимей политиков! Когда Черчилль, споря с Трумэнном, сказал ему, что после смерти, представ перед Божьим судом, им будет трудно объяснить, почему они приняли именно такое решение, ехидный американец ответил: «Господин премьер-министр, а вы уверены, что мы будем допрашиваться в одном и том же месте?»

Священникам договориться проще. Рассказывают, что католический паптер и протестантский пастор поспорили, когда же начинается жизнь. Паптер считал, что жизнь начинается с момента зачатия, пастор – что с момента рождения. Услышав эту дискуссию, раввин объявил, что неправ ни тот, ни другой, – жизнь начинается, когда жена и дети уезжают в отпуск. Думаю, что первым оценил блеск этой аргументации пастор – католические священники обязаны жить в безбрачии, хотя в Священном Писании слова об этом нет, просто папе Григорию IV в свое время показалось накладно обеспечивать приходами детей священников, и он поступил по рецепту, который много позже сформулировал один недоучившийся семинарист – «Нет человека, нет проблемы». Так что до сих пор, если один католический священник и скажет другому: «Какая сложная проблема этот целибат, доживем ли мы до ее решения?», другой совершенно спокойно может ответить: «Вряд ли, вот наши внуки, может, и доживут». В наличии внуков никто при этом не сомневается.

А вообще, в церковных обрядах много полезного и помимо святости. Архиепископ Кентерберийский в бытность свою студентом снимал комнату у некой вдовы. Как-то он признался своей хозяйке, что удивлен ее набожностью – почти каждое утро она пела на кухне некий псалом, иногда трижды, а иногда и пять раз. Вдова объяснила ему, зачем она это делала. Просто после троекратного исполнения яйца получались в мешочек, а после пятикратного – вкрутую. Так что не надо спорить о бытие Божиим – правильно говорил Владимир Соловьев, что перегородки между церквями все равно не достают до неба, а идеальный ответ на этот сложный вопрос, как мне кажется, сформулировал Борис Заходер в стихотворении всего из двух строк: «Бог есть? Бог весть...» Этот ответ лучше, чем тот,

который я вычитал в талантливом, но страшноватом рассказе Фредерика Брауна. Там рассказывается, как ученые создали гигантских размеров компьютер с практически беспредельными возможностями, запустили его и спросили: «Есть ли Бог?» Знаете, что ответил компьютер?

«Теперь есть»...

ФАКТЫ, СТРАНЫ, ВЕКА...

Новые истории с бородой

Начнем, пожалуй, с того, что бородатых людей в мире вообще нет и никогда не было. Применим метод математической индукции. Пусть N – число волос на лице данного индивидуума. Если $N = 1$, он явно не бородат. Если же, скажем, при $N = K$ он безбород, то и при $N = K+1$ это тоже верно – один лишний волос положения дел не меняет. Утверждение доказано. Так что если вы увидели на улице кого-то с бородой – у вас явная галлюцинация. То, что это галлюцинация массовая, не так уж существенно; готовы ли вы считать окружающих нормальными людьми, читая те же газеты, что и я? А наука – она всегда на высоте. Еще в начале XX века ученые-аэродинамики строго доказали, что с научной точки зрения майский жук летать не может.

Так что махнем на все рукой и представим себе, что бороды реально существуют – хотя бы смеха ради. А давно ли такое началось? Да Бог знает когда – ведь у первобытных людей не было бритв «Жиллет». Целесообразней сначала разобраться, когда на свете появились бритые. Хотя, немного модифицировав приведенную выше теорему, можно без труда доказать, что и небородатых людей на свете не существует. В том числе и женщин.

Отсутствие бород породила хорошая сталь. Греки называли негреков варварами, что, по некоторым источникам, и означало «бородатые»: бриться было нечем. На то, чтоб выщипывать бороду по волоску, хватало сил только у высокопоставленных священнослужителей ряда религий, а опаливать себя, как куриную тушку, мог далеко не каждый. Собственно, тогда и появилась борода: кто же обратит на нее внимание, если бородаты все?

Те, кто бриться все равно не хотел, подводили под свое желание идеологическую базу. Моисей запретил единоверцам бриться, чтобы не искажался образ, данный человеку Богом. Да и сейчас представители целого ряда религий считают бритье делом не богоугодным. Еще в 1969 году английская транспортная компания, действующая на территории Индии, объявила новые правила для своих служащих, требующие от них являться на службу бритыми, после чего сикхи, составлявшие немалую часть сотрудников компании, тут же объявили забастовку. Назвался сикхом (или Сингхом, все сикхи носят это имя, означающее «лев») – изволь носить тюрбан, длинные волосы и бороду. Иначе какой же ты сикх?

Не менее ревностны к бороде приверженцы ряда течений мусульманства. Конечно, если всюду искать своих и чужих, это удобно: есть борода – свой, нет – чужой. А поскольку таким рецептом пользовались многие, вплоть до российских раскольников, ряд правоверных все-таки дали заработать парикмахерам, обривая головы. Тут уж не спутаешь! А борода была и у пророка Мохаммеда – волос из нее до сих пор хранится в Дели, в мечети Джама-Маджид. Длинный и седой. Да и до сих пор как зовут в Средней Азии самых уважаемых людей? Аксакал. В переводе – «белая борода».

Собственно, не так давно талибы захватили Кабул и принялись наводить в нем свои порядки. Целый ряд изданных ими с этой целью указов, разумеется, подлежал немедленному исполнению. Кроме одного, на исполнение которого государственным служащим все-таки дали 45 дней. Быстрее борода требуемой талибами длины все равно не отрастет. Опыт Руала Амундсена, у которого пышная борода выросла за одну ночь, талибам все равно не заимствовать – если им и рассказать, что такое полярная ночь, они не поверят.

А в Турции, верной заветам Ататюрка, при приеме в военные училища у поступающего требуют фотографию отца. Если отец на фото с длинной бородой, то в училище не берут. По их мнению, в светской армии нечего делать сыну убежденного исламиста. Интересно, если бы сын Льва Толстого захотел поступить в турецкое военное училище – тоже бы не приняли? Наверное...

Александр Македонский исламистом не был. В частности, и потому, что бороды не жаловал. Македонским воинам отращивать бороды категорически запрещалось. Причина этого была проста и понятна – если во время битвы враг схватит за бороду, сопротивляться будет трудно. Судя по результатам сражения фаланги с бородатыми персами, смысл в этом решении был.

А у римлян ростом бороды даже ведал специальный бог, которому и нужно было в случае чего молиться о ее пышности и густоте. Кстати, родовое имя императора Нерона было Агенобарб – «Рыжая борода». Согласно легенде, к бороде основателя рода из милости прикоснулось божество, и она порыжелала. В наше скептическое время это решается с помощью краски.

Борода не потеряла свое значение на Апеннинах и после распада Римской империи. В 569 году Северная Италия была завоевана германским племенем, все мужчины которого поголовно носили длинные бороды. Так их и прозвали – «длиннобородые». По-латыни – лангобарды. А эта местность до сих пор называется Ломбардией – в честь их бород. А уже позже жители этой местности проявили необыкновенную коммерческую активность, став ведущими банкирами Европы и придумав совершенно новое в те времена учреждение, где выдавали займы под залог вещей и ценностей, названное в их честь «ломбард». Вот еще в каком слове торчит краешек бороды!

Борода могла быть не только национальной или конфессиональной, но и профессиональной приметой. Древние кузнецы просто обязаны были носить бороду, служившую им примитивным термометром, да еще и работать в полумраке, чтоб лучше различать при закалке цвета побежалости. А в Древнем Египте жрецы контролировали качество строительства храмов и пирамид с помощью волоска из собственной бороды. Если волосок не проходил между плитами – значит, с качеством все в порядке.

Хватало историй с бородой и на Руси – как и самих бород. Отсутствие бороды считалось то редкой причудой (современники отметили необычный поступок великого князя Василия Третьего, сбрившего бороду в угоду будущей матери Ивана Грозного Елене Глинской), то жутким проступком (протопоп Аввакум отказался благословить боярина Шереметева, явившегося к нему в блудоносном облике – то есть без бороды). Да и вообще считалось, что без бороды нельзя попасть в рай. Скульптор Мартос изобразил самого себя на барельефе памятника Минину и Пожарскому. Любой москвич или гость столицы может подойти к барельефу и найти Мартоса в толпе без труда. Он там один без бороды.

Запечатлел, естественно, бороды и русский лубок. Правда, со временем один из его персонажей – страшный бородатый разбойник претерпел немалую эволюцию. Его имя, происходящее от латинского «барба» – борода, в итоге из человеческого стало собачьим. А многочисленные Барбосы даже не знают, за что же их так прозвали.

Бороду как этнокультурный признак россиянина тех времен зафиксировали и ближайшие соседи. Предполагают, что общеизвестная дефиниция «кацап» образовалась от украинского слова «цап» – козел. Кацап – то есть как цап. В те времена, когда родилось это слово, подавляющее большинство русских, как и козлы, носили бороды. А украинцы вместо бород носили то, что в Древнем Египте называли «локон юности», а на арабском Востоке – «мост к Аллаху», то есть длинный хохол на выбритой голове. Так что кацапы зовут украинцев хохлами, хохлы русских – кацапами, а и те, и другие, может, хотя бы теперь начинают понимать, что другой народ не стоит оскорблять и поддразнивать даже в шутку.

Великую войну с бородой начал триста лет назад Петр Первый. Исключение сделали для троих: для боярина Черкасского – из уважения к его преклонным годам, для патриарха – в силу его сана и для первого губернатора Московской губернии Стрешнева. Остальных поставили перед дилеммой – брейся или плати. С дворян и чиновников за право носить бороду ежегодно брали по 60 рублей, с крупных купцов – 100 рублей, с ремесленников – 60 рублей, с ямщиков, церковных причетников и других мелких чинов – 30 рублей. А с бородатых крестьян брали по копейке при въезде в город – брейся или сиди дома. Уплатившим налог выдавали специальную бляху с надписью «Борода – лишняя тягота». Наглядная агитация, так сказать.

Для многих в те времена «босое лицо» было трагедией. Священники говорили архиепископу Дмитрию Ростовскому: «Владыко святой, как ты велишь? Велят нам по указу бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить; пусть нам лучше отсекут головы, чем сбреют бороды». Архиепископ, желая снять напряжение, резонно отвечал по-одесски – вопросом на вопрос: «Что отрастет: голова ли отсеченная или борода обритая?» Но это убеждало не всех, и люди шли за бороду в тюрьму и на плаху. Впрочем, реформы, подобные петровским, мир наблюдал и не так давно. Уже в XX веке в Аргентине издали совершенно петровский указ – велели всем гражданам страны брить бороды. Для удобства опознания преступников. Проще было бы выжигать тавро, но Аргентина же цивилизованная страна.

Чтили бороды и на Западе. Данте, например, называл усы и бороду «мужскими перьями». А вот Шопенгауэр считал, что борода потому и нравится женщинам, что является непристойным половым признаком, беспрепятственно доступным их взглядам. Более того – он требовал, чтоб полиция запретила бороды так же, как хождение по улице в полумасках. Но только почтенный бородач долгое время мог стать мэром шведского города Гарденбурга. Кандидаты собирались у круглого стола и укладывали на него свои бороды, а в центр стола запускали блоху. Самый вкусный и питательный кандидат, в бороду которого и заползал единственный избиратель, становился мэром. И ни единого случая фальсификации выборов в этом городе отмечено не было.

Не было бы бороды у Виктора Гюго – меньше было бы им написано. Однажды, будучи практически не в силах сопротивляться весьма естественному у писателя-профессионала желанию заниматься чем угодно, кроме писания, он остриг себе полбороды, причем с одной стороны, а ножницы выкинул в окно. Волей-неволей, чтоб не замели прямо с собственного порога в психушку, пришлось две недели не выходить из дома – пока хоть

малость не отрастет и со стриженной стороны. И писать, писать, писать... Хорошее средство. Бороду отпустить, что ли?

А в Российском государстве борода всегда оставалась еще и тайным знаком, свидетельствующим об общественном положении, политических симпатиях и много еще о чем. Например, о сословной принадлежности. Не зря же в 1814 году, во время ввода в Париж русских войск, там началось повальное увлечение бородами. В местных газетах писали с восторгом: «Борода – это естественное украшение особ сильного пола. Она – часть мужской красоты. Она изменяет пропорции лица, изменяет оттенки кожи щек и подбородка, защищает кожу своим шелковистым сумраком и усиливает ее блеск. Только борода может придать особую значительность лицу мужчины». Так кто же так очаровал и покорила все выдавший Париж? Русские казаки – для них борода была чуть ли не частью военной формы.

Впрочем, почему я оговариваюсь? Именно частью формы. Пушкин вот никогда не носил бороды, а, скажем, Белинский носил. Дело в том, что Пушкин состоял на государевой службе, а Белинский – нет. Поэтому Пушкин обязан был брить бороду – не просто так, а по государеву указу. В свое время я даже отвечал на вопрос: «Что пришлось бы сделать Марксу и Энгельсу, если бы им вместо научной работы в Германии вздумалось бы поступить на гражданскую службу в России?» Ответ понятен: сбрить бороды и усы согласно соответствующему указу Николая Первого. Кстати, мало кто дал правильный ответ – многие грешили на Марксову пятую графу. Кого это тогда волновало? Крестись – и служи себе. Только бороду сбрей.

А во флоте было наоборот. В свое время вице-адмирал Колчак последовал примеру старшего лейтенанта Павлинова, после чего в русском флоте их стало двое и оба они рисковали лишиться благоволения государя-императора, ибо слишком выделялись своим внешним видом – брили и усы, и бороду. Единственные во всем флоте!

Интересную моду, между прочим, ввели итальянские военные. После войны 1882 года за освобождение Италии среди них получила большое распространение раздвоенная борода а-ля Франц-Иосиф. Знаете почему? Она не закрывала висящие на груди ордена. Запустил окладистую бороду – не обижайся, если все решат, что ты недостаточно храбро воевал и хочешь скрыть это под немодной бородой.

Еще одна профессия, для которой борода обязательна – это Дед Мороз, он же Санта-Клаус, он же Пер Ноэль, он же Баба Натале... в общем, кличек у него – как у матерого уголовника, но больно уж характерная особая примета. И не у всех из них бороды накладные. Не зря, например, Брейди Уайта называют «Санта-Клаусом для богатых» – в самом деле, его рождественский визит стоит дорого. Дети богачей и знаменитостей с удовольствием дергают его за бороду, совершенно не рискуя разрушить иллюзию. Дело в том, что борода у него настоящая.

Кстати, зря вы думаете, что борода – чисто мужской атрибут. Длина бороды дамы по имени Дженис Девери из штата Кентукки в США достигала 36 сантиметров и привела ее хозяйку на страницы Книги рекордов Гиннеса. Вывести ее напрочь с помощью современной косметики, разумеется, было не так уж трудно. А ведь растила же... Что только не делает с людьми тщеславие! Впрочем, было и такое, что женщина написала письмо в газету с вопросом, как избавиться от второго подбородка, и подписалась мужским именем. Газета и посоветовала ей отпустить бороду. Может быть, это она и была?

Ну, теперь уж просто для полноты коллекции пара мелочей о том, как влияет борода на современные профессии. Делегаты международного съезда частных детективов в Монтевидео в 1972 году приехали туда почти все, как один, с фальшивыми бородами и накладными шевелюрами, дабы не пострадал профессиональный престиж, как уже случилось с ними на прошлом съезде в Неаполе. Дело в том, что обокрасть именно их неаполитанские воришки сочли делом чести и весьма в этом преуспели. Вот и порешили они не вводить и уругвайских воришек в соблазн.

А правление союза глухонемых подало в суд на некоторых дикторов и комментаторов немецкого телевидения – потребовало, чтоб все они сбрили бороды и не мешали глухонемым читать у них по губам. Думаю, что иск они выиграли – в стране, где любое общественное здание и даже городские автобусы имеют специальные подъемники для инвалидов, это не так трудно.

Еще одна профессия, где борода, как говорят медики, не показана – это пожарное дело. Начальник пожарной команды города Линн, штат Массачусетс, прославившийся в среде сослуживцев приказами в стиле Петра Первого, для обеспечения пущей безопасности пожарных при работе приказал им обрить бороды, поскольку к бородатому лицу плохо прилегает защитная маска. И тут трудно с ним не согласиться...

Впрочем, не только в профессии дело. Ученые установили, что борода очень вредна для здоровья. Она выделяет фенол, бензол, толуол, аммиак, сероводород, диметилсульфид, диэтиламин и диэтилмеркаптан. Более того – повышает давление, раздражает слизистую оболочку глаз и дыхательных путей, снижает работоспособность и повышает заболеваемость. Если прибавить сюда еще и то, что она способствует облысению, то неудивительно, что борода снижает продолжительность жизни на один – три года. Правда, для тех, кто пьет и курит, такой аргумент даже приводить смешно.

А сохранилась ли в наше время роль бороды как партийного значка? Еще как – достаточно вспомнить Фиделя Кастро. Да и в наших краях кто не отличит окладистое помело славянофила от козлиного клинышка западника? Впрочем, согласно классификации философа Виктора Малахова, борода может сказать о своем носителе еще больше. По его мнению, владелец косматой карабасовской бороды – скандалист, но не очень опасный (сам предупреждает о возможной опасности). Двухсантиметровая борода – скорее анархический протест: не столько для себя, сколько для других. Бакенбарды, плавно переходящие в бородку клинышком, – признак мобильного современного человека со строптивым и задиристым характером. У нынешнего модника скорее не борода, а трехдневная щетина. Владельцы большой густой бороды архаичны и индивидуальны, но далеко не всегда гениальны – Лев Толстой скорее исключение, чем правило. Борода «цыганская» или а-ля Мефистофель символизирует псевдозначительность, ее цель – только произвести впечатление. Шкиперская – признак нерешительности и попытка скрыть действительность. Посмотрите на себя в зеркало – и поймете, кто же вы такой.

В общем, относитесь к бородам как хотите, но не считайте их делом пустым и несостоящим. «Лучше раз в год родить, чем каждый день бороду брить» – так говорит зафиксированная Далем народная мудрость. Так что в любом случае завести бороду – это немалый труд, который неправильно не уважать. Особенно мне, чья фамилия Бурда, согласно наиболее убедительной версии, не имеет никакого отношения к кулинарии (и слава Богу, а то неудобно было бы о еде писать), а происходит от немецкого слова «das Bart» – борода. Так что прошу считать этот текст еще и данью уважения к неведомому мне бородатому предку. Думаю, что он был практически у каждого из нас.

Памятник неизвестному взяточнику

А что это вообще такое – взятка? У Даля и слова-то такого нет! Написано: взятка, взяточник – см. *взирать* и *брать*. На «*брать*» пример приведен: «А что, новый исправник берет?» На «*взирать*» – «взятка: срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пишкеш, бакшиш, хабара, могоарычи, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело». То есть слово «взятка» – как сама взятка: по документам нет, а как копнуть чуточку глубже, то сразу есть. Список синонимов тоже очень типичен: рядом с исконно русским и персидское «пишкеш» (подарок), и тюркское «бакшиш» (дословно – «дай денежку», случайно знаю... случайно ли?), и украинское «могоарыч» (от арабского «махарыдж» – «расходы»), и украинско-польское «хабар» (тоже с Востока, награда вестнику, «хабар» и сейчас по-казахски «весть»). В общем, все страны и народы... Давняя, должно быть, штука, и совершенно всеобщая.

Доказать это нетрудно – даже в Ветхом Завете не забыли ее, родимую. Еще в Книге Исхода сообщил Господь Моисею закон, который он должен был объявить своему народу: «Даров не принимай; ибо дары слепыми делают зрячих». Несмотря на столь авторитетное указание уже в первой Книге Царств о сыновьях первосвященника Илии было сказано, что они требовали своего куска даже от мяса храмовых жертвенных животных. Конечно, их за это покарали смертью. Ну и что? Когда я в Израиле читал тамошние русскоязычные газеты, создалось впечатление, что Тора для тамошнего делового люда вроде марксизма наоборот – безусловно, догма, но уж никак не руководство к действию! Процессами взятодателей и взятобрателей забита вся уголовная хроника.

И не вздумайте валить на то, что «там на четверть бывший наш народ» – взятка есть явление вне времени и пространства. Еще в античные времена все прекрасно знали, что это такое – даже Алкивиад, которому нужны были немалые деньги для поддержания своего роскошного и беспорядочного образа жизни. В Древнем Риме от этого береглись, как могли. Должностным лицам даже полагались специальные выплаты под названием «аннонарии», чтоб они не голодали на своих постах и не были вынуждены брать взятки. Выплаты делались пятью видами продуктов: хлебом, солью, луком, вином и оливковым маслом. Денег не платили, и это побудило выборный римский люд к инициативе, масштабы которой росли как снежный ком. Брали немало, ибо еще Цицерон сказал, что взяточники должны трепетать, если результатов этого занятия им хватает только для собственных нужд, и они могут быть спокойны только тогда, когда взятки приносят им доходы, достаточные для дележа с другими.

Просто жутко читать о похождениях нумидийского царька Югурты. Вероломное убийство сонаследников царства, находящегося под защитой Рима; нападение на союзников Рима; убийство политического противника прямо в Риме, да такое неумелое, что сразу все раскрылось, – и как с гуся вода! Дал взятку трибуну, тот запретил ему отвечать на вопросы обвинителей – и все в порядке, ибо распоряжения трибуна отменять нельзя. Не зря Югурта сказал о Риме: «Продажный город, обреченный на скорую гибель, если только найдет покупателя!» Недолго продержалась Римская республика с таким неподкупным правосудием. Да и с империей дело обстояло не лучше. Над тем, как императорская гвардия просто продала императорский титул тому, кто больше заплатит, даже Зоценко похихикал. Особенно над тем, что купившего трон Дидия Юлиана вскорости прирезали, чтоб получить денежки еще с кого-нибудь. Чем это кончилось для Римской империи – известно.

Может, на Востоке с этим было попроще? Судя по тому, сколько восточных слов использовалось в России для обозначения этого явления, вряд ли это так – даже на самом Дальнем Востоке. Не зря же китайский поэт XI века Су Ши писал, что монаху бывает стыдно, когда он не может отделаться от своей любовницы, монахине – когда она родит, а чиновнику – когда его уличат во взятке. Судя по китайским новеллам о монахах и монахинях, невелика была редкость. Да и сейчас в Китае время от времени расстреливают за взятки крупных партийных бонз – это тех, кого поймали, так что всюду одно и то же, и неча на демократов валить. Страшно писать, но вроде выходит, что от государственного строя и политической доктрины сие вообще мало зависит.

Недавно попался мне любопытный факт. В 1346 году компания венецианских купцов вернулась из Дели. Один из компаньонов умер в дороге, и из-за его наследства начался судебный процесс, на котором потребовалось вычислить расходы в этом путешествии. Как вы думаете, какая статья расходов оказалась самой большой? Правильно, взятки. И этот обычай сохранился в Османской империи до ее кончины (одной из причин которой и стал). Правда, время от времени султан даровал очередному взяточнику шелковый шнурок для самоуваживания с конфискацией имущества и оздоравливал таким образом государственную казну. К сожалению, внедрить эту идею в нашу жизнь общество пока не готово. А может быть, и к счастью, ибо как определять взяткобрателей – неясно. Стоило бы придумать что-нибудь поцивилизованнее, а то пар в котле сорвет крышку, и какой-то из подобных проектов проведут через Думу или Раду. Налогооблагаемая база получится огромная – еще Суворов практически всерьез рекомендовал всех прослуживших по интендантской части более двух лет сразу вешать за взяточничество, не тратясь на бессмысленную судебную процедуру. Если только не ухватятся за идею бывшего мэра Москвы Гавриила Попова просто как-то легализовать взятки, а потом еще и налоги с них брать.

Честно говоря, ни Попова, ни Суворова я безоговорочно не осуждаю, более того – как-то понимаю. Были, кстати, у них и предшественники – например, крупный чиновник и не менее крупный историк Татищев. Тот даже расписал, когда брать взятки совершенно законно: если для просителя работал после полудня, чего делать по службе не обязан, ибо в жалованье не ставится; ежели дела не тянул справками и придирами; ежели решил дело тяжёлое не в очередь, а скоро и честно, в выгоду просителя и отечеству не в убыток. Вообще, за это стоит платить премию, но не заинтересованное же лицо должно это делать! И все-таки здесь все не так просто... Как и все в наших краях. Взятка здесь – гость не сегодняшний, а очень давний.

Знаете ли вы, например, что такое «остаться с носом»? Своими ушами слышал, что это значит, что не вырвали ноздри – была раньше такая жестокая кара. Не поверил (ведь остаться с носом, то есть без повреждений – означает плохо, а не хорошо) и стал докапываться. Оказалось гораздо интересней. «Нос» – это взятка, то, что несут судье или дяку. Если он не взял и ты остался со своим «носом» – удачи не жди. Так что у нас взятка уже и фольклор веками формировала. «Тяжбу завел – стал, как бубен, гол», «Судьям то и полезно, что в карман полезло», «Судейский карман – что поповское брюхо», «Всяк подьячий любит калач горячий», «Наши правы, а сто рублей дали», «В суд ногой – в карман рукой», «Земля любит навоз, лошадь овес, а воевода принос» – право, устал выписывать из Даля...

Никакие строгости результатов в борьбе со взятками не давали. Петр I – тот за взятки даже сибирского губернатора Гагарина казнил, не говоря о куче народу помельче, а толку-то? Ведь в изнуренной Северной войной России жалованья чиновникам не платили годами – почище, чем теперь чиновники не платят врачам и учителям (душу, что ли,

отводят почти что через 300 лет?). Петр даже собирался издать указ о том, чтоб вешать каждого, чьих незаконных поборов хватит на покупку веревки, да правдолюбец Ягужинский объяснил ему, что так придется государю всех своих верных слуг повесить и самому Питер строить и со шведами воевать.

А через год после его смерти Екатерина I от лютого безденежья в казне даже указ специальный приняла, чтоб большинству чиновников денег не платить, далее по тексту: «а довольствоваться им от дела по прежнему обыкновению от челобитчиков, кто что даст по своей воле, понеже и наперед того им жалованья не бывало, а пропитание и без жалованья имели». Как говорят в таких случаях – приехали! Дальше некуда. Удержать чиновника от взяток хорошим жалованьем, гарантией трудоустройства и высокой пенсией – это опять чуждые нашему менталитету требования удалять железы исключительно через рот. А у нас еще не затихли вопли: «Мы пойдем другим путем!» – по любому поводу... В итоге Екатерина I сама в два года спилась – а как жалованье платить, когда 10 % госбюджета уходят на закупку для двора импортных вин? Пусть уж лучше взятки берут...

Запрещала взятки и Екатерина II, но сама понимала, что запрещай – не запрещай... Рассказывают, что она даже подарила одному из своих вельмож вместе с назначением на пост прекрасный вязаный кошелек, и все понимали, для чего именно. А одному из ее орлов – Алексею Орлову-Чесменскому какой-то губернатор даже жаловался: «Представьте себе, граф, мои враги распускают слухи, что я беру взятки!» Тот дал добрый совет, рассказав, что в его бытность в Италии о нем рассказывали, что он ворует античные статуи, но как только он перестал это делать, слухи прекратились. Внял ли губернатор намеку? Сомневаюсь...

А как только не называли взятку! Гоголь подарил нам устами Ляпкина-Тяпкина великолепный эвфемизм «борзые щенки», но в «Мертвых душах» использовал и более давнее выражение – «рекомендательные письма за подписью князя Хованского» (от украинского «ховать» – прятать). Еще раньше говорили: «поднести барашка в бумажке», «надеть золотые очки», «вставить серебряный глазок» и даже, извините, «сунуть под хвост». Понятно, что у нас столько образных выражений посвящены тому, что называли нашей Великой хартией вольностей и единственным оплотом против самовластья (что там – Бердяев даже называл взятку единственной русской конституцией). А как в стране настоящей Великой хартии вольностей – небось даже не знали про взятку, что это такое? Как бы не так! У них с незапамятных времен говорили «прибегнуть к помощи кавалерии святого Георгия». Дело в том, что именно св. Георгий, покровитель не только Москвы, но и Англии, был изображен на золотых английских соверенах.

И вообще – не Западу перед нами превосходством в честности и неподкупности своих государственных людей чваниться... Не было в России (да, пожалуй, и вообще нигде) такого монстра взятки, как Талейран. Впрочем, ему было у кого набираться опыта. Когда у Шарля-Александра Калонна спросили, как же он осмелился согласиться управлять королевскими финансами, когда совершенно расстроил свои, тот даже не понял вопроса: «Именно потому и взялся!» Доверивший ему свою казну Людовик XVI, кстати, кончил потерей трона и плахой, но нелегко пришлось и государю Талейрана Наполеону, который даже грозил повесить Талейрана на решетке площади Карусель, да как-то руки не дошли. Зря – было за что. Тринадцать с половиной миллионов франков золотом взяток только за 1796–1799 годы – для разминки, так сказать. Правда, четыре миллиона, взятые с поляков за восстановление польского государства, он вернул, когда дело не выгорело. Когда же Наполеон велел ему предложить Баррасу взятку за уход из политики, а тот, понимая, что его карта бита, при первом намеке согласился уйти просто так, то Талейран на радостях бросился ему руки целовать – а денежки, разумеется, оставил себе. Сколько ему дали

американцы за то, чтобы уплатить за Луизиану 54 миллиона вместо 80, о которых сначала шла речь, точно не известно. А сколько он получил за откровенную торговлю государственными секретами Франции – и от Александра I, и от Меттерниха! Хватило бы государство себе купить, и не маленькое. Так о нем и писали – что предал и продал всех и вся, за исключением своей матери, да и то потому, что покупателя не нашлось. А ехидный Мирабо еще в начале карьеры Талейрана говорил, что за деньги тот продал бы свою душу, и был бы прав, так как при этом обменял бы навозную кучу на золото. Не зря его незаконный сын Эжен Делакруа (крупный художник – помните «Свободу на баррикадах»?) терпеть не мог разговоров о том, кто же его папочка.

Так что лишь в одном Запад в отношении взяток превосходит Восток – в соблюдении внешнего декорума. Чем дальше к Востоку, тем меньше взятки скрывали вообще. А поскольку Российская империя к Востоку все-таки поближе, то именно у нас в конце XIX века на обращение подрядчика: «Я дам вашему превосходительству три тысячи, и никто об этом не узнает» прозвучал знаменитый ответ: «Дайте пять тысяч – и рассказывайте кому угодно!»

Да и в советское время со взятками боролись-боролись... А кто из моих ровесников может о себе сказать, что ни разу не давал взятки? Я не могу: селился в гостиницы, как все, через десятку в паспорте. Никогда не брал, тем паче не вымогал – в те времена это тоже мог сказать о себе не каждый. А что на самом деле творилось при достаточно жесткой системе и немалых сроках за взятки – только сейчас чуточку всплыло. В каждом регионе – малость по-своему. Даже преискурранты были (разумеется, негласные). Например, в восьмидесятые годы место академика азербайджанской академии наук стоило 50 тысяч рублей, а место ректора вуза – 200 тысяч. Но ведь почетней быть академиком, чем ректором? Да, но дело в том, что ректор быстро возвращал потраченные деньги за счет взяток, а академик – нет.

Только не уверяйте меня, что мы одни такие жулики. Кого только не ловят за руку во вполне устоявшемся и рыночном мире! Президенты и премьеры стран за взятки садятся на скамью подсудимых. Президент Бразилии Фернандо Коллор Мелу, премьер Японии Какуэй Танака, президент Перу Алан Гарсия – он, кстати, в 1985 году сказал: «Если государственный чиновник, какой бы он пост ни занимал, совершил материальное преступление или злоупотребил властью, то пусть... наказание для такого человека будет двойное». Знал бы, где падать, соломки бы подстелил. А «футбольный скандал», когда за руку поймали главу крупнейшего французского концерна Бернара Тапи и чертову уйму французских футболистов? Правда, это скорее хорошо – там хоть кого-то поймали и наказали в отличие от нас... А как вам нравится, что с 1930 года уголовный кодекс штата Виргиния запрещает коррупцию и взяточничество всем гражданам, кроме кандидатов на выборах (ну и прагматики эти американцы – какой смысл в законе, который заведомо не будет исполняться!)?

Есть ли в конце этого туннеля хоть какой-то просвет – судите сами. Впрочем, там, где теперь бесплатных квартир нет – и взяток тоже нет, не за что давать. Взятка есть непереносимый спутник государственного распределения благ, ибо государство – единственная структура, где заведомо невозможен конкурент, предоставляющий эту же услугу дешевле и переманивающий клиентуру. Если объем такого распределения невелик, как, скажем, в Новой Зеландии, его и контролировать легче. А вот разговор о полном истреблении взяток давайте перенесем на страницы фантастических романов. Впрочем, и там разное пишут. Украинский фантаст Герасименко в повести «Когда умирает Бессмертный» описывал планету, где одна из стран просто разрешила брать взятки, но установила таксы и обложила данный вид платежей налогом. Что-то в этом есть – впрочем, см. выше. Так что единственная надежда на уменьшение этой составляющей

денежных потоков посещает меня, когда ложусь спать. А вось увижу во сне мраморный памятник, что, по знаменитому соннику «Миллион снов» издательства Сытина, предвещает именно смерть богатого взяточника. Что ж, будем надеяться вместе... Спокойной ночи!

Скорость стука выше скорости звука

Во время раскопок в Двуречье археологи докопались до царского архива древнего владыки. Обожженные глиняные плитки – не бумага, время почти не оказало на них воздействия. Клинопись к тому времени уже читали без труда, и ученый мир замер в предвкушении новых великих произведений древнего искусства, сравнимых с гениальным эпосом о Гильгамеше. Как бы не так! Практически все найденные творения оказались принадлежащими к жанру, имеющему невысокую художественную ценность, но весьма ценному деспотами, – и не только восточными. Одна из самых древних в мире библиотек оказалась практически целиком состоящей из доносов, помогавших тогдашним царям (и не только им) разделять и властвовать.

То ли потому, что в раннем детстве, услышав слово «Навуходоносор», я решил, что прозвали его именно так, потому что ему доносят, да еще и на ухо, то ли еще почему, распространение доносительства в древних деспотиях меня не удивляет. Совершенно в контексте этого воспринимается и рассказ Геродота о том, как знатный перс Дарий, узнав, что страной правит самозванец, потребовал у своих друзей, чтобы они немедленно приняли меры к его свержению. Они проявили нерешительность, ссылаясь на то, что царю доносят о них всех и дело их не удастся. Как же Дарий все же уговорил их на немедленные действия? Да очень просто – «Если мы немедленно не начнем восстание, я сам на вас донесу». В результате, во-первых, сменилась династия, а во-вторых, еще раз подтвердилась очевидная истина, что от доносов больше вреда, чем пользы.

Забавней другое – в республиках доносы оказались не менее важны, чем в деспотиях. Только подоплека обычно разная. В деспотиях главная тема доносов – покушение на деспота и его власть, а в республиках – экономические злоупотребления. Показательно еще и то, насколько больше доносов в неблагополучном государстве, чем в благополучном. Пока Афины процветали, спокойно жили и творили Фидий и Сократ. Как только Спарта стала брать верх в изнурительной войне – сразу Фидия сгноили в тюрьме по доносу о том, что он якобы крал золото и слоновую кость, отпускаемую ему на возведение статуй, а Сократа заставили выпить цикуту по обвинению в непочитании богов, выведенного яйца не стоящему. Что здесь причина, а что следствие – судите сами.

Доносительство, по мнению многих тиранов, должно было укрепить их государства, запугать заговорщиков и лишить кого бы то ни было возможности поколебать существующий строй. А выходило обычно с точностью до наоборот – бесконтрольное доносительство разносило в куски допустившее его государство и государя в кратчайшие сроки. Станислав Лем даже описал в одном из своих рассказов о Трурле и Клапауциусе государство роботов, одной из главных отраслей промышленности которого было производство доносов. Естественно, государство потряс кризис перепроизводства и было принято решение облагать сделавших слишком много доносов специальным налогом на роскошь. Но до этого не додумалась Римская империя при некоторых цезарях (Нероне, Домициане). И началось!

Тем паче что сложилась великолепная тема для доносов, где оправдаться было крайне затруднительно – оскорбление величества. Например, обвинить человека побогаче в том, что он посетил туалет, не сняв перстня с изображением цезаря (как мало меняется мир –

описано, как в лагерях специальные люди нарезали из газет туалетную бумагу, выстригая портреты вождей, что, конечно, дешевле и разумней, чем наладить выпуск пипифакса). Дошло до того, что во времена Нерона наиболее удивившей общество смертью оказалась смерть богача Ваттия. Он умудрился, несмотря на богатство, умереть своей смертью, и римские остряки из числа еще не казненных язвили, что это и есть самая удивительная и редкая причина смерти в нероновском Риме.

Донос оказывался выгоден практически всем. Государству – часть конфискованного имущества пополняет казну, а подданные запугиваются до заикания и колик, доносчику – и ему достается награда из имущества осужденного, судебным органам – вот сколько заговоров мы разоблачаем, что бы без нас произошло, подумать страшно... В убытке оказывался только оговоренный, но он один, а прочих вон как много! Вот только рано или поздно людей удастся запугать до такой степени, что становится все равно, как погибать, а сопротивление дает хотя бы ничтожный шанс. Так что своей смертью ни Нерону, ни Домициану умереть не удалось, что вполне закономерно, в отличие от приструнившего доносительство Траяна. Но маятник уже раскачали, и тормозить приходилось резко – вплоть до того, что доносы на тех, кто придерживался запрещенного тогда христианства, перестали принимать, пояснив, что казнить можно только тех, кто донесет сам на себя. И такие находились, да еще и в немалом числе, – из желающих достичь райского блаженства мученической кончиной.

Еще один неплохой тормоз – наказание за ложные доносы. Раз специально пишется, что Траян его ввел, – значит, до него не было. Так чего удивляться их обилию, особенно с учетом того, что часть имущества жертвы доноса доставалась доносчику! Давайте вспомним этот прием – речь о нем еще пойдет... Кстати, и меру наказания при этом придумывать недолго – древний принцип талиона, он же закон Моисеев «око за око», вырабатывает рекомендацию автоматически. Как только за ложный донос к доносчику стали применять ту же кару, что грозила объекту доноса в случае, если бы его признали верным, число доносов быстро снизилось до приемлемого уровня. Действительно, зачем принципсам поощрять доносы, если Цезаря донос, призывающий остерегаться мартовских ид, все равно не спас – он не поверил и отправился в сенат навстречу собственной гибели. И понятно почему – когда доносов слишком много, большинство из них явно ложны и все равно не поймешь, какому верить, а какому нет.

Кстати, страсть к доносам так глубоко проникла в сознание римлян, что они даже часть своих завещаний оформляли в форме доноса – перечисляли грехи своих врагов и просили богов поскорей призвать их на свой суд, благо и свидетель уже прибыл. Ну-ну...

А тем временем в римской колонии Иудее был сделан чуть ли не самый известный в мире донос, да еще и за денежное вознаграждение. Правда, сумма совершенно копеечная – 30 шекелей, меньше 10 долларов по нынешнему курсу. Почему бы Израилю не выпустить такую купюру – цены бы ей, как сувениру, не было? Впрочем, потому, очевидно, и не выпускает – слишком быстро они уйдут из денежного обращения в альбомы коллекционеров. Да и кого там изображать? Впрочем, это как раз ясно...

Кстати, в наше время масса описаний истории Иуды связана с подыскиванием оправданий его поступку или, во всяком случае, поиску причин для него. В знаменитой рок-опере «Иисус Христос – суперзвезда» Иуда, пожалуй, не менее важный герой, чем Иисус – если не более важный. Да это и понятно. С точки зрения государства доносчик Иуда прав (ты нам сообщи, а мы уж разберемся), а проповедник Иисус – нет. Как же это так?

А как же иначе? Конечно, слово «донос» имеет в наших умах практически однозначную отрицательную окраску. Назвав кого-то доносчиком, вы практически наверняка не сделаете ему комплимента. Но при всем при том государство обязывает нас доносить, более того, грозит за недонесение о целом ряде преступлений тяжкими наказаниями. Да и спорить с этим затруднительно – кто оправдает недонесшего об известном ему зверском убийстве! Какой нормальный человек посочувствует приклатенному урке, для которого отнять у ребенка деньги – «не запахло», а пожаловаться на грабителя в милицию – «запахло»? Так что все не так просто... Подумайте: для нас самих любой конфликт биполярен, одна его сторона – «хорошие парни», другая – «плохие». Как мы оценим того, кто донес на «плохих парней»? Как выполнившего свой долг? Или все равно нехорошо как-то?

Но вернемся в Средневековье. Тогда был сделан эпохальный шаг в проблеме ложного доноса. И сделала его церковь, а кодифицировали ныне широко известные инквизиторы Шпренгер и Инститорис в печально знаменитой книге «Молот ведьм». Для них даже возможность вымогать признание пытками казалась недостаточной – вдруг найдутся такие, что сдюжат и не признаются, а как же тогда с авторитетом церкви? Решение, предложенное ими (к нему и сводится краткое содержание «Молота ведьм»), гениально просто. Если подозреваемая в колдовстве под пытками призналась – она ведьма, потому что призналась. Если не призналась, несмотря ни на какие пытки, – она ведьма, потому что только поддержка дьявола дала ей силы выдержать такое и не признаться. Настолько логично, что даже неясно, зачем вообще пытать – все равно подозреваемая виновна! А уж какой простор при этом мелким корыстолюбцам, подлым пакостникам и сексуальным маньякам – просто слов нет! Во многих городах просто не осталось красивых женщин – всех сожгли, как же она так возбуждает, если дьявол ей не помогает? А вот в Англии все было так же, но пытать при рассмотрении подобных дел не позволяли – и ведьм тоже практически не было. И уровень доносов не рос с такой сказочной скоростью.

А в коварной и изощренной Венецианской республике задолго до возникновения регулярной почтовой службы, еще в Средневековье появились прообразы современных почтовых ящиков в виде бронзовых львиных пастей. Отнюдь не для писем – туда кидали анонимные доносы. Ввиду того, что разбиравший их Совет Трех был не только никому не подконтролен, но и никому персонально неизвестен (имена его членов не знали даже сенат и дож), оправдаться не удавалось почти никому – что же это такое, как это нет тайных врагов, на кого же списывать свою собственную глупость и ошибки? Результат вполне предсказуем – Венеция захирела, ослабла и исчезла с карты, как самостоятельное государство.

А как шли дела в наших краях, где долгое время словом «донос» называлась обычная служебная бумага и никакого эмоционального оттенка в это не вкладывалось? В общем, в зависимости от уровня паранойи конкретного самодержца. Но был на Руси и свой апофеоз доноса – знаменитый возглас «Слово и дело!». Выкрикнувший эти слова тем самым объявлял, что собирается донести о государственном преступлении, и с этой секунды каждый, кто мешал немедленной доставке его властям, сам становился государственным преступником. Даже выкрикнувший «Слово и дело!» по дороге на эшафот брат Степана Разина Фрол отсрочил свою казнь на несколько лет, мороча дьякам голову спрятанными сокровищами. Не раз попавшие в смертельную опасность приостанавливали угрозу себе выкриком «Слово и дело!» – каждый пытающийся им повредить оказывался под смертельной угрозой, ибо поди разбери, кто донесет? «Слово и дело!» работало, как ребячье «Замри!», приостанавливающее все прежние игры. Но потом начиналась другая игра, с еще более жестокими правилами. В том числе и ставшим пословицей «Доносчику – первый кнут!» (пытке подвергали и доносчика, и его жертву, причем доносчика –

первым). В общем, когда Петр III лишил силы это волшебное слово, все вздохнули с облегчением.

Но доносы бессмертны, как мафия, и неистребимы, как тараканы. Избежать их можно, только соглашаясь с ними. Когда император Павел I спросил у петербургского полицмейстера фон дер Палена: «Знаете ли вы, что против меня составлен заговор?», Пален улыбнулся и ответил: «Конечно – я ведь сам его возглавляю. Не тревожьтесь, государь, мне все известно». Император успокоился – и напрасно, Пален не врал. Он действительно был главой заговора, и поэтому заговор удался. А что касается того, как Пален сумел сохранить самообладание при таком вопросе – все очень просто: он-то знал, где живет. Недаром он говорил, что тайные общества не имеют смысла, ибо из двенадцати их членов один обязательно предаст. При этом он обычно ссылался на крайне авторитетный источник, о котором мы уже говорили выше – Священное Писание.

Неплохо подтвердились слова Палена и при восстании декабристов. Подготовку восстания не удалось сохранить в тайне – были донос Шервуда, получившего за это от Николая приставку к фамилии и ставшего Шервудом-Верным, донос Майбороды... А один из донесших на декабристов заслуживает особого разговора – чуть более сложного, поэтому и реже вспоминаемого советскими историками. Прапорщик Яков Ростовцев за две недели до восстания направил Николаю письмо, в котором предупреждал его, что многие не согласятся с его воцарением и выступят против него с оружием в руках. Просил отказаться от престола, а если это невозможно – чтоб сам Константин объявил публично, что передает ему власть. Не назвал ни одного имени. Предупреждал, что, даже если его действия и сочтут похвальными, просит никак его не награждать. В том, что он отправил такое письмо, он признался и декабристам. Очевидно, считал, что его долг в том, чтоб поступить именно так. Кстати, оказался впоследствии одним из ведущих государственных деятелей России, готовивших и осуществивших уничтожение крепостного права. Опять-таки не все так просто...

А примерно в то же время, когда декабристы набирались во Франции революционного духа, близ Марселя чья-то левая рука вывела: «Приверженец престола и веры уведомляет...», и в результате молодой моряк буквально в день своей свадьбы был без суда и следствия брошен в каземат. Думаете, это плоды фантазии Дюма? Как бы не так – все было на самом деле, и ложный донос, и сокамерник-аббат, в благодарность коллеге по заключению завещавший ему клад, и страшная месть доносчикам. Только все было гораздо хуже и безобразней: не было романтического побега, месть была кровавой, бессмысленно жестокой и распространившейся даже на невиновных, а последний из виновных сам зверски убил мстителя. В «Графе Монте-Кристо» даже донос вплелся в романтическую историю. В жизни это невозможно.

Дальше было все веселее. Доносчики отправили на каторгу Шевченко и Достоевского, готовили материалы для всех политических процессов конца века, предупреждали жандармов о народовольцах, а народовольцев о жандармах (знаменитый Клеточников, народовец, устроившийся на работу в III Отделение, – кто он, герой или предатель? А как для кого...). Вовсю действовала система знаменитого Видока – ловить крупных воров при помощи мелких. Полиция прижимала мелкого жулика и ставила ему условие: или отвечаешь на наши вопросы, или сам понимаешь что. А революционеров вербовали буквально в ночь перед казнью. Расскажешь все – поживешь, как знаменитый провокатор «Народной воли» Окладский, давший согласие работать на полицию буквально перед эшафотом и сгубивший своих бывших друзей без числа, не расскажешь – что ж, твой выбор. Такое было всегда, есть сейчас и, боюсь, будет еще долго, но размах, который приняло доносительство на стыке веков, был опасным сигналом. Что, к сожалению, и

оправдалось. Чехов не зря с гордостью говорил о себе, что пробовал себя во всех жанрах, кроме стихов и доносов, – жанры были крайне популярные – и это его как-то выделяло.

О том же, что творилось на фронте доносительства в недавние времена, когда героем, достойным подражания, считался донесший на родного отца и убитый родным дедом Павлик Морозов, сейчас и так написано слишком много. Если все равно есть план, сколько врагов народа разоблачить в текущем квартале, тут доносы только в помощь. Интересней даже не доносы, а то, как люди от них уберегались. Как, например, филолог Елена Скрябина, на дворянское происхождение которой не посмела донести родная коммуналка, жаждущая дележа чужой площади не меньше, чем «Воронья слободка», – она повесила в комнате портрет Молотова. Настоящая фамилия – Скрябин. И помогло – не осмелились донести, ибо не ясно было, на кого же при этом доносят.

Тут гораздо интересней сама система опутывания страны агентурной сетью, вербовка с помощью запугивания тайных агентов где не попадя, подсматривание и подслушивание, чтение писем, сбор компроматов, мелкие подачки особо покорным и придерживание на всякий случай независимых и самостоятельных, даже при отсутствии прямых улик. Не буду лезть в подробности того, аморально это или нет, просто спрошу – помогло?

Впрочем, даже и в этой теме бывали забавные моменты. Мой НИИ вел работы по автоматизации небольшого спиртзавода в Западной Украине. Так вот, на этом спиртзаводе, где каждый фланец опечатан, существовал отводок от главного спиртопровода, не показанный ни на каких схемах! Место сторожа на этом объекте стоило денег и по нашим понятиям немалых. А рухнуло все из-за пустяка. Не просыхавший годами стрелок ВОХР открыл ворота левой машине, помог ей залить все емкости, принял не только мзду, но и на грудь и уснул на посту. А тут как тут и начальник караула. Увидел, что нарушается устав, забрал его берданку и ушел – прибежишь, мол. Тот проспался, увидел, что казенного ружья нет, и к коллегам по хищениям – отдайте, хлопцы, бросьте шутки шутить. Те его с пьяных глаз послали подальше, а он с тех же пьяных глаз пошел и донес! На всех, про все, никто не забыт и ничто не забыто! Небось сам потом жалел на показательном процессе – какую кормушку прихлопнул!

Может быть, кто-то думает, что доносы процветают в тоталитарном обществе, и в ближайшее время ввиду демократии это все отойдет в область предания? Как бы не так! К примеру, американское государство некоторые доносы поддерживает, и получше, чем наше. И не могу их осудить – не одна гангстерская империя рухнула именно из-за доноса, одно только «дело Валачи» чего стоит! А чтоб не боялись их делать – существует огромная и могущественная программа защиты свидетелей. Если надо будет – в другой штат переселят, пластическую операцию сделают, новыми документами снабдят... В общем, не как у нас, где даже судей запугали, уже не говоря о свидетелях – газеты, чай, читаем. Так что же, доносить – это хорошо или плохо? Отвечу проще: хорошо, когда доносить нечего. А все остальное – вопрос сложный.

А вот одна из разновидностей доносов, принятая и процветающая на Западе, только приживается у нас и, думаю, расцветет пышным цветом. Это профессия «охотника» – добровольного стукача налогового ведомства. Его работа простая – вынюхай, кто не доплатил налога и донеси куда следует, его обложат таким штрафом, что мало не покажется, а часть тебе, «охотнику», за праведные труды. Как ни удивительно, относятся к ним в США более терпимо, чем я ожидал. Раз за разом слышал нечто вроде «и правильно доносят на этих негодяев, недоплачивающих школам графства, где учится и мой ребенок». Правда, сдается мне, что вся эта сознательность улетучивается, как дым, когда такой «охотник» доносит лично на подобного поборника социальной

справедливости (а найти человека, совершенно не увиливающего от налогов, в США лишь ненамного легче, чем у нас, – там это нечто вроде национального спорта). Так что скоро мы узнаем о доносах еще много нового и интересного. Ждите – недолго осталось.

Кому за державу обидно

Первый в мире таможенник был, безусловно, гуманным человеком. Вместо того чтоб разграбить проходящий караван, он отобрал у него только часть товаров и разрешил двигаться дальше. Насмешки соседних бандитов над потерявшим кураж коллегой длились недолго – услышав о таком чуде, караваны, как нанятые, пошли только через его участок, и его доходы стали больше, чем у соседей, а риск нарваться на охрану меньше. Так все и началось, причем достаточно давно. Надписи на камне в окрестностях древней Пальмиры, торгового города, в котором начальник рынка был одним из самых влиятельных заправил (совсем, как в фильме «Гараж», где же прогресс?), уже зафиксировали и номенклатуру налогооблагаемых грузов, и даже тарифы – почему платить за ткани, почему за рабов, а почему за благовония. Так оно все и началось, и совершенно не ясно, когда кончится.

Первые таможенники еще мало отличались от своих предшественников – ну не более, чем рэкетир от грабителя. Они работали еще в портах греческих городов-государств и назывались «эллименесты». Чуть позже их римских коллег стали называть «портиторы». Работали они на арендных началах, и их обращение, судя по многочисленным литературным источникам, было, скажем так, далеким от дипломатического протокола. Багажу и даже жизни прибывающих в порт от их рук угрожала несомненная опасность. Что поделать – за место плачено, и эти затраты они возмещали, как умели.

Но под началом великих правителей даже эти лихие ребята умудрялись служить росту благосостояния государства (а не только себя, любимого). За охрану надо платить, и если государство сильнее бандитов, выгоднее платить государству. Афинский законодатель Солон предопределил расцвет Афин именно с помощью таможенных законов – запретил вывоз дефицитного в Греции и плохо там растущего хлеба и стал поощрять вывоз масла, оливок и вина, производство которых на склонах Олимпа было гораздо более эффективно. Его бы к нам в парламент...

Уже тогда выяснилось, что таможенные пошлины, хошь не хошь, с трудом остаются чисто внутренним делом государства. Во второй книге «Иудейской войны» Фейхтвангера бывший вождь восставших иудеев, до восстания и после него – обычный помещик средней руки Иоанн Гисхальский, неожиданно вмешивается в спор еврейских интеллектуалов о причинах внезапно возникшей вражды Яхве с Юпитером и излагает свою версию, по которой, если бы не разорительные римские таможенные пошлины на иудейское вино и оливковое масло, Яхве с Юпитером еще много лет души бы друг в друге не чаяли. Интеллектуалы смешались и так ничего толкового и не возразили.

А в наших краях эту процедуру еще при Володимере Святом почему-то считали истязанием и называли прохождение таможи совершенно тем же словом – мытарство. В украинском языке так и осталось – «мыто», «мытныця». Русский же язык обязан словом «таможня» татаро-монгольскому игу, «тамга» – в частности, и ордынский знак уплаты требуемого побора.

С распадом Римской империи и разделом Европы на мелкие независимые владения у таможенников, что нам особенно понятно, начался золотой век. Им мы обязаны многим – даже популярной пословицей «что с воза упало, то пропало». По тогдашним правовым

нормам любой товар, упавший на землю, купец не имел права поднимать – он становился собственностью феодала, которому принадлежала эта земля. А если ломалась телега и ее ось касалась земли, по «праву дороги» собственностью феодала становился весь товар с этой телеги. Милый родственничек «права дороги» – «береговое право» – отдавал феодалу весь груз выброшенного штормом на принадлежащий ему берег судна. В общем, вся интеграция средневековых государств шла под знаменем борьбы с этими «правами».

Поскольку не брать налогов так же невыгодно, как брать налог в 100 % (и там, и там доход нулевой), любой одолевший первый курс технического вуза с помощью теоремы Вейерштрасса докажет, что есть некий оптимальный уровень налогообложения, при котором доход государства максимален. Еще Джонатан Свифт, оказывается, после введения людоедских таможенных тарифов на вино и шелк предупреждал английских экономистов о своеобразной таблице умножения, в которой «дважды два вовсе не означает, что окажется обязательно четыре, вполне можно при этом получить единицу». Правительство оказалось глухо к этим предупреждениям, а в результате его доходы резко упали, поскольку при повышении таможенных пошлин резко сокращается объем торговли. Чему же учит нас история? Разве что тому, что история ничему не учит...

Когда все малость устоялось, всплыли проблемы второстепенные – например, как создать всеобъемлющие таможенные тарифы, которые не допускали бы двойного толкования. А то когда египтолог Гастон Масперо привез во Францию мумию некоего фараона, таможенник не нашел в своих справочниках размера пошлины на мумии и подобрал наиболее близкий, по его мнению, товар, взяв за мумию пошлину, как за сушеную рыбу. No comment...

Изобретательность французского коллеги великого живописца Анри де Руссо (он тоже был таможенником) не всегда достигалась его коллегами даже в соседних странах. Как-то раз французский физик Гей-Люссак выписал из Германии партию тонкостенных стеклянных трубок. Однако немецкая таможня за вывоз изделий из стекла наложила на посылку неподъемную пошлину. Выход нашел сам Александр Гумбольдт – запаял трубки и написал на посылке: «Осторожно! Немецкий воздух!». За воздух пошлины не берут, за упаковку – тем более. Нехорошо, конечно, увертки какие-то... А что прикажете делать с бдительным американским таможенником, который, услышав фразу «Смотрите, вот Шаляпин, у него золотое горло!», погнал Федора Ивановича на рентген?

Это, конечно, курьезы. Но и без таких эксцессов работа таможенных органов часто напоминает дележ Паниковским похищенных у Корейко денег: себе – столько же, сколько и командору, да еще новыми бумажками, Балаганов и на две не наработал, а кто вообще такой Козлевич, я не знаю никакого Козлевича... Не говоря уже о субординации, как вообще государство сведет сальдо с бульдой, если не ограничит желание таможни самой распорядиться собранными деньгами? Вы спросите, а реальна ли такая опасность. Судите сами – перед Первой мировой войной на русско-германской границе пограничники и таможенники беспрепятственно пропускали контрабандные анилиновые красители и цейссовскую оптику, которым в предвоенное время просто цены не было, на русскую территорию. Почему? Да потому, что так они обходились казне дешевле, чем при официальных закупках. Что тут добавить? Разве то, что провести отмену пошлин на нужный всей стране до зарезу товар через Думу оказалось не легче, чем сейчас. И вообще, воспаление таможни – обычно тревожный симптом. Помню, в детстве никак не мог понять рассказ Гашека о таможеннике, который брал пошлину... за перевоз продуктов из одной части Праги в другую. Чем это все кончилось и для России, и для Австро-Венгрии – известно. Так чему же нас учит история? Смотри выше – запрет вывоза товаров из ряда

республик СССР покончил с самим СССР в течение года. Центральную власть, не обеспечивающую свободу торговли, нет никакого смысла кормить. Себе дороже.

Если налоговый инспектор выполняет свой долг внутри страны, как полиция, то его коллега-таможенник – скорее армия, ибо охраняет границы от нежелательных утечек извне и вовне. Грозное ли это оружие? Вспомним – после Трафальгара таможни были единственным оружием Наполеона в войне с Англией. Запретить всем покупать английские товары, и Англия пойдет по миру – чем плохая идея? Да тем, что пока хоть одна страна торгует с Англией, из нее английские товары все равно расползутся по всему миру. Так что сначала надо завоевать весь мир, а к чему ведет эта идея, мы уже не раз видели. Костры из конфискованных английских товаров горели по всему побережью, но это только спровоцировало чудовищное взяточничество, которое было таким выгодным, что государство позавидовало и стало брать эти взятки само – продавало за большие деньги лицензии на покупку крамольного товара. Дальнейшее известно. Эта пушка стреляет плохо.

Современная таможня во многом устоялась и цивилизовалась, но даже на западную старуху бывает проруха. Скажем, изобретатель компьютера «Эппл» Стив Возняк (кстати, по фамилии совершенно ясна его национальность, объясняющая заодно и то, почему эмблемой фирмы «Макинтош» стало надкусанное яблоко – «не з'ім, так понадкусую») как-то получил из Японии посылку, за которую таможенное управление США немедленно взяло его за шкуру «за попытку ввести в США контрабанду – сексуальное приспособление под названием «палка для удовольствий». Что же было в посылке? Ничего особенного, обыкновенный джойстик. Так уж дословно переводится с английского название этого устройства, имеющего к сексу достаточно отдаленное отношение. А недавно в одном из римских аэропортов таможенники конфисковали новогоднюю посылку монаха Педже, пославшего ее из Малави в адрес ордена Святой Моники, и возбудили уголовное дело о контрабанде запрещенных экологами предметов. Там были шахматы из слоновой кости. Нам бы их заботы – мы больше не родина слонов.

Таможня – покровительница искусств. Сразу отмечу, что речь не о ее функциях по запрету их нелегального вывоза. Не говорю же я ни слова о борьбе таможни с контрабандой наркотиков, хотя и там можно вспомнить массу интересного (например, как контрабандистка возила с собой кошку, чтоб естественным образом объяснить аномальную реакцию натасканной на наркотики собаки – кстати, посаженной для этой цели самими таможенниками «на иглу»). Это функции погранконтроля, а здесь речь сугубо о таможенных пошлинах. Так вот, в Швейцарии, неподалеку от итальянской границы таможенники создали свой музей – конечно же, из конфискатов. Там собраны чемоданы, зонтики, обувь, игрушки и даже автомобиль. Не знаю, насколько он интересен, но польза есть.

Налоговых инспекторов никто не любит, но жениться на них не обязательно, а жить без них у страны не получается. Можем ли мы сказать то же самое о таможенниках? Сложный вопрос... С одной стороны, именно таможенники в течение 6 месяцев 1988 года добыли в Индии 3200 килограммов золота, что в два раза превосходит улов золотодобытчиков и золотоискателей. Но это больше говорит о том, что богатых залежей золота в Индии нет. С другой стороны, на наших глазах целый ряд стран, причем не самых бедных и глупых, с наслаждением истребил таможенные службы на границах друг с другом, и что же – они, естественно, резко обеднели? Ан нетушки – такое как раз случилось со странами, настроившими кучу новых таможен! Чем бы это объяснить? Не припомнит ли кто-нибудь процветающую страну с аномально жестким таможенным законодательством? У меня не получается...

И в заключение – вот что. Профессия вроде и нелюбимая, а в кинематографе увековечен целый ряд предельно симпатичных таможенников. От очаровательного Фернанделя в замечательной комедии 50-х «Закон есть закон» до почти культовой фигуры Верещагина-Луспекаева с его так часто цитируемой ныне по всему СНГ фразой: «Мне за державу обидно». К чему бы это?.. То, что она останется в нашем сознании связанной с таможней – не менее символично, чем тот факт, что из массы учреждений, о приближении которых сигнализируют дорожные знаки, только о таможне нас предупреждает именно запрещающий знак. Так что если таможенный контроль вас раздражает – помните, что есть один хорошо знакомый способ избавления от него и мы все его помним: никуда никого не пущать. Этот способ не годится. Надо искать другие.

Цензуры нет, а мы все те же

То, о чем вы сейчас читаете, по советским канонам абсолютно нецензурно – ведь в первую очередь советская цензура оберегала тайну собственного существования. Рассказ или повесть с героем-цензором, описанным в самых благонамеренных тонах, имел бы шансы пробиться в печать не большие, чем полный список ракетных баз с точными координатами и фамилиями офицерского состава. Впрочем, так было не всегда – скажем, совсем иной цензурой осчастливил нашу планету еще Древний Рим. Были в его административных органах чиновники, определяющие налоговый ценз. Так они и назывались – цензоры. И вот на них и наложили обязанность проверять сенаторское сословие – не совершил ли кто чего-либо порочащего – и дали право из сенаторов исключать. Тут-то все и началось... А когда такое начинается, кончается оно с превеликим трудом. Цензура была официально ликвидирована во Франции в 1830 году, а в Англии – даже в 1794 году. Но воистину «что нужно Лондону, то рано для Москвы» – в России цензура только появилась в начале XVIII века и дожила до 1990 года. Лет 30 назад Солженицын называл цензуру чудовищем, которое на наших плечах хочет впрыгнуть в XXI век. Так что же, можно успокаивать дух Александра Исаича? Не знаю, не знаю...

Когда все знали, что цензура есть, знали и имена ее тружеников. Тютчев, Гончаров, Лажечников. Призвание – писатель, место работы – цензор. В те времена такое бывало... Тютчев так и писал о своей службе: «...Дура, неугомная цензура кой-как питает нашу плоть, благослови ее, Господь!» Говорят, цензором он был весьма либеральным. При Николае I цензура, правда, что хотела, то и творила, но при его сыне снова начались либеральные времена, и Тютчев с Гончаровым совершенно не стыдились места своей службы. А в советские времена цензоры во всех смыслах были бойцами невидимого фронта. Занимался ли этим благородным делом кто-то из наших писателей – история умалчивает. Судя по их опусам, некоторые вполне могли.

Практически с уверенностью можно сказать, что за весь период русской истории политическому давлению русских властей, цензуре и наказаниям за нарушение цензурных требований не подвергался редактор только одной-единственной русской газеты – «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах». Ее редактором был сам Петр I. Вы скажете: «Ну естественно – царь же как-никак»... А вот и зря! В 40-х годах XIX века петербургский цензор Гедеонов запретил две пьесы из-за пошлости, плохого русского языка и частого употребления ругательств. А кто был автор этих пьес? Оказывается, Екатерина II. В номере 27 журнала «Колокол» Герцен опубликовал приглашение к сотрудничеству, направленное к, так сказать, товарищу Герцена по несчастью – человеку, чью речь в Москве цензура запретила к печати в газетах. К императору Александру II – его речь не была пропущена его же цензурой. Интересно – у Сталина цензура все

пропускала? С Лениным вот всякое бывало – и не только при царе. В конце 60-х Театр на Таганке так и не смог поставить спектакль «Что делать?» по Чернышевскому – выкинули слишком много текста, в том числе и ленинские цитаты. То-то...

Запрещали книги. Запрещали темы. Запрещали даже слова. В конце восемнадцатого века по распоряжению Павла I в назидание цензорам был выпущен словарь «вредных слов», недопустимых в печати. Вместо «врач» приказывалось говорить и писать «лекарь»; вместо «государство» – «отечество», вместо «гражданин» – «обыватель». Но, пожалуй, больше всего досталось слову «общество». Ему даже замены не предложили – нет такого слова, и все тут. Кстати, не догадаетесь ли вы, какие именно книги, изданные за границей, павловская цензура считала вредными и в Россию не пропускала? Подумали? Правильно – все до единой. Насколько эти меры упрочили власть Павла и защитили его от убийц – судите сами...

Вот у кого с цензурой были непростые отношения, так это у Пушкина. При таком личном цензоре, как Николай I, конечно же, немудрено. Недаром среди пушкинских стихов есть сразу два «Послания к цензору». Кстати, самой цензуры он в них не отрицает, даже употребив при этом знаменитую фразу «Что нужно Лондону, то рано для Москвы». Только, мол, работайте помягче, и все будет хорошо. А наибольшие сложности у него возникали с цензурой духовной. В известном фразеологическом словаре Михельсона, вышедшем в конце позапрошлого века, приводится крылатая фраза «Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной» из «Сказки о купце Кузьме Остолопе». Как вы думаете, что это? Да очень просто – так именовалась искаженная цензурой сказка Пушкина о попе и Балде. Про «Гаврилиаду» я вообще молчу. Могли сгноить в монастырской тюрьме за милую душу, да обошлось как-то. Кстати, Александр Сергеевич довольно точно ответил на вопрос, чьи сочинения первыми издадут в России, когда отменят цензуру. Баркова, конечно. Разве он был так уж неправ? Да что говорить – даже в оде «Памятник», выбитой на пьедестале памятника Пушкину на Тверском бульваре в Москве, долгое время седьмая строка звучала не как в оригинале «Что в наш жестокий век восславил я свободу», а в варианте, прошедшем цензурную правку самого Василия Андреевича Жуковского: «Что прелестью живой стихов я был полезен».

В чем только не подозревали бедных литераторов! Цензоры долго не пропускали пьесу Островского «Гроза», предполагая, что в образе Кабанихи выведено вполне реальное лицо. Как вы думаете, какое? Император Николай I. Причем уверены были все (в первую очередь – цензор Нордстрем), кроме бедного Островского, которому и в голову ничего подобного не приходило. Позже это стали называть «аллюзиями» и толковать весьма расширительно – например, в 30-е годы дикой крамолы считались евангельские строки «пожать урожай сторицей», ибо реальные урожаи в советских колхозах были существенно ниже. Апофеозом этого подхода был случай с одним из текстов одесской команды КВН 60-х годов (вот уж кто может рассказать о цензуре много интересного!). Выслушав совершенно невинную шутку о самой длинной в мире скамейке запасных киевского «Динамо», редактор сказал: «Вообще я это пропущу – место безвредное. Но при одном условии. Вы скажете, что же вы действительно имеете в виду. Скажете – пропущу, нет – не взыщите». И не пропустил, ибо кавээнщики так растерялись, что даже не сумели соврать, что имели, мол, в виду очереди за мясом или что-нибудь такое, крамольное, но не очень. Тут начнешь жалеть о цензурном уставе Александра I, в котором официально предписывалось, если произведение допускает несколько толкований, судить о нем по самому благоприятному из них. Недолго он продержался, тот устав...

А выполняла ли цензура свою задачу? Да как сказать... Самое крамольное сочинение екатерининского царствования «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева было

напечатано совершенно законным образом, с разрешения цензуры. Кстати, и цензор не понес никакого наказания – повинулся, что пропустил «по глупости», не читая. Так что какой смысл было Радищеву брать цензурное разрешение – совершенно непонятно. И так виноват, и так... А знаете, о какой книге русский цензор сказал: «Ее немногие прочтут в России, а еще более немногие поймут» – и разрешил печатать? О «Капитале» Маркса. Насчет того, что немногие поймут, он был, очевидно, совершенно прав, а вот насчет остального настолько не угадал, что совершенно непонятно, зачем же цензура нужна вообще...

А знаете ли вы, что целый ряд литературных произведений принял свой окончательный облик только под влиянием ее, родимой? Знаете ли вы, например, что капитан Немо у Жюль Верна поначалу был не индийцем, а поляком? Но цензура бы не пропустила при тогдашней политической ситуации положительного героя, сжигающего русские корабли. А вражда с Англией тогда была традиционной... Да только ли литература? Самая популярная опера Вебера «Фрейшютц», т. е. «Вольный стрелок», у нас традиционно называется «Волшебный стрелок». Почему? Ясное дело: цензура запретила слово «вольный». А с Владимиром Маяковским – трагедией и человеком – получилось еще забавнее. Подал человек трагедию в цензуру, разрешение, кстати, получил, все чин чинарем, а какое название на афише печатать? В рукописи проставить забыл, а после цензуры НИЧЕГО МЕНЯТЬ НЕЛЬЗЯ! Выход, однако, нашелся: «Видите два слова в самом начале рукописи? Так это название трагедии и есть, а вовсе никакое не имя автора – «Владимир Маяковский». Интересно, как бы она называлась, если бы не цензура? Не знаем и не узнаем...

Из-за цензуры началось, кстати, и немало толковых дел – даже передача «Что? Где? Когда?». Владимир Ворошилов вел в свое время передачу «Аукцион». Что-то в этой передаче не понравилось властям, и ее запретили, да еще и с формулировкой «Чтоб мы этого ведущего на экране не видели!». Потому и пришлось «Что? Где? Когда?» так и вести – из-за кулис. Так, благодаря цензуре, и родился гениальный образ невидимого ведущего за кадром. «Спасибо партии за это...» То есть цензура вредна не всегда. Салтыков-Щедрин, например, писал: «Иногда, впрочем, она и небезвыгодна, потому что... писатель отыскивает такие черты и краски, в которых, при прямом изложении предмета, не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в память читателя». Конец цитаты. Да и великий режиссер Луис Бунюэль как-то говаривал, что он противник цензуры и желал бы ее отмены, но не может отрицать, что если бы не цензура, он не отыскал бы и в «Андалузском псе», и особенно в «Виридиане» таких художественных решений, которые дали ему возможность сказать все, что ему хотелось, да еще и так, что никто не придерется.

А про такую штуку, как цензура нравов, даже не знаю, имеет ли смысл говорить, поскольку часто она не снаружи, а внутри. В 1890 году, в разгар популярности «Алисы в Стране чудес», Льюис Кэрролл издал несколько измененный вариант этой сказки, рассчитанный... на детей. Он считал, что оригинал «Алисы» детям читать неприлично. А его соотечественник Томас Баудлер издал 10-томник Шекспира, в котором убрал то, что показалось ему непристойным, пополнив английский язык глаголом «баудлезировать». Да что там Англия! Господи, полувек еще не прошло с тех пор, когда Юрий Олеся говорил, что не может ничего в мире быть смешнее слова «жопа», напечатанного типографским шрифтом. Если с ним согласиться, значительная часть современной литературы – сплошная юмористика. Зато теперь какой прогресс! Чуть больше столетия назад актриса Ада Айзек Менкен впервые в истории современного театра повторила подвиг «короля» из «Гекльберри Финна» и вышла на сцену голой, а насколько мы сейчас догнали и перегнали

Америку хотя бы в этом – просто душа радуется! Посмотрим, что из этого выйдет, и расскажем вам... Если разрешат.

Как не разрешат? Сейчас ведь в нашей стране цензуры нет, как и во всем цивилизованном мире, и это прекрасно. А как при этом бороться с тем, что о тебе где угодно могут опубликовать любую чудовищную ложь? Во Франции после отмены цензуры в 1830 году граф Шатовильяр по предложению аристократического Жокей-клуба для этого создал то, что в наш гуманный век совершенно вышло из употребления, – дуэльный кодекс. Постепенно его вытеснили суровые законы о карах за диффамацию. А что делать нам, у которых нет ни того, ни другого? Разве что радоваться тому, что что-нибудь не нравящееся, скажем, тому, от кого зависит отношение к вашему печатному органу, например городским или даже районным властям, редактор все равно не опубликует – скажет, что это неинтересно, бездарно или давно всем известно.

Как-то у наших российских соседей вылетела из телепередачи шуточная новость о том, что генерала Коржакова собирались назначить замсекретаря Совета безопасности, но не назначили, потому что он не гражданин Израиля. Цензуры нет, а фразу не пропустили, заявив, что не смешно. Почему привожу российский пример, а не рассуждаю, скажем, как напечатать в родной Одессе статью об истории введения в ее школах в фашистскую оккупацию румынского языка, на котором никто в Одессе не говорит? Смотри выше. Цензуры нет, а мы все те же. Но упомянутый мной факт, не попав в телепередачу, стал всем известен из газеты. Так что хорошо, когда цензуры нет. Даже когда при этом она есть.

Происхождение тюtelьки

Самая главная мудрость, пришедшая в голову знаменитым семи греческим мудрецам, состояла всего из двух слов: «Метрон – аристон», «Мера – наиглавнейшее». Это и понятно – в их время уже кое-какая цивилизация на Земле была, и не одна, а без торговлишки жить тускло. Первобытным людям и мерить особо нечего было – мамонт огромный, олень большой, носить нечего, раз, два, три, много... А когда из города в город начали возить ткани, вина и зерно, купцам было просто некуда деваться – надо было знать, сколько чего везешь и на сколько и чего именно выменять собираешься. Словом, если знаешь, что двести пятьдесят, скажем, женьминьжибао китайского шелка – это столько же, сколько пятьдесят четыре персидских, например, хомейни, а на платье женщине среднего роста этих хомейни нужно примерно пять, а римских меритриков – всего два, и этот самый меритрикс ровно в три раза меньше, чем тевтонский хендехох, то уже можно кормить пол-Европы египетским хлебом, лить в Сицилии бронзу из кипрской меди и британского олова, и даже воскурять в египетских храмах благовония из Сомали и Индокитая. Так что система мер никакая не ученая чудаковатость, а вещь, в хозяйстве полезная. Только вот как же о такой системе мер договориться и единый эталон, скажем, длины, завести – чтоб был простой, удобный, с основными человеческими нуждами соизмеримый, легко воспроизводимый и всюду одинаковый?

Поскольку интуитивно ясно, что удобнее всего завести такую универсальную мерку размерами примерно с человека, но чуть поменьше, сразу возникает простая идея – сделать эталоном длины какую-нибудь часть человеческого тела. Может быть, решили, что нужна именно такая часть, которую трудно намеренно испортить, и выбрали такую, что и не укусишь – практически все первые известные меры длины носят название «локоть». Первые эталоны локтя даже высечены на стенах древнеегипетских гробниц – одна только беда, все разные! Кроме локтя, были у египтян и единицы поменьше – ладонь и палец. Приблизительно отмерить, что надо, мог каждый египтянин, да и у прочих народов

особых проблем не было, свои локти у каждого, так сказать, под рукой. Но люди все разные и локти у каждого свои, у кого подлинней, у кого покороче. Да и средний рост у каждого народа свой – значит, и средняя длина руки своя. Вот и скачет локоть от 44 с хвостиком римских сантиметров до почти что 52 марокканских, а для солидного купца это сплошные убытки.

Впрочем, локоть – это вершина стабильности и постоянства рядом, например, со стадием. Тот определялся, как расстояние, которое человек может пройти за время выхода солнца из-за горизонта. Не говоря уже о том, что и люди разные, и солнце по-разному движется, на это солнце вообще смотреть вредно – как же засечь? Вот и находишь в Интернете такое разнообразие длин стадия, от 150 до почти что 200 метров, что о выдающемся достижении греческого ученого Эратосфена, который якобы очень уж точно определил размеры Земли в этих самых стадиях, без улыбки просто читать не можешь – ну так взяли из уважения к Эратосфену такой размер стадия, чтоб подогнать решение под готовый ответ, вот и все дела.

Кстати, стадий тоже связан с размерами человеческого тела, иногда даже пишут, что 1 стадий равен 600 шагам. Чьим, человека какого роста – не пишут. И правильно делают, все равно сейчас все пришлось бы перемеривать, потому что акселерация. Видел в музее на Кипре богатырские доспехи, так они моему тринадцатилетнему сыну и то маловаты были. Какой тогда мог быть локоть? Так себе, локоток. И это еще полбеды – вот когда читаешь, что путь Ясона и компании до Колхиды измеряется десятками тысяч оргий, тут уж действительно диву даешься. Где для этих оргий на кораблях гетер держать? Не местных же девушек ловить – на обратном пути за это не помилуют, да и грести-то как после столь изнурительных и обильных развлечений? Пока выяснишь, что оргия – это просто такая мера длины, чуть меньше двух метров, многое успеваешь вообразить и даже решить, что знаменитый тринадцатый подвиг Геракла – пятьдесят девственниц за ночь – просто подготовка к трудному путешествию и не более того...

Кстати, локоть в Египте был не простой, а царский – если уж выбирать чей-то локоть, как образцовый, как тут обойдешь горячо любимого фараона? В Средневековье ничего принципиально нового не придумали, только ввели в измерительный обиход другие части тела. Решили, например, что длина ступни Карла Великого – ровно один фут. «Фут» и значит «стопа», никто не спутает. Если по-французски – «туаз», и такую меру мы знаем. Конечно, неудобно каждый раз, когда хочешь купить себе ткани на платье, бежать во дворец, хватать короля за ногу, тащить его на базар и просить разуться. Можно изготовить эталон – скажем, металлический прут длиной ровно с королевскую ступню, а с его помощью массу эталончиков, так и до обыкновенной линейки додуматься можно.

Но встает проблема воспроизводимости эталона. Если вдруг его испортят или одна металлическая ступня вышла чуть короче, а другая чуть длиннее и надо проверить, какой из них пользоваться, что же это тогда выходит – опять короля щекотать? Пятки, они орган чувствительный... Не говоря уже о том, что короли, страшно сказать, не бессмертны, и что же делать после того, как нового владыку в Реймсе миром помажут? Все контракты перезаключать, что ли? Французские короли в данном вопросе весьма друг от друга отличались – Филипп Длинный явно был чуток повыше Пипина Короткого, которого превосходил ростом даже его собственный меч. Нехорошо как-то выходит... Потому английские короли, несмотря на почтение к собственным пяткам, в итоге пришли к определению фута, высочайшую особу непосредственно не затрагивающему, – приходи, метролог, к церкви в воскресенье после заутрени, налови ровно 16 прихожан, первыми из церкви выходящих, разуй, ноги им помой, длину их стоп сложи, а потом на 16 раздели,

вот тебе и фут. Забавно, но этот фут воспроизводился даже с меньшей погрешностью, чем королевско-пяточный – статистика наука великая. Но все равно фут на фут был не похож.

Английский король Генрих I, судя по всему, был мужчина баскетбольного роста, по тем временам вообще коломенская верста какая-то. Подумайте сами, от кончика собственного носа до большого пальца его вытянутой руки он намерил ровно один ярд, а по современным данным, это 91,44 сантиметра – померяйте у себя и почувствуйте разницу! Проблема та же – где гарантия, что у следующего короля будут точно такие руки и нос? Это явно почувствовал король Эдуард II, поскольку его папенька носил прозвище Лонгшанк, Длинноногий, а сын вообще воспроизводимого на бумаге прозвища не удостоился, несмотря на такую нестандартную свою характеристику, как сексуальная ориентация (прозвища-то явно были, да стоит ли даже в наше нецензурное, точнее, бесцензурное время печатать их черными буквами на белой бумаге – вон сколько заборов вокруг!). Он пошел уже знакомым нам статистическим путем, постановив, что один дюйм равен длине трех выложенных в ряд зерен именно из средней части ячменного колоса. Знать, что ячмень даже в те времена бывает разных сортов и даже средняя длина зерен у них обязательно разная, явно не королевское дело, а про Мичурина или Бербанка король Эдуард чисто по техническим причинам знать не мог, да и не поверил бы, если бы кто и рассказал. Так что дюйм воспроизводился таким образом едва ли более точно, чем у давших ему принятое у нас имя голландцев (по голландски «дюйм» – большой палец, опять-таки у кого именно?). Некоторая степень неустойчивости эталона торговле, конечно, полезна, в советские времена это все усвоили, но серьезному бизнесу это только мешает.

С другими эталонами было еще диковиннее. Принятая в кавалерии Атиллы и Батыя мерка пути – дневной конский переход – даже не от человека зависела, а от лошади, а у нее пород вон сколько! Диковинный персидский фарсанг, определяемый одно время как расстояние, на которое слышен петушиный крик, был завязан даже на два существа – и на человека, и на петуха, ибо и голос у петуха, и слух у человека разные бывают. Все настойчивее возникала мысль, что хорошо бы найти в природе какой-то объект, у которого всегда одна и та же длина – вот тогда все измерится, как надо. Чтоб все были совершенно одного размера, тютельница в тютельница. Кстати, а что же такое эта тютельница? Может быть, она и сгодилась бы на роль всеобщего эталона? К сожалению, никак, «тютельница» – это просто уменьшительное от «тютя», в некоторых русских областных говорах так называют удар, оттуда и слово «тюкнуть». Когда опытный плотник наносил топором второй удар в то же место, что и первый, окружающие восторженно восклицали: «Тютельница в тютельница!» Но это значит, что у тютельница вообще нет никакой длины или, на крайний случай, она равна нулю и эталоном служить никак не может!

А в отношении веса даже решили, что такой эталонный объект есть – это семена рожкового дерева, все на вид практически одинаковые. Считали, что одно такое семечко весит ровно один карат. Но это только на первый взгляд так, и в наше время, когда каратами взвешивают драгоценные камни, дереву в доверии отказали. Нынешний карат метрический, просто одна пятая грамма. Не больший успех имела и система тибетских медиков, согласно которой 7 пылинок равнялись одной гниде, 7 гнид – одной вши, 7 вшей – одному ячменному зерну, а 7 зерен – одному пальцу. Во-первых, непонятно, скольким же зернам равен палец – трем, как учат упомянутые чуть выше голландцы, или семи, согласно тибетским традициям, а во-вторых, что существенней, с распространением обычая время от времени мыться возникли трудности с поисками эталона. Не тибетские монахи, чай, – тот залез в шевелюру и набрал горсть эталонов длины, а прочим что делать?

Здравая идея осенила только французских физиков по ходу их спора с физиками английскими, сплющена ли наша планета, как мандарин, или вытянута, как лимон. Разрешить этот спор в принципе нетрудно: измерить длину дуги меридиана в один градус в двух местах, поближе к полюсу и рядом с экватором – сразу и станет ясно, кто прав. Эта благая идея осенила французских ученых в самое неподходящее время, в разгар Великой Французской революции, когда денег на науку допроситься было практически невозможно: армию снабжай, полиции плати, а сколько же гильотины стоят, это просто уму непостижимо... Но ученым было настолько интересно, что они проявили чисто галльскую находчивость и втерли Конвенту очки по полной программе – мол, для расцвета промышленности и торговли единые меры нужны, хоть удавись, и так уже по Европе ходят 282 разных фута и 391 разный фунт, а неизменный эталон у нас под ногами, мы его каждый день топчем... Вот он, это же Земля, наша планета, как ее измерим, так и эталон у нас появится, к тому же, что очень по-республикански, совершенно не зависящий от длины королевского носа... в общем, дайте денег! И ведь получили же! Нашим бы ученым такое красноречие в постперестроечное время – глядишь, не растратили бы бесценные разработки за смехотворные гранты. Измерили французские академики градус меридиана в Лапландии и в Перу, выяснили, что наша планета все-таки мандарин, а никакой не лимон и установили новый эталон длины – ровно одну сорокамиллионную часть парижского меридиана. От греческого «метрон», упомянутого в самом начале, и дали ему имя – метр.

Поскольку измерять меридиан еще трудней, чем короля за ногу хватать, сразу решили изготовить безупречный эталон – архивный метр. Механик Лемуар соорудил линейку из платины, шириной в 25 миллиметров, толщиной в 4 миллиметра, а длиной сами понимаете во сколько. И началось внедрение метрической системы с интенсивностью, возможной только в революцию, когда отказ от внедрения рекомендованной властями системы приравнивается к государственной измене. В отличие от прочих деяний революции, система оказалась настолько разумной и удобной, что и после революции отказываться от нее не стали. Правильно сказал один из отцов метра, астроном Делабр, что это не только один из лучших плодов этого катаклизма, но и самый дешевый. За него хоть человеческими жизнями платить не пришлось.

Кстати, из единицы длины автоматически получилась и единица веса – по странному совпадению один килограмм и есть вес одного кубического дециметра воды. Это не менее удивительно, чем то, что длина парижского меридиана оказалась равной именно сорока миллионам метров... А в 1872 году именно с архивного метра сделали несколько десятков копий, уже из платино-иридиевого сплава, и разослали по всем странам – в Питере до сих пор хранятся копии номер 11 и 28. А себе французы оставили копию 6, которая лучше всех получилась. Ехидные программисты шутят, что до сих пор в Севре хранится еще и эталонный байт, который ранее состоял из 10 платино-иридиевых битов, но в оккупацию два бита куда-то запропали и с тех пор в одном байте ровно 8 битов. Впрочем, программисты до сих пор уверены в том, что в килограмме на самом деле 1024 грамма...

В прочих странах метр тоже понравился и быстро начал теснить старинные клоны египетского локтя. В России чуть побрыкались: мол, не откажемся от своих исконных аршина и сажени, мы их эталоны со времен крещения Руси в соборах храним! В России всегда так – подержатся зубами и когтями за свое исконное, а потом начинают резать бороды и гонять всех палками на ассамблеи курить табак и пить голландский джин, и чтоб непременно в немецком платье. Вроде еще недавно академик Фусс писал: «Известно, что сие разделение выдуманно было во время французской революции, когда бешенство нации уничтожать все прежде бывшее распространилось даже до календаря и деления круга; но сия новизна нигде принята не была и в самой Франции давно уже оставлена по причине

очевидных неудобств». А вскоре после появления этих строк вся Россия на метр перешла практически без особого сопротивления.

Знаете, кто всех убедил? Французские модистки – без них российскому дворянину, тем паче дворянке, и в приличном обществе показаться стыдно, а они ничего другого, кроме своего метра, и знать не хотели, больно уж удобно! Впервые метр попал в казенные бумаги в 1887 году, когда именно в миллиметрах установили размер новых российских банкнот. А уж при советской власти, когда метр ввели 11 сентября 1918 года указом Совета Народных Комиссаров, своей голубиной кротостью весьма напоминающего повивальную бабку метра, французский Конвент, никто и подавно не возражал – если бы все мероприятия советской власти были бы столь же обоснованны и полезны, мы бы горя не знали! Так что запрет использовать в СССР какие-либо системы мер, кроме метрической, последовавший в 1928 году, был уже сугубо формальным мероприятием. Так, для порядка.

Главный бастион сопротивления метру оказался по другую сторону Ла-Манша. Там к покушению метра на футы и фунты относились однозначно – как к попытке Бонапарта взять реванш за Ватерлоо. Англия – страна традиций, и гордые бритты стояли насмерть за свои ферлонги, фатомы и стоуны, несмотря на то, что путаница с ними была полнейшая и работать с метрами было на порядок удобнее. Напрасно ехидный лорд Кельвин цедил сквозь зубы, что английская система мер была бы самой большой глупостью в мире, если бы не существовало английской денежной системы – своя дурь не только нам дороже чужого ума. Перспектива заказывать в пабе пол-литра пива вместо пинты ввергала в дрожь лично Ллойд-Джорджа, который себе такое даже представить отказывался – в пинте ведь на 68 граммов пива больше, требуйте долива после отстоя! И все же рухнул дуб, и 15 февраля 1971 года английские газеты вышли под заголовками: «Наш любимец лишился сегодня 140 своих верноподданных» – в фунте вместо 240 пенсов стало 100.

В качестве утешения цены на аукционах Сотби и Кристи, а также гонорары врачам, художникам и примазавшимся к благородным профессиям адвокатам до сих пор назначают в гинеях, а в одной гинее целых 105 пенсов, просто чтоб жизнь медом не казалась. Никакой Евросоюз англосаксам не указ – совсем недавно торговец Стивен Тоберн из города Сандерленда демонстративно отказался продавать свою картошку и морковь килограммами – только на фунты и унции, в знак протеста против навязывания Евросоюзом доброй старой Англии Бонапартова наследства. Погорел на 2000 фунтов штрафа, оплатил судебные издержки в 60 000 фунтов – и все равно заявил, что не сдастся и будет бороться! Кому-то, может быть, и смешно, а я не могу не восхититься знаменитым британским упорством, которое не удалось сломить ни Наполеону, ни Гитлеру. Если бы они только научились разбираться, где Наполеон и Гитлер, а где метр и сантиметр...

А в главную свою вотчину – спорт – англосаксы и до сих пор метр до конца не впустили. Что хочешь делай, а до сих пор футбольные ворота имеют размер 8 футов на 8 ярдов, и баскетбольная корзина висит ровно на 10 футов от земли, и пенальти вовсе не с 11 метров бьют, а с 12 ярдов – до сих пор! Когда на мексиканской Олимпиаде Боб Бимон совершил свой знаменитый прыжок на 8 метров 90 сантиметров, весь стадион просто взревел, когда объявили этот результат, – практически никто не верил, что такое возможно. И только сам Бимон никаких эмоций не проявил – откуда бедному угнетенному негру знать, что такое 8 метров 90 сантиметров, он академиев не кончал... Только когда кто-то крикнул ему: «Парень, ты улетел за 29 футов!», он понял, что совершил, и возликовал по мере сил.

А сейчас все платино-иридиевые эталоны – не более чем красивые сувениры. В 1960 году постановили, что метр – это длина, равная $1\,650\,763,73$ длины волны в вакууме излучения,

соответствующего переходу между уровнями $2p_{10}$ и $5d_5$ атома криптона 86. Запомнили? Отлично, теперь можете забыть, помнить наизусть такое вредно. Рулетки у вас дома нет, что ли?

Дозволенная форма грабежа

Как бы вы отнеслись к перспективе выплачивать кому-либо определенные (причем немалые) денежные суммы, заведомо зная, что он не будет нести перед вами никаких ответных обязательств? Понятно как. Тем не менее все мы делаем это, ибо, согласно определению законоведов ФРГ, налог – это и есть платеж, исключаящий какие-либо ответные обязательства государства. Видимо, не зря еще средневековый отец церкви Фома Аквинский определил налоги всего-навсего как «дозволенную форму грабежа». Реверансы перед властями относительно того, что налоги можно назвать «грабежом без греха», когда добытые с их помощью деньги идут на «общее благо», совершенно не меняли сути.

Сами понимаете, как налогоплательщики всех стран охотно соединялись в трогательной любви к налоговым органам. В VII веке, например, франкские короли часто посылали собирать налоги своих злейших врагов. Если налогоплательщики их не прикончат и они соберут какие-то налоги – хорошо, если прикончат, – совсем уж прекрасно. Правда, и от этого есть польза. Вот, например, сборщик налогов из города Апольди в Тюрингии для своей охраны придумал разводить очень злобных собак, скрещивая пинчеров, догов и ротвейлеров, и в итоге скромную фамилию сборщика налогов – Доберман – теперь знает весь мир.

Отвлечемся малость на такой немаловажный вопрос, какими же были налоги вообще. Примитивные вожди древности пользовались простым принципом, который вроде бы возвращается к нам на новом витке диалектической спирали, – что удастся отнять. Когда же выяснилось, что это выгодно, но небезопасно (вспомните князя Игоря, который в земле древлян таки доигрался), придумали сначала подушный налог, а потом поземельный. Именно этот принцип господствовал все Средневековье. А в Новое время вернулись к идее одного из последних фараонов Амасиса, который впервые на памяти Геродота потребовал от подданных налоговую декларацию – основу нового налога, подоходного. Под страхом смертной казни, разумеется, – слава смягчению нравов! Заодно в подавляющем большинстве стран договорились, что налоги платят все. Это тоже дело недавнее, ибо дворяне не платили налогов еще в царской России, а в османской Турции налоговая политика мешала даже такому богоугодному делу, как поголовная исламизация всей страны, ибо налоги платили только неверные и обращение их в веру пророка автоматически сажало на мель государственную казну.

Но принципы принципами, а доходы доходами – к основному налогу государство добавляет столько дополнительных, сколько ему позволят. А с теми, кто не платит, разбирается по-свойски. Во Франции смертная казнь за неуплату налогов существовала еще при Меровингах и Каролингах. Ацтеки поступали проще – привязывали у двери неплательщика налогов ягуара и отвязывали только после уплаты. Закупить бы нашим налоговым инспекторам побольше ягуаров, да где денег на это взять?

Какие же налоги породила на свет изобретательность соответствующих инстанций? С византийцев, например, брали налог на воздух – так назывался налог на размер построенного здания. Один восточный паша брал с жителей налог на износ своих зубов, портящихся от некачественной пищи осчастливленной его правлением местности. Правитель Галлии Лициний просто ввел два добавочных месяца, чтоб собирать

ежемесячный налог не 12 раз в году, а 14 – не правда ли, все гениальное просто? Специальный налог «туфля королевы» выплачивали испанцы, если на престол, не дай бог, вступал холостой король, – на королевскую свадьбу. О каком налоге император Веспасиан сказал своему излишне щепетильному сыну Титу «деньги не пахнут» – и так все знают, до сих пор парижские уличные писсуары тамошние аборигены называют «vespassianes». Кстати, если вы думаете, что экзотические налоги отошли в область преданий, то совершенно напрасно. С ноября 1993 года большинство владельцев магазинов, мастерских и ресторанов города Венеции вынуждены были ликвидировать навесы над витринами или козырьки от солнца и дождя над входом в свои заведения, так как в Венеции введен налог на тень, падающую от навеса на коммунальную землю. Не иначе наши законодатели туда за опытом ездили!

Да и это не такое диво по сравнению с недавним скандалом в США, где несколько бейсболистов и баскетболистов были обвинены в утайке побочных доходов и неуплате налогов. Они брали деньги за свои автографы, а это сумма немалая – до 900 закорючек в час по 10 долларов за штуку, нам бы мало не показалось. А вот замечательная идея Станислава Лема по обложению налогом плохих книг – чем хуже книга, тем выше налог – пока не реализована. Не ясно, кто решает, насколько книга плоха.

Венгерские курильщики еще недавно платили особый налог на содержание пожарных дружин – впрочем, этим поделом. А в аэропортах Женевы и Цюриха с ноября 1980 года каждый взлетевший самолет платит «налог на шум» – от 100 до 300 швейцарских франков. Да что там самолеты? Победитель XV чемпионата мира среди золотоискателей, намывший 5 граммов золота за 4,5 минуты, и не подозревал, что за его выступлением внимательно наблюдает налоговый инспектор. Отнюдь не болельщик.

Есть еще один вид налога – косвенный, незаметный, всеобщий, ложащийся в основном на производителей, не требующий даже аппарата для его сбора. Называется он «инфляция». Польза от него, конечно, есть – византийские императоры, когда добавляли в свои золотые солиды слишком уж много меди, налоги требовали платить исключительно старыми денежками. Трагедия, правда, в том, что и такие расходы становятся для казны неподъемны, когда чиновники приходят за жалованьем с бельевыми корзинами, ибо ни в чем больше груды бесполезных бумажек не унести, более того – спалив в печке килограмм денег, получаешь больше калорий, чем сжигая купленный на эти же деньги уголь (это не шутка – так и было в Германии и Венгрии после Первой мировой!). Инфляция опасна еще и тем, что маскирует истинное положение дел. Доходные статьи бюджета 1992–1993 годов в большинстве постсоветских государств формально были выполнены, ибо цифра доходов соответствовала плановой, а то, что на эти миллиарды можно было купить существенно меньше, чем планировалось при принятии бюджета, понимали не сразу. С этим вроде мы разобрались, осталась еще самая малость.

А один из самых страшных налогов – как ни странно, налог на соль. В Китае его ввели уже во втором тысячелетии до нашей эры. Римский консул Ливий покрыл расходы на Вторую Пуническую войну с помощью такого же налога, за что и получил от благодарных римлян прозвище Солинатор. В средневековой Франции ненавистнее налога просто не было: тяжелая работа подстегивает солевой обмен, мясо солить надо, «корова бедняка» – коза без солевой подкормки чахнет, да еще и плохая она, казенная соль, а найдут «соляные приставы» мелкую да белую – сразу ясно, что контрабанда. В Индии британцы довели величину этого налога до 4000 % от стоимости товара, явно пойдя на мировой рекорд, а для борьбы с контрабандой соли возвели систему заградений, по масштабам соперничающую с Великой стеной. Хорошо, хоть этот налог нам не докучает. Пока.

Даже такое тонкое дело, как секс, тоже связано с налогами. Государство стимулирует то повышение рождаемости (Конвент революционной Франции, обложивший холостяков двойным налогом, древняя Спарта, освобождавшая отцов пятерых детей вообще от всех государственных повинностей, да и советский налог на бездетность), то ее снижение (семьям с одним ребенком в нынешнем Китае доплачивают, с тремя и больше – лишают определенных выплат из общественных фондов). Существовал даже налог на вступление в брак, взимавшийся только с невест, причем в натуральной форме – «право первой ночи». Вроде бы один из немногих, который ни в какой форме не отражен в нашем налоговом кодексе... Ой, что это я пишу! Вдруг кто-то прочтет и подумает: «А почему бы и нет?» Тем паче что это не единственный пример – известная всем леди Годива проехала по улицам родного города в костюме Евы именно для того, чтоб спасти родной Ковентри от непосильной подати. Если бы такая форма платежей принималась налоговыми органами, мы бы увидели на наших улицах массу забавного.

Знало Средневековье и еще один важный источник налога – почти природный ресурс, ибо в Золотой булле 1356 года право немецких курфюрстов содержать этих людей и взыскивать с них налоги перечислялось вместе с их правами разыскивать и добывать полезные ископаемые. Кто же эти люди, приравненные документами Карла IV к природным богатствам? Евреи, конечно, – а кто же еще? Если при Ричарде Львиное Сердце все население его державы платило 70 000 фунтов налога, то 60 000 фунтов приходилось именно на долю евреев. А ставки налогообложения для евреев в Германии XVI – XVIII веков, как правило, устанавливались вдвое больше, чем для прочих. Становится понятней, почему у всех стран, в которых численность евреев падает, начинаются неприятности – и не только финансовые. Кстати, как с этим вопросом у нас?

Не забывает налоговое ведомство и братьев наших меньших. В финансовом управлении Стокгольма служит Эльфрида Карлсон, освоившая более 20 разновидностей собачьего лая. Зачем? Лаять у дверей и отлавливать неплательщиков налога на собак. Кстати, в Швеции любители собак отдают предпочтение прижатым к земле таксам, в Норвегии любят собак непропорционально высоких. Это все потому, что в Швеции платят «собачий налог» по росту собаки, а в Норвегии – по длине. Правда, это уже другой вопрос – увиливание от налогов. А в нем человеческая изобретательность неисчерпаема.

Первый и простейший способ законного уклонения от налогов – посмотреть, что облагается, и экономить именно на этом. В 1930 году в США продавались по 5 штук в пачке сигареты длиной 11 дюймов, почти 30 сантиметров – налог брали с каждой штуки. С 1828 по 1855 год Францию заполонили не ахти как удобные трехколесные повозки – налог брали с каждого колеса. Целый ряд средневековых французских домов не имеет ни оконных, ни дверных проемов со стороны улицы – налог брали с каждого окна и двери. В XIX веке ряд английских газет выходил на чудовищном листе с плащ-палатку величиной – налог брали с каждого листа. Что тут еще добавить? О предметах и строениях-недомерках на полсантиметра или полграмма меньше, чем облагаемый налогом минимум, и без меня слухом земля полнится.

Есть вещи и поизящнее. Приходишь в казино, покупаешь чертову уйму фишек, играть практически и не думаешь, сидишь полчаса за бесплатным спиртным, а потом сдаешь фишки в кассу и получаешь деньги – выиграл, мол. А выигрыши в целом ряде стран налогом не облагаются (законопачена ли у нас эта лазейка? Не уверен). В одном гонконгском казино администрация придумала выдавать клиенту справку, что деньги выиграны, чтобы не было неприятностей с налоговыми службами. Казино моментально превратилось в крупнейший в Гонконге центр отмывания мафиозных денег. Защита от

этого одна – облагать пороки налогами. В конце концов, в 1890 году из миллиарда доходов российского бюджета 250 миллионов были получены от налога на водку. Интересно, как с этим сейчас?

Вот еще одна вполне законная возможность – пошире толковать такую графу, как производственные расходы. Жительница Индианы Синтия Хесс записала все 2100 долларов оплаты за пластическую операцию по увеличению бюста до устрашающих размеров в графу налоговой декларации «Деловое капиталовложение». Налоговое ведомство, сочтя, что улучшение внешности – дело личное, с налога эту сумму не списало. «Так танцую я в баре или нет?» – возмутилась дама с о-о-о-очень уж пышным бюстом, подала в суд и, кстати, выиграла дело, заодно и увеличив преизрядно свои доходы, ибо зрелище, полученное в итоге операции, говорят, никакой Чиччолине и не снилось. Впрочем, у каждого своя работа. Фараоны египетского Древнего Царства освобождали большие группы своих подданных от уплаты налогов за строительство тех самых пирамид, и завидовать мы им явно не будем. Но за наращивание бюста... Многие дамы, пожалуй, задумаются.

А вот способ уже малозаконный, зато освященный впоследствии авторитетом самого Гамлета. В XIII веке английскую деревню Готам называли прибежищем дураков и сумасшедших, которых там было подавляющее большинство. На самом же деле все жители деревни симулировали умопомешательство, дабы уклониться от уплаты налогов. Не такие уж дураки и уж явно не сумасшедшие. В наши времена говорят: «Чтоб разориться, мало открыть собственное дело – надо еще и регулярно платить налоги». Что мы, сумасшедшие, – разоряться? Терять все равно нечего, ибо принцип Питера гласит: «Если вы поступаете неправильно, вас штрафуют, если вы поступаете правильно – вас облагают налогом». Ситуация знакомая: нечего терять, кроме своих цепей. Конечно, все зависит от силы налогового ведомства. В США его бояться до одури – оно даже знаменитого гангстера Аль Капоне сгноило в тюрьме за неуплату налогов, ибо тут-то улики всегда можно найти. Это ведь тамошняя поговорка: «Только две вещи в мире неминуемы – смерть и налоги». Отнюдь не наша. У нас налоги все обходят, что, с одной стороны, нехорошо, а с другой – рождает надежду, что и смерть – дело необязательное. Это неправильно даже относительно налогов, но мы пока об этом не знаем. Скоро узнаем.

Собирать налоги тоже можно чем угодно. Персидский Надир-шах собирал налоги с туркмен котлами и топорами – пушки лить. В Древней Греции в качестве налога богачу могли предложить оплатить постановку комедии способного начинающего автора Аристофана или неудачливого полководца Софокла, решившего стяжать славу на менее кровавом поприще. Карл Великий предпочитал брать коровами, поскольку корова стоила в среднем как раз один золотой, а с золотом в средневековой Европе было посложней, чем с коровами. Петр I обложил подмосковных крестьян налогом в виде тряпья, как только построил в подмосковном же селе Ивантеевка бумажную фабрику. Турецкие султаны брали налог даже детьми – для янычарского войска. А натуральный налог продуктами собственного производства начался во времена незапамятные, пережил основание нашего государства (о князе Игоре, которого за усердие во взимании этого налога разорвали на куски благодарные налогоплательщики, небось все в школе учили), в виде продналога не был забыт советской властью, и более того – умудрился ее пережить. То и дело в газетах многих стран СНГ появляются однотипные сообщения – работники госпредприятий, которым выплачивают зарплату выпускаемыми ими куклами, посудой и кипятильниками, интересуются, можно ли и им квартплату и налоги платить вышеупомянутой продукцией. Собственно, пуркуа бы и не па? Каков привет – таков ответ.

Еще одна замечательная вещь – налоговые льготы. Все их содержание сейчас сведено к анекдоту перестроечных времен «Кооператив «Акциз» возьмет в аренду один метр Государственной границы». Сколько, например, водки (в том числе небось и нашей) перевезли в Россию без налога спортсмены или, прости, господи, православная церковь – еще никто и не подсчитал, только сейчас в газетах кое-что всплывает. Организации, главное, для ввоза водки подходящие. Но это проза, а поэзия – это когда шахматная федерация ФРГ добивается признания шахмат «видом спорта, имеющим воспитательное значение» и получает при этом налоговые льготы, воспользовавшись как решающим аргументом цитатой из письма Фридриха Великого: «Шахматы воспитывают склонность к самостоятельному мышлению...», и не приводя окончания цитаты «... а поэтому их поощрять не следует». Так немецким законодателям и надо – как будто не ясно, что думал Старый Фриц о самостоятельном мышлении! Все равно им далеко до англичан, снизивших почти вдвое налоги на дома с привидениями, так как их владельцам, видите ли, труднее подыскивать жильцов. Интересно, что в этом случае прилагается к налоговой декларации – заявление с визой привидения небось?

А теперь роковой вопрос – например, Монтескье считал, что ничто не требует столько мудрости и ума, как его решение. Страшно даже произносить, но все-таки скажу – какова должна быть величина налога? По этому поводу Адам Смит говорил: «Для того, чтобы поднять государство с самой низкой ступени варварства до высшей ступени благосостояния, нужны лишь три условия: во-первых, мир внешний и внутренний, во-вторых, терпимость в управлении государством, в-третьих, низкие налоги. Все остальное сделает естественный ход вещей». Причем вроде никто и не спорит. Все всё знают: и что «рейганомика» оживила экономику США, и что после уменьшения налогов в постсоветской России до скромных 13 % общая сумма собираемых налогов не упала, а вполне существенно возросла, и что налоговая ставка в богатом Кувейте вообще равна нулю... Более того – что высокие налоги просто не собираются, ибо становятся выгодными любые взятки и риск от неуплаты становится меньше убытка от уплаты, а зачем же тогда платить? Конечно, нужен не минимум, а оптимум – надо же бюджетникам платить. Но каков же он? В основном все сходятся, что платить более 30 % прибыли – уже многовато. Вот и считайте, далеко ли нам до этого оптимума или рукой подать. Кстати, венгерский государственный деятель и писатель Этвеш писал, что благосостояние государства определяют вовсе не те суммы, которые государство собирает с граждан в качестве различных сборов и налогов, а те, которые государство оставляет гражданам.

А в завершение хочется еще раз процитировать Адама Смита: «По опыту многих народов легко прийти к выводу, что значительная степень неравномерности налогов волнует людей меньше, чем малая степень неопределенности». С этим, правда, трудности во всем мире – куча адвокатов с того и живет, что помогает клиентам уменьшить налог вполне законным образом. Нам бы их проблемы... Но и к этому надо готовиться.

Не очень это сейчас модно, но закончу я цитатой из Карла Маркса, в справедливости которой усомниться весьма затруднительно. «Чиновники и попы, солдаты и балетные танцовщицы, школьные учителя и полицейские, греческие музеи и готические башни, цивильный лист и табель о рангах – все эти сказочные создания в своих зародышах покоятся в одном общем семени». Да-да, именно в налогах. Так что придется платить и неуклонно повышать уровень сознательности граждан. Вот в Америке целых 2 % налогоплательщиков признались, что любят платить налоги. Доведем число любящих платить налоги до американского – и будем жить, как они! Но не раньше...

Счастье – когда тебя понимают...

На сегодняшний день в мире сохранилось более 5000 языков. Достаточно знать семь основных – китайский, английский, русский, испанский, французский, португальский и арабский, – чтоб получить возможность изъясняться с подавляющим большинством населения земного шара. Да и если общего языка найти не удалось, на что переводчики? Никаких проблем! Так думают многие. Как бы не так...

Точный перевод – дело практически немыслимое. «Tradditore – traitore», «переводчик – предатель» – так говорили итальянцы, которых эта проблема беспокоила со времен Римской империи, вынужденной находить общий язык с многочисленными вассальными народами. Даже если не просишь, а приказываешь, надо, чтобы понимали твой приказ. А ловушек тут хватает.

Первая и одна из самых распространенных – омонимы, слова, звучащие одинаково, но означающие разное. Когда неумелый переводчик передает по-французски русскую фразу «Мой кабинет очень сыр», опасно просто искать по словарю – там значение слова «сыр» мгновенно найдется и появится фраза «Ma logement is tres fromage». «Fromage» по-французски действительно сыр – чеддер, рокфор и т. д. Мнение об описываемом кабинете у француза неизбежно сложится весьма своеобразное.

А тут же рядышком сидит в засаде и открывает пасть второе пугало переводчика – идиома. Устойчивое словосочетание, которое значит то, что в нем сказано, и в то же время не совсем то. Помню, как лет 20 назад смотрел в госфильмофондовском кинотеатре «Иллюзион» один из лучших немых фильмов всех времен и народов – «Доки Нью-Йорка». Буквально в начале фильма жестокий капитан придирается к служебному упущению матроса, и появляется титр: «В наказание за это отстоишь две вахты с собакой!» Где на корабле взять собаку – да и нет ее там? А все очень просто, речь идет о неприятной «собачьей вахте», с нуля до четырех. Но надо же об этом догадаться!

Иногда, правда, эта особенность обогащает язык новой идиомой. Мы все безмятежно используем в речи грибоедовское «кричали женщины «Ура!» и в воздух чепчики бросали» и даже не задумываемся – какие чепчики? Грибоедов и его потенциальные читатели прекрасно знали французскую идиому «она забросила свой чепец за мельницу», т. е. пустилась во все тяжкие. Мельницу, спасибо Александру Сергеевичу, мы благополучно потеряли, а все остальное используем, не понимая, откуда взялось. Да оттуда же, что и выражение «не в своей тарелке» – от тонкостей перевода. По-французски «асьет» – и тарелка, и настроение, расположение духа. Кто первый раз ошибся? Не знаем и не узнаем...

А как справиться с особенностями произношения? Постсоветские челноки, массами наводнившие Китай, до сих пор не могут – особенно женщины. Ну как еще реагировать, если пытающийся договориться с тобой китаец, улыбаясь во весь рот, называет тебя при этом исключительно «подлюкой»? Есть ведь пределы любому терпению... Только пределов невежеству нет. Все очень просто: китайцы не произносят вообще звука «р», автоматически заменяя его на «л», и поэтому безобидное и вполне уважительное обращение «подруга» принимает у них столь жуткий вид. Кстати, у японцев все как раз наоборот – они во всех заимствованных словах меняют «л» на «р». Так что неудивительны сложности советско-японских отношений – как общаться с теми, кто слова «Ленин» или тем паче «Леонид Ильич Брежнев» даже произнести не могут. Кстати, фамилия «Ельцин» тоже этого нюанса не лишена... Впрочем, челнокам вообще несладко. Как в самом челноконасыщенном городе мира Стамбуле, слыша на каждом шагу от местных жителей слова «дурак» и «бардак», не оскорбляться и не расстраиваться, если не знать, что по-турецки это просто остановка и стакан?

Впрочем, с китайским языком все еще сложнее. У них ведь нет букв как таковых. Если мы еще можем попытаться передать звучание практически любого иероглифа (и даже немножко его исказить, чтоб поменьше нарушать приличия – слышал я, что имена китайского маршала Пэн Дэхуая и политического лидера Хуа Гофэна можно было бы передать русскими буквами поточней, да больно уж скабрёзно получается), то китайцам остается только подобрать максимально похоже звучащую комбинацию иероглифов, благодаря которой слово приобретает еще и паразитный смысл. Иногда это даже приятно – и Эренбургу, и Фадееву нравились китайские транскрипции их имен Эйленбо («Крепость любви») и Фадефу («Строгий закон»), иногда вызывает непредусмотренные осложнения.

Говорят даже, что равнодушие китайцев к христианству вызвано именно китайской транскрипцией имени Иисус – И-шу, то есть бегущая крыса. Действительно, трудно убедить кого-то поклоняться бегущей крысе... А в одной серьезной статье о китайском юморе (а он во многом действительно не похож на европейский) я прочел, что плохое восприятие китайцами европейского юмора объясняется еще и тем, что передать само слово «юмор», в китайском языке не существующее, удалось только двумя иероглифами «ю» и «мо» – «темный» и «тихий». Чего уж тут смеяться?

И это не конец восточных тонкостей. Одно и то же слово в китайском и вьетнамском имеет несколько разных смыслов в зависимости от того, пишите ли вы это слово, говорите тенором, баритоном или басом. Работавший во Вьетнаме коллега в свое время жаловался на то, что почтительное обращение к Хо Ши Мину – «Бак Хо» (Дедушка Хо) в устах наших женщин казалось вьетнамцам бессмыслицей, а в устах мужчин, особенно с низкими голосами – непристойным ругательством. По тем временам могло кончиться неприятностями, а ведь старались люди.

Чтоб хоть как-то отвлечься от темы «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток...», которую можно развивать сутками, напомним, как трудно переводить и дублировать восточные кинофильмы. Мимика тоже не переводится один к одному! Когда житель Дальнего Востока крайне взбешен и вот-вот нанесет супостату оскорбление действием, его мимика нам кажется улыбкой. В одном из китайских кинофильмов герой говорит жестокому вознице, избивающему лошадь: «Если ты не прекратишь бить лошадь, я тебя убью и мы доберемся без твоей помощи!» Естественно, изображает изо всех сил, что крайне разгневан, то есть, по нашим понятиям, улыбается во весь рот, как и его спутники! Чтоб как-то сгладить недоразумение, при дубляже фразу перевели так: «Если ты не прекратишь бить лошадь, ты ее убьешь, и нам придется добираться без ее помощи!» Шутка такая... А европейцы после того, как улыбка на лице китайца или японца сменяется угрозами или чем-нибудь похуже, обвиняют восточных людей в неискренности и лицемерии.

И решить эту проблему не скоро помогут компьютеры. Определенные успехи есть, и уже отошли в прошлое времена, когда фразу «в здоровом теле здоровый дух» металлические монстры второго поколения с небольшой экскаватор величиной ничтоже сумняшеся переводили, как «спирт крепок, но мясо протухло», а при попытке перевести фразу «дочь генерала читала книгу» немедленно закликивались, будучи не в силах понять, что же делала дочь – читала или генерала (ей казалось, что оба этих слова – глаголы). А чем лучше мой нынешний гораздо более совершенный компьютерный переводчик? Он, правда, уже не переводит фразу «How do you do?» словами «Как вы это делаете?», как его первая версия – находит вариант «Как ваши дела?». Но более жесткий эксперимент – заставить его перевести известный всем с детского садика поэтический шедевр на английский, а потом обратно на русский – привел к следующему результату:

Наш Таня громко кричит,
Понизился в речку мячик.
Более тихий, Танечка, не плачь,
Не утонет в речке шар.

Это еще хорошо. А то в одном из ранних рассказов Лема сверхсовершенный переводчик вторгшихся на Землю альдебаранцев при первом же общении с землянами вынужден был переводить фразу «А, мать вашу сучью, дышлом крещенную...» и справился с этой задачей примерно так: «Предок по женской линии четвероногого млекопитающего, подвергнутый действию части четырехколесного экипажа в рамках религиозного обряда, основанного на...» А дальше не успел – всех инопланетян перебили и вторжение с Альдебарана провалилось. Это единственный припоминающийся мне пример, когда от непонимания была хоть какая-то польза, – да и то вымышленный.

В Венгрии переводческие ляпы даже имеют имя и фамилию – Якоб Лейтер. В статье одной из венгерских газет за 1863 год в репортаже о полете на воздушном шаре путешественники восклицают: «Вверх, вверх, хотим подняться так же высоко, как Якоб Лейтер!» А кто же это такой? Да никто – немецкую фразу «Jakob's Leiter», то есть «лестница Иакова», переводчик немножко недопонял.

Кстати, о переводах туда и обратно. Неча все на компьютеры валить – люди ничем не лучше. У Корнея Чуковского я нашел рассказ о том, как какой-то немец (Чуковский стеснялся написать, что это был Карл Маркс) написал труд об экономике Украины, взяв к нему эпитафию из пушкинской «Полтавы»: «Богат и славен Кочубей, его луга необозримы, там табуны его коней пасутся вольны, нехранимы, и много у него добра – мехов, атласа, серебра...» Совсем неплохой эпитафия, разумеется, в переводе на немецкий. А потом кто-то перевел этот труд на русский. Вместе с эпитафией – он не узнал пушкинских строк и перевел его сам, как умел. Получилось вот что: «Был Кочубей богат и горд, его поля обширны были, и миллионы конских морд, мехов, сатина первый сорт его потребностям служили». Вот такой испорченный телефон.

Чуть ли не хуже всего в этом плане родственные языки. Английская или французская фраза кажутся малокультурным людям, не владеющим никакими языками, кроме русского, просто бессмыслицей, а украинская или белорусская – чем-то смешным и безграмотным. То, что украинцу или белорусу равного с ними культурного уровня таким же кажется русский язык, им все равно не объяснишь. А что из этого выходит, мы все уже видели. Попадают на эти крючки даже квалифицированные переводчики. И называть не хочется талантливого поэта, глубоко мне симпатичного, переведшего строку из стихотворения о злобном помещике, который, разгневавшись на своего крепостного, кричит своим холопам «Женить його, женить!» (то есть «гоните его, гоните!»), словами «Женить его, женить!», хотя по тексту этот помещик явно не содержал брачной конторы.

Это еще полбеда – большинство не знающих украинского уверены, что начало одного из величайших шедевров украинской поэзии «Завещания» Тараса Шевченко, занимающего в украинской литературе примерно такое же место, как «Памятник» Пушкина в русской, совершенно им понятно. «Як умру, то поховайте мене на могилі...» Чего тут переводить? «Как умру, то схороните вы меня в могиле...». Мало кто задумывается о том, что хоронят, разумеется, в могиле, а не в кафе или в прачечной, и вряд ли поэт стал бы специально это оговаривать. А уж знающих, что все еще проще и «могила» по-украински курган (как и в ряде южнорусских диалектов), не так уж много.

Бывали вещи и пострашней. К прямому развязыванию кровопролитной войны привели намеренные искажения перевода так называемой Эмской депеши. Вроде бы конфликт между Францией и Пруссией удалось потушить, все обо всем договорились... но Бисмарк решил, что это невыгодно, и перевод сообщения о переговорах был намеренно искажен так, чтоб это выглядело для Пруссии обидным и унижительным. Десятки тысяч погибших на этой войне так никогда и не узнали, что дело в плохом переводе.

Кстати, о переводах и переводчиках в военном деле. Японские шифровальщики так и не смогли расшифровать код, который использовали радисты американских кораблей. И никто бы не смог, ибо не было никакого кода – просто во всех радиорубках американских линкоров сидели индейцы навахо, спокойно сообщающие в эфир все военные тайны открытым текстом, но на своем родном языке, который японцы в школах не учат.

А немецкие шифровальщики попались еще обиднее. Долгое время кололи простенькие коды партизанских радиостанций, как орешки, и вдруг – все, конец спокойной жизни! А дело в том, что какой-то умный человек в штабе партизанского движения приказал использовать в радиограммах максимально возможное количество орфографических ошибок, а поскольку в немецко-русских словарях слов «овтамат», «сомалет» и «бранетранспонтер» не было, немцы их и не понимали, не говоря уже о том, как такие вариации затрудняли разгадку даже простейшего шифра. Так русская безалаберность в очередной раз победила немецкий орднунг.

Но проблема с повестки дня не снята. Минимум две статьи в популярных российских газетах, рассуждая о проблемах т. н. ядерных чемоданчиков, пишут об американском ядерном боеприпасе «Дьявольский крокет» и тут же приводят американскую транскрипцию его названия – «Davy Crocket». Но ведь слово «дьявол» пишется по-английски не так! Дьявол тут вообще ни при чем – он называется «Дэви Крокет», это историческое лицо, один из самых популярных героев американского фольклора, бравый первопроходец Дикого Запада. Ничего не понимаю! Надо, если пишешь на такие темы, или знать, кто у американцев вместо Ильи Муромца, или хотя бы не подписывать такие статьи «член-корреспондент РАН». Наши беды, проистекающие от незнания и непонимания других народов, кончатся еще не скоро.

А поэзию вообще перевести нельзя. Массу народа эти переводы кормили – от Пастернака и Тарковского в те времена, когда их собственных стихов не печатали, а переводы еще как-то проходили, до легендарных создателей переводов номенклатурных литбонз ряда национальных литератур с отсутствующих оригиналов. Все правда: и то, что переводы – как женщины, или красивы и неверны, или верны и некрасивы; и то, что переводчик – это жестокий музыкант, исполняющий на скрипке мелодию, предназначенную для флейты. Но вот добился же Маршак того, что любителей Бернса в России больше, чем в Англии! Причем именно Маршак в своих переводах, мягко говоря, не совсем точен. Видел массу статей, в которых это убедительно доказывалось и очень толково объяснялось почему. А потом приводились переводы авторов статей, лишённые этих ужасных ошибок. И каких-либо других достоинств – тоже. Лучше переводить неправильно, но верно.

Что с этим делать – пока не ясно. Где-нибудь в центре Европы не знать три-четыре языка почти неприлично, а у нас – сами знаете. Давайте все-таки поменьше походить на сподвижника Петра Головина, который, вернувшись из Парижа, больше всего удивлялся тому, что там даже маленькие дети говорят по-французски. И будем почаще вспоминать замечательную фразу (кажется, это Гете): «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». Тоже неуклюжий перевод. Но верный.

«...остальное делаем мы»

Возможно, все началось с древнегреческой надписи, которой больше 2500 лет: «Я, Рино с острова Кос, по воле богов толкую сны». Большинство недостатков современной рекламы здесь тут как тут – и собственное имя на первом месте, и масса ненужной информации (а если не с Коса, а с Наксоса, что тогда?), и тяга к мистике и шарлатанству, и приписывание товару несуществующих достоинств (по воле богов ли?)... Но и позитив налицо – теперь ясно, что здесь не сыр продают и не лошадей подковывают. За толкованием снов – сюда.

Росли города – росла и реклама. В деревне и так ясно, где трактир, а в Риме поди найди. Поэтому и название рекламе дал именно великий древний мегаполис, заодно пояснив, какой была первая реклама. «Reclamo» по-латыни – выкрик. Когда масса народа неграмотна, прочие способы не так эффективны. Или кричи, или рисуй картинки. Даже и сейчас эта наидревнейшая реклама не утратила полностью своих позиций, поскольку неграмотных хватает, особенно в развивающихся странах. Главное – не совершать ошибок. А то недавно был выпущен плакат, предназначенный для рекламы обезболивающего средства, который состоял из трех рисунков. На первом была изображена женщина с перекошенным лицом, страдающая от боли. На втором – женщина, принимающая лекарство. На третьем – та же женщина, счастливая и довольная. В Саудовской Аравии эта рекламная кампания потерпела полное фиаско, ибо если люди читают справа налево, то они и картинки рассматривают справа налево. Кто же станет пить таблетку, после приема которой тебя перекосит от боли?

Была реклама и в Средневековье. Помните названия трактиров у Дюма? «Кошка с клубком», «Бочка Амура», «Медичи», «Нечестивец»... Придумывались они просто: что бродячий художник на вывеске нарисовал, то и становилось названием. Это еще прареклама, а реклама – это английские корчмы «Королева Бесс», «Ричард Львиное Сердце» и даже «Король Артур» и «Юлий Цезарь». Кроме знаменитого имени вывеску заведения обычно украшала надпись, рассказывающая, как была довольна данная знаменитость ночлегом именно с местными клопами. Англия – страна традиций, и многие из этих вывесок целы до сих пор.

Но по-настоящему за рекламу взялись уже после промышленной революции. Еще в газете «Пенсильвания ивнинг пост» от 6 июля 1776 года было помещено 10 рекламных объявлений, очень похожих на нынешнюю рубричную рекламу. Так обивщик мебели Хинс Тейлор, торговец недвижимостью Дэвид Панкоуст, продавец кофе Исаак Хейзелхершт субсидировали эту газету, в том числе и напечатание в этом номере передовой статьи – Декларации независимости США. Так реклама стала касаться не только торговли, но и политики.

Не задержалось и появление рекламы в Российской империи. Традиционной голосовой рекламой занимался сам Александр Данилович Меншиков – «А вот пироги подовые, медовые, с пылу, с жару, полденьги пара...» Интенсивность ее даже пугала приезжих иностранцев. Один испанец никак не мог понять, почему каждое утро под его окнами во весь голос орут: «Ужасное убийство!», причем по-испански – «Хоррибле ассесинас!». С трудом удалось ему объяснить, что, выкрикивая во всю глотку «Рыба лососина!», торговцы ничего плохого в виду не имеют.

А чуть попозже, когда после открытия железнодорожного сообщения между Москвой и Петербургом не нашлось смельчаков, пожелавших стать первыми пассажирами, управление железной дороги пошло на рекламное мероприятие, длившееся целых трое

суток, – всех желающих возили бесплатно. Судя по нынешним временам, подействовало это неплохо.

Кстати, наша реклама была достаточно изобретательной. Дореволюционная реклама смирновской водки до сих пор приводится в качестве положительного примера в соответствующих учебных заведениях США. Весь лист газеты, отведенный на рекламу, был чист, и только в углу его была ма-а-а-ленькая надпись «Смирновская водка в рекламе не нуждается». Правда, красиво? Во всяком случае, более тактично, чем популярная в конце прошлого века реклама английского мыла «Pears», состоящая из двух картинок. На первой из них белый ребенок вручал моещемуся негриту кусок этого мыла, на второй – оба ребенка были изображены белыми. Кто знает, не попала ли эта рекламка когда-то на глаза Майклу Джексону?

Да и петербургские дореволюционные производители пива изобретательно рекламировали свою продукцию. Так, например, Калашниковский пивоваренный завод в 1910 году успешно применил то, что мы сегодня назвали адресной рекламой. За счет этого потребление калашниковского пива увеличилось почти в 2 раза. На чем же была размещена реклама, если ее ежемесячный выпуск доходил до 500 тысяч экземпляров? Да на спичечных коробках – это тоже придумано достаточно давно.

Собственно говоря, рекламе уж никак не меньше лет, чем книжному делу. Ведь название книги – тоже реклама. Скажите, лично вы бы стали покупать книгу под названием «Бе-бе, черная овца»? А фильм такой смотреть? Вряд ли... Это было довольно трудно объяснить провинциальной американской домохозяйке по имени Маргарет Митчелл, приславшей самотеком в издательство свой роман, который совершенно неожиданно для редактора, рецензировавшего эту рукопись, показался ему интересным. К счастью, редактору, получившему классическое образование, вовремя вспомнилась строка Горация «Я забыл многое, Цинара; унесенный ветром, затерялся в толпе аромат этих роз...» В результате роман с новым названием «Унесенные ветром» прославился на весь мир. А как вы думаете, согласились бы Вивьен Ли и Кларк Гейбл сниматься в блокбастере «Бе-бе, черная овца»? Лично я сомневаюсь...

Конечно, реклама не могла не стать источником постоянных конфликтов – о деньгах ведь речь. Законодатели пытаются ее ограничить, чтоб спастись хотя бы от самых одиозных проявлений. Например, в рекламных текстах английский закон запрещает употреблять слова «гарантирую», «ручаемся», «можно поручиться», упоминать членов королевской семьи, а высказывания известных людей разрешает приводить только с их согласия.

А в текстах норвежской рекламы запрещена к употреблению целая часть речи – превосходная степень прилагательного. Толку мало – конфликт на конфликте, в том числе и у нас. А вот с результатами не ахти. Разве что показываемый по «Останкино» сериал «Шарп» в приказном порядке переименовали в «Приключения королевского стрелка Шарпа», чтоб не подумали, что это скрытая реклама известной одноименной фирмы.

Учтите – со вкусом и тактом в рекламе еще есть что делать. В I веке до нашей эры в Шотландии стояла древнеримская крепость. Срочно покидая укрепления, легионеры зарыли запас гвоздей. Откопавший их делец не придумал ничего лучшего, чем пустить их в продажу с рекламной надписью «Продаются гвозди, аналогичные тем, которыми распяли Христа». Интересно, а для чего такие гвозди нужны покупателям, если срок второго пришествия никому неведом? И это еще полбеды – за хорошие деньги, обещанные его семье, некий преступник согласился крикнуть с эшафота перед казнью: «Пейте какао Ван-Гутена!» Даже комментировать этот факт не могу.

К некоторым правилам, вообще говоря, уже начинают привыкать. В свое время, например, компания «Пепси-кола» запустила по японскому ТВ видеоролик следующего содержания: популярный музыкант стиля рэп Хаммер, как раз в это время гастролировавший в Японии, выпив кока-колы, начинает напевать что-то грустное, и только выпив пепси-колы, снова начинает отплясывать под бодрую музыку в стиле рэп. «Кока-кола» добилась ее запрещения – за неразрешенное использование их товарного знака. Это уже общая практика. В рекламе нельзя ругать конкурента – только подчеркивать свои достоинства. Именно поэтому в рекламе сравнивают, скажем, стиральный порошок не с реальным его конкурентом, а с, цитирую по тексту, «другим хорошим порошком». Вот уж воистину лучшее – враг хорошего.

Особенно это верно в рекламном деле – хорошую рекламу создать трудно. Более того, в этом можно переусердствовать. Один из крупнейших американских теоретиков и практиков рекламы Дэвид Илви как-то сказал: «Вы утверждаете, что видели гениальную рекламу? А я ее не видел, но уверен, что реклама плохая. Если бы реклама была хорошей – запомнилась бы не она, а рекламируемый товар». С точки зрения утилитарной ценности он прав. Но как-то жалко. Действительно, специалистам по рекламе давно известно, что самая плохая афиша – это хорошая афиша. Если афиша слишком уж хороша – она практически никуда не годится. Причина этого проста: ее срывают, раздаривают и разворовывают на память, и она не выполняет своего главного назначения.

Наполеон сказал: «Обращения к народу должны быть кратки и неясны». Этому правилу неукоснительно следуют составители рекламных слоганов. Некоторые из них приходят и уходят незаметно, но некоторые запоминаются. Реклама фотоаппаратов «Кодак», появившаяся еще в 1888 году, гласила: «Вы нажимаете кнопку – остальное делаем мы». Правда, здорово? А знаменитая реклама «Роллс-Ройса», появившаяся в 1958 году: «В нашем автомобиле на скорости 100 км/час громче всего шумят электрические часы»? Или вот такая реклама – фотография грузинки, которая ест йогурт, и текст под фотографией: «По мнению одной из жительниц Советской Грузии, «Данон» – прекрасный йогурт. Кому это знать, как не ей, – ведь она ест йогурт уже 137 лет!» А одна фирма на Гаити придумала для своих духов такую рекламу: «Привлекает мужчин и отпугивает комаров». И правильно – кусаются-то комарихи! А вот надпись на дверях одного из французских цветочных магазинов: «Цветы у нас так дешевы, что их могут покупать даже мужья!» Обидно, да? Но по делу. Вот еще одна реклама – английской телефонной станции: «Не пишите писем, звоните по телефону – это даст вам возможность избежать орфографических ошибок». Или рекламный слоган немецкой фирмы, выпускающей автоответчики: «Для тех, кто отвечает не каждому». Так и хочется купить – особенно мне. А реклама прачечной в городке Монпелье, штат Висконсин: «Вы получите замечательно выстиранное белье и свежайшие сплетни о соседях». Главное, вещь-то какая нужная!

Реклама – дело творческое, требующее изобретательности и понимания. Воздушные хлопья фирмы «Лайф» долго рекламировались как высокопитательные и полезные для здоровья, но без успеха. Успех пришел, когда фирма догадалась, что в основном хлопья едят не взрослые, а дети, после чего к успеху фирму привела реклама способности этих хлопьев громко хрустеть. Детям это гораздо важнее питательности.

А как важно правильно назвать товар! Наши автомобили «Жигули» стали во Франции «Ладами» сугубо потому, что название автомобиля, созвучное с французским словом «жиголо», то есть наемный танцор, сутенер, альфонс, явно не способствовало желанию среднего француза приобрести себе такой автомобиль. То же самое произошло в

Финляндии с автомобилями «Запорожец» – по-фински очень уж похоже звучат слова «свиной хвостик», так что пришлось называть его в Суоми «Ялта».

Автомобили вообще рекламировать нелегко – особенно в США. Автомобиль «Роллс-Ройс» рекламировал плавность своего хода, тронувшись с места. На его капоте при этом стояла монета на ребре и стакан, налитый водой до краев. Монета не упала, а стакан не расплескался. То же качество «Ситроена» рекламировалось с помощью провоза на нем по вспаханному полю корзинки с яйцами – ни одно не разбилось. Неужели обошлось без комбинированных съемок? Не знаю... Но эти рекламы настолько типичны, что их даже пародируют. Вы слышали, как рекламировали плавность хода автомобиля «Крайслер», в котором на полном ходу ювелир гранил алмазы, а парикмахер брил клиента опасной бритвой? Так вот, в пародии на эту рекламу в быстро мчащемся автомобиле раввин делает ребенка обрезание...

Реклама – это огромная отрасль индустрии, и иронизировать над ней уже поздно. Объем рекламного материала на страницах лондонской «Таймс» примерно равен 32 %, у «Дэйли Экспресс» – 34 %, «Дэйли Телеграф» – 48 %, и лишь у коммунистической «Монинг Стар» – только 3 %. Сайрус Кертис, основатель и владелец журнала «Лэдис хоум джорнэл», в одном из своих выступлений так и сказал: «Редактор «Лэдис хоум джорнэл» думает, что мы издаем его для американских женщин. Это иллюзия, но она ему как раз и нужна. А истина в том, что он издается ради промышленников, чтоб они имели возможность рассказать в нем женщинам о своих товарах». В какой-то мере это правда. Надеюсь, что все-таки не полностью.

Реклама – дело государственное. В настоящее время правительство США является одним из крупнейших национальных рекламодателей и ежегодно тратит на рекламу более 100 млн долларов. Самая крупная статья этого расхода – реклама набора добровольцев в армию США. Дорого, конечно... А во сколько нам обходится дедовщина и голодные солдаты с оружием в руках? Не дороже ли выходит? Да и российское телевидение уже подхватило эту эстафету, ежедневно вещая с экрана «Заплати налоги и живи спокойно». Интересно бы подсчитать экономическую эффективность этой акции – что больше: затраты на эту рекламу или увеличение сбора налогов от ее показа. Но как это сделать?

О рекламе предвыборной – разговор отдельный. Еще перед президентскими выборами 1904 года в США группа поддержки Теодора Рузвельта выпустила в рекламных целях огромное количество плюшевых мишек – Teddy-Bears. Рузвельта благополучно переизбрали, а мишки так же прочно вошли в нашу жизнь, как красно-белый костюм Деда Мороза, придуманный тоже не просто так, а за бо-о-о-льшие деньги от «Кока-колы» (цвета-то ее!). Правда, и тут бывают проколы – чем восточней, тем чаще. Если верить Иоанне Хмелевской, вскоре после войны в польском городке Бытоме в витрине местной аптеки выставили портреты кандидатов в президенты Польши, но не убрали оказавшуюся как раз под ними традиционную аптечную рекламу «Свежие пивавки». Над витриной хохотал весь город, но боюсь, что самому аптекарю вскоре стало не до смеха.

ТВ-реклама в Америке дороже всего стоит с 19.30 до 22.30, когда все у телевизоров. А максимальная дороговизна радиорекламы приходится на время утренней поездки на работу и вечерней с работы. Сколько стоит реклама у нас – даже говорить не стоит, цифры все время меняются, и в основном только в одну сторону. Раз за разом какой-то телеканал заявляет, что завязывает с потоком рекламы, а потом оказывается вынужденным пересмотреть свое решение, потому что жить-то надо. Я, например, вполне сочувственно отношусь к решению канала «Культура» показывать рекламу, но только

качественную. Хорошая реклама – тоже произведение искусства. И снимать ее достаточно тяжело.

Самое полезное дело может стать самым вредным, если им злоупотреблять, и реклама не составляет исключения. Болезнь «гиммиз» еще не появилась в медицинских справочниках, но ее название уже прочно вошло в лексикон американских педиатров еще лет двадцать назад. Они считают, что эта болезнь, точнее социальное явление, поражает в первую очередь детей, и главный источник ее – телереклама. Суть болезни выражена в ее названии: «гиммиз» – многократно повторенное «дай мне». Это уже и нам не чуждо – лично мне знаком семилетний мальчик, попросивший у папы купить ему прокладки «Кэфри». Еще чуть больше рекламы – и папа таки не выдержит...

Естественно, над рекламой иронизируют, ее пародируют, иногда остроумно. В свое время предложили остроумный сценарий рекламного ролика: Илья Муромец бьется со Змеем Горынычем. Две головы срубил, а третья никак не поддается. Тут появляется Марья и протягивает Илье Муромцу упаковку детского панадола – «Вот тебе, Илюша, детский панадол, он и от головы, и от температуры». А чего? Не хуже той рекламы панадола, что нам показывают. Даже запоминается лучше. Может, стоило бы снять? А если реклама раздражает, тоже можно принять меры. Во всяком случае, бороться с рекламой бесполезно – будет только хуже. Когда Дирака в 1933 году наградили Нобелевской премией, он хотел отказаться от нее, так как ненавидел рекламу. Но Резерфорд уговорил его принять премию, причем очень просто. «Ведь отказ от Нобелевской премии – гораздо большая реклама», – втолковал он коллеге.

Некоторые рекламные идеи не могут не вызвать удивления и восхищения. Президент японской фирмы «Нагатаниэн» г-н Нагатани заявил своему сотруднику г-ну Нотохара, что тот может в течение 2 лет не приходить на работу и в неограниченном количестве тратить деньги, но за этот срок он должен предложить оригинальные идеи, способствующие разработке ходовых товаров. Сообщение об этом в 1979 году перепечатали многие японские газеты. За два года Нотохара истратил 13 миллионов иен и не предложил ни одной новой идеи, однако фирма получила 5 миллиардов иен дополнительной прибыли, потому что сами по себе статьи в газетах о необычном опыте сделали фирме большую рекламу.

А на витрине магазина некоего мистера Джексона из штата Алабама нарисованы яркие брюки, свитера, купальники-бикини и другая модная одежда, но магазин продает не это, а диетические продукты. «Вы сможете влезть во все это, если будете покупать еду в нашем магазине» – гласит рекламный текст.

Или вот как красиво рекламируют в Японии специальные аудиокассеты с музыкой для страдающих бессонницей. «Композитор Ватанабе Омури, работая над этой музыкой, несколько раз падал со стула!» – гласит рекламный текст. К сожалению, не сообщается, был ли композитор при этом трезв. Но все равно придумано здорово.

Вот еще неожиданные рекламные ходы. Фирма «Пепсико» в целях рекламы своего напитка «Севен ап» заплатила знаменитому форварду Тулио, чтобы он сменил номер 9 на футболке на менее престижный в футбольном мире номер 7 – как на бутылке с водой. Правда, иногда рекламные идеи бывают слишком уж оригинальными. Администрация крупного универмага в городе Чаттануга поместила в местной газете рекламное объявление, испускающее запах жареного цыпленка. Но на следующий день после поступления газеты в киоски все без исключения продавцы отказались ее продавать,

потому что им быстро надоело отгонять от киосков сотни привлеченных этим запахом бездомных кошек.

Порой реклама, к сожалению, эксплуатирует не лучшие стороны человеческого характера. Одна нью-йоркская фирма дала широкую рекламу изделию «Шпионский глаз», которое позволяет смотреть сквозь стены, полы и потолки толщиной до 6 дюймов. Люди, приславшие деньги на эту новинку, получили картонную коробку, в которой лежали детская подзорная труба и сверло длиной 6 дюймов. Мне их даже не жалко – сами виноваты. Так же, как купившиеся на обещание прислать за небольшую сумму идеальный рецепт от морской болезни и получившие за свои кровные совет оставаться дома и никуда не плавать. Действительно ведь помогает...

А вот американский рекламный плакат, приводящий в восторг лично меня. Справа и слева на нем изображены шахтеры. Слева текст: «Уголь принадлежит прошлому», справа – «Уголь принадлежит будущему». А текст в центре гласит: «Простых решений не бывает – есть лишь разумный выбор». Это, как мне кажется, относится не только к углю. Относительно рекламы это не менее верно.

Только не надо давать непродуманных обещаний. В городе Дотан, штат Алабама, торговец продающимися за копейки подержанными автомобилями дал в газете рекламное объявление для привлечения покупателей – «Скидка в 10 долларов покупателю с ребенком!». Явившийся на следующий день покупатель с 13 детьми не только получил бесплатно 120-долларовую развалюху, но и потребовал 10 долларов сверху. Пришлось платить.

А не так давно американскими учеными был обнаружен и научно доказан еще один полезный эффект рекламы. Во время ее показа резко возрастает нагрузка на городскую канализацию – народ отрывается от экранов и толпами устремляется сами понимаете куда, чтоб успеть вернуться к продолжению интересной передачи. Так что если бы не реклама – были бы возможны конфузы.

Можно ли обойтись без рекламы? В принципе можно. Вот на вывеске на входе в здание банка Ротшильда в Лондоне ничего не написано – знающие люди сами найдут, а в рекламе столь солидная фирма не нуждается. Но пока вы не Ротшильд – не пренебрегайте рекламой, или вы рискуете никогда им не стать.

И кто его знает, чего он кивает

В свое время один антрополог поразил ученый мир своим выводом, что никаких каннибалов не было. Возмущавшимся, которые напоминали ему и про капитана Кука, и про племя ньям-ньям, и даже про специальные деревянные вилки острова Фиджи (до сих пор один из популярнейших сувениров в тех краях), которыми только «длинных свиней» есть и полагалось (что за зверь «длинная свинья», даже объяснять не хочу), он без труда доказывал, что все каннибалы своих жертв настоящими людьми не считали. Похожи, конечно, но и племя другое, и язык малость не тот, – какие же они люди?

В наше просвещенное время напрямую такую точку зрения, разумеется, никто не выскажет. Но именно сейчас, когда дешевые авиабилеты перемешали все человечество не хуже, чем хороший бармен – martini, все чаще выясняется, что далеко от этой точки зрения очень многие из нас не ушли. И ничего не помогает – ни возникающие из-за этого конфликты, ни срывы деловых переговоров, ничего! Слишком многие уверены: есть две точки зрения – моя и ошибочная. А ведь люди на Земле разные, и в каждом монастыре

свой устав. А уж если собрался сунуться в чужой монастырь – не надейся, что полностью выучишь чужой устав, но хотя бы старайся, и не забывай подразумевать в спорных случаях, что чужой устав отличается от твоего. Масса неприятностей при этом обойдут тебя стороной.

Множество македонцев остались бы в живых даже после поражения от римлян при Киноскефалах, если бы учили чужие уставы. Издавна для воинов фаланги, сражавшихся длинными копьями – сариссами, символ сдачи в плен был простой: подними копье вверх – и все понимают, что ты сдался. А римляне, испокон веков сражавшиеся в других боевых порядках, этого не понимали. И перебили всех македонцев, пытавшихся сдаться в плен привычным для них способом. Сами потом небось расстраивались – для рабовладельцев убийство пленников без весомых причин равносильно уничтожению ценного имущества, притом собственного. Но для них незнание чужих обычаев обернулось только материальными потерями. Македонцам пришлось значительно хуже.

Жесты вообще достаточно различны в разных странах. Все знают, что у болгар кивание головой, означающее у нас «да», значит «нет» – и наоборот. Есть даже красивая легенда об этом, повествующая, что во время турецкого ига турки приставляли болгарам к горлу ятаган и спрашивали: «Примешь ислам?» Тому, кто качал головой – «нет», ятаган перерезал горло. Вот болгары и поменяли эти жесты местами. Явная неправда, но придумано неплохо. А может быть, и правда – у некоторых индусов эти жесты такие же, как у болгар, а ведь их тоже мусульмане завоевывали! Надо подумать...

А с таким жестом, как пальцы, сложенные в колечко, легко заработать крупные неприятности. В Японии он означает «деньги», во Франции – «ноль», в США – «все о'кей», а на Кипре – «гомосексуалист». Так что американец, желающий показать киприоту, что все в порядке, или японец, предлагающий ему гонорар, могут встретить совершенно неадекватную реакцию на свои предложения.

Еще хуже дела обстоят у американца, пытающегося поймать в Греции такси с помощью привычного жеста – вытянутой руки с поднятым вверх большим пальцем. Хорошо, если грек просто торопится и не выйдет выяснять, почему этот бескультурный янки заявляет ему: «Заткнись, придурок!» – в Греции смысл этого жеста именно таков. А если выйдет? Греки – народ темпераментный...

Кстати, кому нужно твердо знать устав чужого монастыря, так это разведке. Помните, как Штирлиц оказался на волосок от провала, заказав себе на дорогу бутерброды, но не указав их числа, что бережливым немцам, да еще и в военное время, показалось непонятным и подозрительным? И в жизни головорезы Скорцени, переодетые американскими солдатами и свободно говорящие по-английски, погорели, как шведы под Полтавой, когда на бензоколонке стали просить заправить их машины бензином. «Бензин» по-английски действительно «petrol», однако американцы говорят «gasoline» или «gas». Так союзникам и пригодилось мудрое изречение: «Англичане и американцы – это два великих народа, разделенные общим языком».

В делах военных правда часто перемешивается с вымыслом. Правда ли, что американцы выловили нашего разведчика, задерживая всех, кто застегивал ширинку, уже выйдя из туалета, – сразу не скажу. А вот великий этнограф и одновременно разведчик Арминий Вамбери, который, переодевшись дервишем, проник в такие места, где христиан убивали сразу, и даже обрезанию себя подверг (то ли чтобы не разоблачили, то ли потому, что евреям тоже положено), тем не менее едва не прокололся, заслушавшись в Бухаре диковинными в этих краях венскими вальсами. Просвещенный бухарский вельможа Якуб-

хан, чей оркестр и нес в бухарские массы австрийскую музыкальную культуру, подозвал Вамбери к себе и впрямую заявил: «Клянусь Аллахом, ты не дервиш, а переодетый френги!» (европеец то есть). Еле Вамбери отговорился, просто чудом каким-то. А потом, когда через много лет у Якуб-хана спросили, как же он догадался, бухарец ответил: «На Востоке, слушая музыку, никогда не отбивают ногой такт».

И если это этнокультурное различие могло привести к трагедии, то то, о чем я сейчас расскажу, массу народа просто рассмешило – но очень уж здорово. Помните, в семидесятых повезли в наши края, в основном из Индии, чеканные кувшинчики с узким горлышком, словно из сказки про лису и журавля? Народ эти кувшинчики охотно раскупал, украшал ими комоды и фортепиано. А если в дом заходил, например, араб, то он, бедняга, не знал, куда глаза девать. Дело в том, что мусульмане не пользуются туалетной бумагой – они вместо этого моются (продельвается это, кстати, левой рукой, которая поэтому считается нечистой, и есть ею или, скажем, протягивать для пожатия по арабским понятиям есть невоспитанность и оскорбление). По указанной причине в каждом мусульманском туалете стоит вот такой кувшинчик. Представьте, что вы заходите к арабу в дом, а там в гостиной на рояле стоит биде – вот разве что с этим можно сравнить эмоции арабского гостя при виде этого кувшинчика в нашей гостиной! Бывает...

Кстати, мусульмане вообще народ весьма чистоплотный, ибо омовения предписаны им Аллахом, и поэтому даже от такого недоброго дела, как крестовые походы, была и кое-какая польза – крестоносцы завезли в Европу заимствованный ими у мусульман обычай мыть руки перед едой. Было это там как нельзя кстати, потому что в средневековой Европе, между прочим, мытье считалось очень вредным и губительным для здоровья. На этом однажды удалось неплохо заработать монахам из монастыря в Фалькенау (это где-то в Прибалтике). Подали они папе просьбу увеличить монастырю дотацию – за то, что во славу Божию подвергают себя тяжелым истязаниям. Папа прислал легата, и тот все подтвердил: добровольно сидят в адской жаре, потом обливаются ледяной водой, да еще и прутьями себя безжалостно бичуют. Пришлось папе раскошелиться. И поделом, раз не знал, что такое сауна. Именно за любовь к бане европейцы в Средневековье считали русских людьми крайне здоровыми, но необразованными: мол, таким вредным делом занимаются и не мрут, а не мылись бы – жили бы по сто лет.

Есть, кроме гигиены, еще одна тема, где один народ другой не понимает, – обеденный стол. Пищевые пристрастия складываются веками, обрастают легендами и табу. До сих пор евреи высмеивают христиан за то, что те едят свинину, индусы не любят англичан за то, что те едят говядину, европейцы наезжают на корейцев за то, что те едят собачину, русские хихикают над французами за то, что те едят лягушек. И очень глупо – значительно правильнее думать: раз другие едят не то, что мы, значит, нам больше останется!

Чего, например, плохого в том, что в Америке лучшим куском курятины считается грудка, а у нас – ножка? Наоборот, все замечательно – каждому его любимый кусочек. Как у нас в семье: я любил ножку, брат – грудку, а шуринок – гузку, и все были довольны. А в наших газетах мелькали статьи с утверждениями типа: «Американцы шлют нам то, чем сами брезгуют. Долой ножки Буша!» Не так уж их много – наше аграрное лобби выкачанное из государства кредиты не на прессу тратит, есть куда девать. Но вот никто же не написал: «Давайте наладим птицеводство так, чтоб продавать американцам нелюбимые нами грудки, а самое вкусное – ножки – оставим себе и будем есть только свои!» Интересно, почему?

Кстати, в современном Израиле (спасибо нашим бывшим землякам) борьба с трэфными, то есть запрещенными религией, мясными продуктами приняла своеобразные формы. Спросите в магазине свинины – рискуете нарваться на скандал. А на просьбу принести «белого» или «другого» мяса вынесут из подсобки такой кусочек, что у нас не сразу и сыщешь. Разводят свиней там же, но в свинарниках паркетные полы – нечего, мол, нечистым тварям топтать священную израильскую землю. Кстати, фермер никогда не скажет: «Я развожу свиней». «Я развожу жирафов» (или «низкорослых телят»), – говорит он, и все всё понимают. Да и эти табу размываются нашей эмиграцией вполне успешно. Своими глазами видел в Израиле плакат: «Всегда в продаже свежая свинина», причем в каком-то смысле на четырех языках сразу – великом, могучем, правдивом и свободном. То ли еще будет? Сказано же в Библии, что чистые животные – это те, у которых копыто разделено, жующие при этом жвачку. Свинья – парнокопытное, копыто у нее разделено, но жвачки она не жует. Ну и что? Берешь пластиночку «Орбит без сахара», съешь свинье в пасть – и она уже совсем кошерная.

Была от различия пищевых привычек и польза, причем немалая. На Украине любят свинину и вошедшее в массу анекдотов сало не просто так: смекалистые украинские крестьяне, столетиями страдавшие от опустошительных набегов татар, давно поняли, какую скотину следует разводить, чтоб татарин ее не только сам не съел, но и на продажу не угнал – ножки-то у свиньи никакие, только на холодец и годятся, а ходок она скверный. Пишу об этом, правда, с некоторым трепетом: когда мой коллега по команде привел этот факт в своей статье, немедленно появился возмущенный отклик местного завкафедрой украиноведения – что, мол, за гнусная клевета на украинский народ, впервые в истории человечества одомашнивший одногорбого верблюда!

Отдельная тема – угощение почетному гостю. Хрущев как-то раз сильно разгневался на немцев за поданный ему на приеме немецкий деликатес – суп из бычьих хвостов: «Сами быков съели, а мне, руководителю ядерной державы, хвосты оставили?!» В Европе это еще полбеды: ну не едят венгры киселя, румыны – черного хлеба, а англичане – сосисок с гречневой кашей, так что? Им другое принесут. А что делать в Средней Азии, где отказ почетного гостя от самого лакомого куса барашка – глаза – воспринимается как обида?

А каково вести дела с японцами, которые избегают говорить «нет»? Не то чтоб они не отказывали никому и ни в чем – в этом случае давно бы им конец пришел. Просто вместо «нет» они говорят: «Ваше предложение чрезвычайно меня заинтересовало. Я не имею возможности решить этот вопрос немедленно, но в ближайшее время, может быть, даже послезавтра или на этой неделе, рассмотрю его самым благожелательным образом». Японец в этом случае понимает, что ему бесповоротно отказано, не менее вежливо благодарит и уходит. А европеец или американец, радуясь согласию партнера, недовольно думает: «Ну и копуши эти азиаты – не могут сразу решить, раз уж им это так нравится» – и приходит послезавтра. Японец же думает: «А ведь правду говорят об этих гайдзинах (иностранцах) – более беспардонных людей я в жизни не видал» – и на вопрос: «Когда же мы заключим сделку?» отвечает крайне грубо – обещает все решить через три дня, когда вернется его зам, и переселяет гостя в самый роскошный номер отеля, причем за свой счет. Японцу, бедолаге, даже неудобно, что он так унижает этого варвара, он совершенно уверен, что после такого афронта нежеланный гость носа к нему не покажет, но через день вдруг застаёт его в своей приемной: гость сердито внушает его секретарше, что коль уж шефу так приспичило с ним сотрудничать, пусть уж примет его немедленно, а то он и так из уважения к нему теряет время. «Ну я тебя!» – думает потомок самураев и поступает с назойливым гостем, как с кровным врагом не поступил бы: везет в дорожный ресторан и заказывает гейш, которые стоят вообще целое состояние. Поскольку для японца такое отношение к контрагенту – плевков в лицо, а для европейца – признак крайней

заинтересованности, граничащей с угодничеством и раболепием, узел затягивается еще туже. Когда его кто-то развяжет (а скорей всего, разрубит), уже невозможно разубедить японца (европейца) в том, что эти европейцы (японцы) – люди крайне неискренние, невоспитанные и фальшивые.

А отношение к пространству и времени? У каждого народа есть свои понятия о том, на каком расстоянии можно находиться от собеседника. В результате контакт, скажем, англичанина с греком на каком-то светском приеме представляет собой забавное зрелище – нечто вроде вальса, когда грек приближается, англичанин отодвигается, и так до тех пор, пока грек не загонит англичанина в угол и не начнет втолковывать ему все, что он пожелает, даже не замечая того, что его собеседнику, мягко говоря, некомфортно. Ведь по его представлениям второй человек на таком расстоянии от него возможен только во время интимной связи или при драке, и коль скоро первое на этом приеме еще менее возможно, чем второе, чувство ожидания удара его не покидает вне зависимости от содержания беседы.

Это еще если оставить вопрос о темпе беседы и интенсивности жестикуляции. А ведь он у разных народов очень различен, и убедить, скажем, норвежца, что перед ним не психопат, тараторящий, как балаболка, и размахивающий попусту руками, а совершенно нормальный итальянец, тоже удается не всегда и не сразу. На тель-авивском рынке людей европейского воспитания тоже несколько шокируют отчаянные вопли торговцев марокканского происхождения, расхваливающих свой товар. По их понятиям, так вопить можно только при непосредственной угрозе жизни. А предки марокканских евреев сотни лет жили в условиях жесткого естественного отбора, где торговец, вопящий чуть потише, вообще не привлекал покупателей, умирал от голода и не оставлял потомства. Так что вопить они будут еще долго.

А насколько различно представление разных народов о красоте? Страсть европейцев к стройным женщинам непонятна ни арабам, давно приученным к мысли о том, что после смерти их будут услаждать в раю не какие попало гурии, а непременно толстые блондинки (не зря арабы говорят о красавицах: «Она красива, как полная луна»), ни африканцам и жителям Океании, откармливающим к свадьбе невесту, как гусыню. А как вам практикуемое в той же Африке искусственное вытягивание мочек ушей где-то до подмышек, нижней губы – чуть ли не до подбородка или шеи до такой степени, что без специальных поддерживающих колец бедная дама и ходить-то не может. Плачут, бедолаги, но терпят – иначе сочтут уродиной и замуж не возьмут. Как не брали китайнок, не бинтовавших в детстве ноги, чтоб добиться такого размера ступни, при котором можно ходить, только мелко семеня. Назовете это уродством – сочтут дикарем, не имеющим чувства прекрасного.

Причем чем менее культурен собеседник, тем резче он выражает свое отвращение к непривычному – это уж как водится. Типично обезьянья реакция: «вижу чужого – боюсь чужого – ненавижу чужого – стараюсь убить чужого». И избавляемся мы от этого с величайшим трудом и тысячелетиями – еще в Древней Греции, колыбели культуры, славили, как чудо гостеприимства, города, где было принято не убивать приставших к их берегам путников, более того, отпускать их живыми, здоровыми и неограбленными, не обращая в рабство. Слава богу, это теперь относительно общепринято – всего 2000 лет прошло. Да и то не всюду и не всегда.

А если уж увидел красивую женщину – как выразить свой восторг? В Бразилии, например, вполне уместно сказать: «Девушка, какая у вас замечательная попа!» – и вместо пощечины получить в ответ улыбку. Собственно, нормальное, почти античное отношение

к телу – у древних очень почиталась Венера Каллипига, то есть Прекраснопопая, простите за неуклюжий перевод, у нас и слов-то таких нет. А попробуйте так похвалить встреченную на улице красивую москвичку – увидите, что будет!

Хвалить представителя другой культуры тоже, кстати, надо осторожно. В рассказе Киплинга «Возвращение Имрея» этот самый Имрей похвалил четырехлетнего сына своего лакея Бахадур Хана: «Какой красивый мальчик!» – а мальчик после этого заболел и умер. С точки зрения Бахадур Хана, виновен в этом был только Имрей. Похвалил – значит, сглазил. Естественно, мстя за сына, он Имрея убил, считая себя совершенно правым. А вот убедить в его правоте британский суд и полицию, как вы понимаете, оказалось совершенно невозможным.

Да и на Кавказе до сих пор следует поосторожнее хвалить что-либо в доме хозяина – возможна куча неприятностей. Могут подарить что-то совершенно вам не нужное. Могут подарить что-то очень ценное, но о вашем такте и воспитанности мнение приобретут своеобразное. Могут продемонстрировать близость к нашим нормам и не подарить что-либо настойчиво расхваливаемое именно в надежде на этот обычай – тоже обидно, да? Красивый обычай, но только тогда, когда оба его фигуранта знают, в чем тут дело.

Видите, как сложно получается, когда суешься в чужой монастырь со своим уставом? А как хлопотно изучать чужие уставы! Вот и не изучаем – а что выходит, видите сами. Так что согласитесь, что отнюдь не вы центр Вселенной – и все пойдет гораздо лучше. Но помните – это трудно.

Вот и я, готовясь как-то к приему хорошего приятеля, по национальности индуса, пошел на рынок, долго выбирал кусочек хорошей говядины, чтоб замариновать и при госте поджарить на вертеле, и только уже купив, вспомнил, что индусы говядины не едят – корова для них священна! Пришлось сунуть в морозилку хороший кусочек, который с удовольствием прибрал бы свежим. Зато и польза была – еще раз вспомнил, как все на свете сложно. В том числе и уставы соседних монастырей. И не только монастырей...

Крик раненого таракана

Этот день издавна был особенным. Римляне, правда, предпочитали праздновать его 17 февраля, индусы – почти как мы – 31 марта. Древние германцы праздновали в этот день Новый год – и не только они. У французов, например, только в 1564 году король Карл IX издал указ о переносе начала года на первое января. А указ об этом появился именно 1 апреля. Так что до сих пор французы в этот день в шутку отмечают Новый год.

Есть и масса других толкований этой даты. У германских народов в древности 1 апреля считалось днем низвержения злого духа с неба. В Средневековье этот праздник приурочивался к пасхальным торжествам. А вот на Кавказе этот день назывался «днем подарков»: любого кавказца можно попросить о чем угодно, хоть обо всех его наличных деньгах – и он с радостью отдаст, лишь бы вы были первым, кто в этот день обратится к нему с просьбой. Так что скорее на улицу – вдруг успеете... Поверили? Вот и я вас разыграл – так, самую малость. Такой уж это праздник – 1 апреля!

Как только не называют этот день! В Шотландии – «день кукушки», в Японии – «день куклы», в Испании – «день болванов», во Франции – «день рыбы», в США – «день дураков». Но смысл один: в этот день можно и даже рекомендуется разыграть повеселее ближнего своего и в то же время постараться не быть им разыгранным. Это не так просто – все только этого и ждут. Ожидания, впрочем, иногда и подводят. В своих

интереснейших мемуарах французский академик, бывший москвич Анатолий Абрагам вспоминает, как его коллега профессор Симон с фантастическим спокойствием отнесся к сообщению о взрыве в его лаборатории, причинившем немалые разрушения. Причиной был лежащий у него на столе календарь с датой «1 апреля». Между тем взрыв действительно был...

А в России, по некоторым сведениям, все началось в 1725 году. Ранним утром жители Петербурга были подняты с постелей тревожным набатом, обычно возвещающим о пожаре: их величество пошутили, как любили и умели. К счастью, все обошлось. И с того дня в России утвердилась традиция, которая существует и по сей день. Это достаточно типичный путь утверждения традиций на Руси. Не Норвегия, чай, где 1 апреля – праздник скорее крестьянский, и местные фермеры в этот день ходят друг к другу в гости, чтоб одолжить нож для отрезания хвостов, стеклянные ножницы, мякинный плуг, угломер для навозной кучи, комариный жир и другие столь же полезные предметы.

Не был чужд розыгрышам и великий Пушкин. Некая светская красавица буквально заставила его написать стихи в свой альбом. Ну и нарвалась: поэт посвятил ей крайне преувеличенный мадригал, и только на следующий день обнаружился подвох во внешне невинной детали – дате под стихотворением. Сами понимаете какой.

Вообще, великих людей разыгрывать опасно. Ученик Кювье, нарядившийся чертом и ввалившийся к учителю с воплем: «Кювье, я тебя съем!», был мгновенно изничтожен на весьма солидной научной основе. «Копыта, рога – травоядное, ты не можешь меня съесть», – ответил великий классификатор. Так тому недоучке и надо – следовало кричать: «Забодаю!»

Легче разыграть ученого, если розыгрыш более основательно связан с его любимой наукой. Как-то раз, придя утром в лабораторию, профессор Казанского университета Александр Михайлович Бутлеров застал двух своих ассистентов за работой: стоя у вытяжного шкафа, они нагревали что-то на пламени спиртовки. На вопрос, чем они занимаются, один из них ответил: «Да вот, получаем помаленьку синильную кислоту. Если хотите, можете посмотреть, сколько уже отогнали». С этими словами он достал из шкафа колбу и так неловко протянул ее оторопевшему Бутлерову, что она выскользнула у него из рук и разбилась. Увидев разлившуюся у своих ног лужу, Бутлеров опрометью бросился вон из комнаты. Что же крикнул ему вслед ассистент? Догадаться нетрудно...

Полюбили этот праздник и многочисленные балаганщики всех времен и народов. Еще в прошлом веке один содержатель труппы факиров объявил московским жителям, что влезет в горлышко обыкновенной стеклянной бутылки. Народ валом повалил в театр, а когда подняли занавес, на сцене одиноко стояла бутылка с надписью. Два слова, из которых и состояла эта надпись, вы без труда угадаете сами. Надо было сначала посмотреть на календарь, а потом уж в театр торопиться...

Любят первоапрельские розыгрыши и средства массовой информации, причем тоже издавна. Еще 1 апреля 1835 года газета «Нью-Йорк сан» сообщила, что двое известных ученых, Гершель и Брюс, в результате совместной работы изобрели телескоп, позволяющий рассматривать людей на Луне и Марсе. Газетчиков, говорят, потом вконец задержали просьбами сообщить, как получить доступ к этому телескопу. Так им и надо! А знаменитый «Сатирикон» даже приурочил начало своего выхода к 1 апреля 1908 года. Для журнала такой тематики – решение вполне разумное.

Что обычно удивляет в современных журнальных розыгрышах – степень доверчивости читателей. По сообщению журнала «Наука и жизнь» за апрель 1977 года, в лесах Баварии обитает... рогатый заяц! Фотография зайца прилагалась – рога действительно были ничего себе. И очень многие приняли близко к сердцу семейные проблемы баварских зайцев... Впрочем, чего еще ждать от читателя, активно востребовавшего в современных СМИ колонку астрологических прогнозов?..

Кстати, с ними тоже связан забавный розыгрыш. Французские ученые предложили любому желающему бесплатный гороскоп от лучших астрологов Франции только за одну маленькую услугу – написать, насколько верно гороскоп их описал. Масса народу клюнула, прислала время рождения и получила гороскоп. Как вы думаете, сколько процентов получивших были восхищены невероятным совпадением гороскопа с их собственным мнением о своем характере? Пять, десять, двадцать, сорок? А девяносто восемь не хотите? И это при том, что гороскоп действительно был от лучших астрологов – но для всех один и тот же. Кстати, составленный для известного всей Франции зверя и садиста, серийного убийцы, этакого тамошнего Чикатило. Даже неспортивно как-то разыгрывать современного читателя после такого...

Похожая история, но с интересным продолжением случилась со знаменитым американским популяризатором науки Мартином Гарднером. Он опубликовал в «Scientific American» пародию на псевдонаучную статью о чудесных свойствах пирамиды, где писал, что пирамидальный колпак замедляет старение, возвращает бритвенным лезвиям остроту, и прочую чушь. Вскоре после выхода номера (естественно, апрельского) из печати Гарднеру позвонил издатель, специализирующийся на книгах такого рода, и предложил договор на издание книги о чудесах пирамиды. Гарднер объяснил, что это была всего лишь шутка. «Тем лучше! – ответил издатель. – Вы издадите одну книгу о таинственных свойствах пирамиды, а затем вторую – с разоблачением этой лженаучной теории». Что ж, по крайней мере прагматично.

А вообще-то, розыгрыш – дело опасное. Он ведь, как и донос, есть злоупотребление доверием. Так что помните: розыгрыш, во-первых, должен вызвать у разыгрываемого не обиду, а смех, и во-вторых, должен быть построен на чертах характера разыгрываемого – бережливости, скажем, или страсти к чрезмерной информированности... в общем, лень дальше выдумывать деликатные замены, но каждый раз, готовясь кого-то разыграть, подумайте, что в итоге получится. И постарайтесь не ошибиться.

Недавно всплыла история о том, как погорел один наш разведчик. Его заложила собственная жена. Что ж, случается. Интересно другое: ей пришлось писать второй донос – первый положили под сукно, сочтя глупым розыгрышем. Вот такие бывают шуточки.

Очень любят этот праздник в различного рода организациях. Традиция давняя, еще со времен ильфонпетровского «Геркулеса», когда каждый год в один и тот же день геркулесовцы фабриковали фальшивый приказ об увольнении Кукушкинда и клали его старику на стол, после чего он из года в год одним и тем же жестом хватался за сердце. Но прогресс в этой области двигался семимильными шагами. В годы моего инженерства всякое бывало: и телефонная просьба зайти в 517-ю комнату, а туда уже позвонили и попросили, если зайдет такой-то, попросить его зайти в 420-ю, а туда уже позвонили тоже и... ну, в общем, понятно.

Бывали вещи и позабавнее, например, демонстративный разговор при коллеге, обожающем всякие технические новинки, о том, что родственники передали из Израиля магнитофонную пленку, на которой записан крик раненого таракана. Достаточно

прокрутить эту пленку в доме по два часа вечерами в течение недели – и тараканы уходят навсегда, да еще и другим рассказывают, чтоб обходили десятой дорогой. Пленку начали жалобно просить, я, малость покобенившись, дал (как записал – не скажу, самому теперь неудобно), после первого дня прослушивания мне радостно сообщили, что тараканов стало гораздо меньше, а на второй с сожалением вернули – взбесился горячо любимый всей семьей сиамский кот.

Еще одна принятая когда-то в научных кругах шуточка – где-нибудь в середине диссертации прервать научный текст сообщением типа: «Кто дочитает до этого места, получает ящик пива». Сам видел текст: «Выбираем вторичный прибор типа «Фокке-Вульф-190», так как пояснительную записку к диплому практически никто не читает». Кстати, не прочли. Да что говорить – я лично, поселяясь в гостиницах, только года два тому бросил писать в графе гостиничной анкеты «Цель приезда» бесхитростное признание «Террористический акт». Ни разу не арестовали, ей-богу!

Теперь уже, раз признался, буду осторожен. А то чего не вытворял по молодости... Записал как-то раз на магнитофон утренний блок радиопередач начиная с семи часов, а 1 апреля запустил его через радиолу ровно в шесть ноль-ноль. Жена пришла на работу за час до ее начала и не сразу поняла, где все остальные.

Но это все вещи частные, а как же с этим праздником на государственном уровне? В СССР, например, было непросто. Впервые отмечать День смеха собрались в 1966 году, причем столицей юмора планировали объявить именно Одессу (как будто и так неясно...). Но одесситов подвел их же земляк, министр обороны Малиновский – скончался 30 марта, как раз перед праздником, и дал всем очень осторожным прекрасный повод его отменить. Но после закрытия КВН в 1972-м авторская группа одесской команды собралась и, рассудив, что «КВНа нет, а жить все-таки надо!», придумала новый вариант Дня смеха – Юморину. И уже в следующем году по улицам Одессы прошлось юморинное шествие – чуть аккуратное, чуть заорганизованное, с утвержденными плакатами, но уже достаточно яркое. Более того, лозунги Юморины принимались народом к исполнению даже с большим рвением, чем призывы ЦК, – не прошло и года, как одесситы добились исполнения юморинного призыва: «Одессит, стой! Подумай, все ли ты сделал для появления в Одессе миллионного жителя?» А во время одного из праздников на стадионе на газон выкатили стиральную машину и обещали немедленно ее вручить предьявителю фотокарточки тещи с дарственной надписью. Думаете, машину обратно увезли? Дудки, нашелся и такой – в Одессе все есть!

В 1976 году времена стали посерьезней, в юморинных шествиях и прочих моментах праздника нашли какие-то идеологические огрехи, и чтоб не рисковать, в Одессе начали увольнять с волчьим билетом любого завклубом, проводящего в этот день какое угодно мероприятие, имеющее отношение к юмору. Помню свое удивление по поводу того, что апрельский концерт известного барда Александра Дулова в Одессе был обозначен в афишах как лекция общества «Знание» «Роль авторской песни в организации досуга геологов». Но с новыми временами в Одессу вернулась и Юморина – более того, сейчас в Одессе 1 апреля официально нерабочий день. И вновь гордо реют над городом юморинные лозунги – колонна порта идет под плакатом «Доведем импортную технику до уровня отечественной!», военная кафедра меда поднимает транспарант «Враг не СПИД!», институт связи провозглашает: «Чем меньше телефонов, тем больше автоматов!», а неведомые борцы за справедливость возвещают городу и миру: «Панамский канал был, есть и будет каналом!» А вот лично мне больше всего понравилось изображение бюро находок, на котором девушка-приемщица вывешивала в окне плакатик: «Граждане! Еще не все потеряно!» Правда, хочется верить?

Все-таки насколько мы счастливей, скажем, немцев! У них выражение «Aprilgluck» (дословно «апрельское счастье»), этимология которого тоже, по ряду источников, связана с этим праздником, означает счастье переменчивое, обманчивое. А у нас 1 апреля – просто радость без границ. Так и нужно. Не забудьте подойти к кому-нибудь и сказать: «У тебя вся спина белая». Особенно это уместно летом на нудистском пляже. Впрочем, прав Дон-Аминадо – там лучше подойти и сказать: «Маска, я тебя знаю!» Так что не стесняйтесь, говорите – и какая разница, поверят или не поверят? Это же просто знак внимания. Кстати, что это у вас вся спина сзади? С праздничком!

Тень на бюллетень

Все деревья, стены домов и павильончики на троллейбусных остановках залеплены плакатами. Выборы – что тут поделаешь? Совершенно понятно, почему в древнем Вавилоне и Ассирии это не прижилось – больно уж тяжело выбивать предвыборные лозунги клинописью, а потом их менять, чтоб, не дай бог, ассирийский избиратель не увидел, что обещал нынешний владыка на прошлых выборах. А вот бумага – она все стерпит. Но как же в древности без выборов обходились?

Обходились, но не всюду. Родина демократии – Древняя Греция, это знают все. А насколько эта демократия была непохожа на нашу – лишь немногие. Начнем с того, что она была настолько демократична, что во многих случаях не давала никаких преимуществ даже самым достойным и талантливым, не говоря уже о самых порядочных. На целый ряд выборных должностей претенденты просто назначались по жребию. Чего удивляться тому, что назначенные таким образом присяжные осудили Сократа?

Еще одним замечательным вкладом Греции в демократию были выборы наоборот, или остракизм. Говоря нашим языком – выявляли больно умных. Или богатых, или влиятельных – в общем, заметных людей. Их автоматически объявляли опасными для демократии и обязывали в течение десяти лет блистать своими талантами где-нибудь подальше от отечества. Честь их это никак не порочило, имущество сохранялось, родственники не преследовались, но будь любезен, не показывай носа на милой родине всего каких-то десять лет. На одном из таких голосований к одному из лидеров Афин эпохи персидских войн Аристиду подошел, видимо, неграмотный человек и попросил нацарапать на его черепке для голосования (черепок по-гречески «остракон», откуда и название процедуры) имя Аристид». «Почему?» – поинтересовался Аристид и услышал в ответ: «Я его не знаю, но мне не нравится, что его слишком часто называют «справедливым». Аристид молча выполнил просьбу избирателя, а поскольку нацарапавших его имя оказалось немало, после голосования отправился в изгнание.

Следующим шагом демократии в Древней Греции был имущественный ценз. Еще Солон разделил граждан по доходам на четыре категории: чем больше доход, тем больше и прав. Высшее руководство избирают только самые богатые, причем из своей же среды. Раньше это получалось само собой, ибо заниматься государственными делами мог только тот, кто имел возможность не отвлекаться на зарабатывание хлеба насущного. А при Перикле, чтобы расширить круг имеющих гражданские права, было решено выплачивать вознаграждение гражданам, исполняющим выборные должности, дабы они могли послужить родине, не умерев при этом с голоду. Называлось это вознаграждение, что забавно, диетой. Конечно, это правильно, ибо нищий депутат даже опасней нищего чиновника, но сколько же нужно платить, чтоб искушение возместить недоплату с помощью взяток исчезло? Судя по газетам, даже у богатой Америки пока не хватает на это средств.

Интересная демократия имела место в Спарте. Всевозможные предложения вносились только царями и геронтами, а народ должен был их только одобрить. Причем спартанское голосование, как мне кажется, больше всех других заслуживает этого названия: все решала громкость голоса. Побеждало то предложение, сторонники которого громче орали в его защиту. Нечто подобное имело место у нас в Гражданскую войну и породило выражение «шалапинские права: у кого бас здоровше, тот и прав». А коль громкие голоса оказывались не у тех, вступал в силу еще один спартанский закон: «если народ проголосовал неправильно, цари и геронты имеют право распустить народное собрание». Кто решал, что правильно, а что нет – понятно. Вот такая демократия.

Традиционным образцом демократии долгое время считалась Римская республика. По нашим понятиям, в ней тоже не все просто. Тамошний парламент – сенат – учреждение не выборное, а наследственное. Выборные лица, обладающие всей полнотой власти, назывались консулами, что знаменитый историк Моммзен переводит так знакомым нам словом «товарищ». Товарищи консулы получали свои полномочия всего на год, будучи абсолютно равными, что, в принципе, таило опасность: а что делать, если один консул прикажет одно, а другой – другое? Выходили из этой трудности по-разному; например, командовали войском по очереди: день – один консул, день – другой. В результате при Каннах демагог товарищ Теренций Варрон дождался своего дня и двинул армию на поле боя, на котором она практически вся и погибла, включая его коллегу Луция Эмилия Павла, категорически не желавшего сражения в этих условиях. Сам Теренций, что интересно, уцелел. В отличие от его избирателей.

Выборы – это еще и ответственность. Интересно, что римляне додумались не только до разделения властей (впрочем, и в законах Солона уже было нечто подобное), но и в трудных для Рима ситуациях до выбора не двух консулов, а одного диктатора с властью, близкой к абсолютной, но только на полгода. А потом, будь добр, сдай полномочия и отчитайся. Фабий Максим истощил силы Ганнибала крайне непопулярной в массах войной на изнурение, потому что имел диктаторские полномочия. А лишился он их как раз перед Каннами.

Что же выходит, от выборов вред один? Нет – просто ответственности больше. И в итоге Рим выбрал себе руководителей, которые сломили Ганнибала, поскольку республика была еще крепка. Авторитарный режим подтачивает произвол, а выборный – коррупция. Но во втором случае больше возможностей корректировать ситуацию. Зато как обидно, что в своих бедах, в принципе, некого винить, кроме себя! Ужасное чувство, и такое знакомое...

Кстати, Марк Твен говорил по этому поводу, что монархия была бы наилучшей из возможных форм правления – но при двух маленьких условиях. Чтоб монарх был наилучшим человеком в мире, и чтоб при этом еще жил вечно. Но поскольку ни то, ни другое нереально, монархия слишком часто оказывается не лучшей формой правления, а как раз наоборот.

Еще одна вещь, неотъемлемо связанная с выборами, – это партии. Они появились в античные времена и сохранились даже при империи, когда о настоящих выборах не было и речи, под своеобразной маскировкой. Сторонники определенных идей демонстрировали свое единство на ипподроме, болея за определенные цвета одежды колесничих. «Зеленые» боролись с «синими», император поддерживал то тех, то других, организации болельщиков возглавляли восстания... Все равно как если бы у нас болельщики «Черноморца» выступали за свободную торговлю, сторонники «Карпат» клеймили торсиду донецкого «Шахтера» за недостаточный патриотизм, а в газетах бы обсуждали,

поддержит ли президента на выборах киевское «Динамо» и выполнит ли он данное болельщикам «Днепра» обещание провести через Верховную Раду закон «три корнера – пеналь». Невозможно? А то, что есть, казалось вам возможным лет, скажем, двадцать назад?

Если античная демократия – это Греция и Рим, то средневековая – это, конечно, Англия. Но и там с выборами случалось всякое. Бичом английского парламента много столетий были «гнилые местечки» – захиревшие городки, которые когда-то, в пору процветания, получили право посылать депутата в палату общин и в силу английского консерватизма не лишились его и тогда, когда в нем всех-то жителей оставалось полторы калеки. Купил себе такое местечко – и ты депутат, а целый ряд крупных городов и голосовать-то не имеет права. Доходило до шедевров театра абсурда: местечко, поглощенное морем, тоже посылало депутата в парламент. Владелец местечка с двумя слугами выезжали на лодке в сторону этого Китежа, доплывали до места, где когда-то была площадь (а кто проверит?), и голосовали, причем всегда единогласно. После тяжелой борьбы эту систему удалось отменить только в 1832 году. Тут, правда, начали работать другие ограничения – и в первую очередь различные цензы. Кстати, в Англии и здесь положение уникальное: не голосуют три категории населения – умалишенные, преступники и... члены палаты лордов. Палата лордов – вообще интересный орган. Кворум там составляют председатель и любые двое ее членов. По нынешним временам, когда их около 1200 человек, выходит чуть меньше трети процента. Мировой рекорд!

А самое экзотическое избирательное право Средневековья, по-моему, имело место в Польше. Только единогласие всех шляхтичей на сейме – иначе решение не принято! Один-единственный шляхтич говорит: «Не позвалям!» – и все остальные просто не могут ничего сделать, разве что тихонько прирезать его чуть после. До поры до времени и это помогало, но когда в годы упадка и междоусобиц, после потери Украины и шведского «потопа» за спинами шляхтичей, срывающих сеймы, замаячили тени своекорыстных магнатов, процесс, как говорится, пошел и закончился тремя разделами страны, на сто с лишним лет исчезнувшей с географической карты. Впрочем, на выборы ли тут пенять? Один умный югослав как-то заметил, что хорошее всегда атакуют с двух сторон. Например, враг морали – не только аморальность, но и ханжество. Так и с демократией – анархия вредна для нее не меньше тирании.

А вот еще одни любопытнейшие выборы, сохранившиеся с глубокой древности, – выборы папы римского, конклав. До современных выборов в два тура (во втором баллотируются два победителя первого) тогда еще не дошли, ситуация пата, когда ни у одного из кандидатов нет большинства, встречалась часто, а жить без духовного главы католикам неуютно. Что же придумали, чтобы все-таки заставить кардиналов выбрать папу? Довольно простую вещь: кардиналов запирают («конклав» и значит «закрытый»), пока не выберут папу – не выпускать, если за определенное время выборы не состоятся – посадить на хлеб и воду, а если и это не поможет – разобрать над ними крышу, пусть мерзнут и мокнут. Система работает настолько надежно и устойчиво, что возникает вопрос: не использовать ли ее в Думе или в Раде для принятия бюджета? С этим вечно какие-то трудности.

Теперь о цензах. Самый действенный из них, конечно же, имущественный. Чуть тронь его – и состав представительного органа меняется на глазах. Именно манипуляции с имущественным цензом и бросали из стороны в сторону российскую Думу перед революцией. А в Пруссии середины позапрошлого века избиратели были просто разделены на три курии, каждая из которых посылала в ландтаг одинаковое число депутатов, потому что платила одинаковую сумму налога. Естественно, что число

избирателей в первой и третьей курии отличалось в десятки раз. Да и во Франции начала прошлого века был популярен призыв: «Обогащайтесь – и вы тоже станете избирателями!» Обосновывалось это тем, что именно платящие налоги и должны распоряжаться ими. Но вот стимулирующего влияния такой системы на рост числа налогоплательщиков и тем самым на стабильность общества зафиксировать не удалось, и мировая тенденция в этом плане одна – голосуют все вменяемые граждане, вне зависимости от толщины их кошельков.

Еще один ценз – образовательный. Достаточно часто от избирателя требовали хотя бы умения прочесть избирательный бюллетень. Это теперь в ряде стран названия партий в бюллетенях дублируют рисунками, чтоб часть избирателей знала, где поставить свой крестик. Марк Твен, например, в своей утопии «Удивительная республика Гондур» описал страну, где голос образованного избирателя значительно весомей, чем необразованного. Беда только в одном – образование само по себе не заменяет ни ум, ни порядочность. Так что и этот ценз потихоньку усыхает. Удерживает позиции только ценз оседлости – чтоб не возили автобусами избирателей с участка на участок. Бывало ведь, что возили, несмотря на ценз...

Еще один любопытный вопрос – кворум. Активность избирателей периодически падает (в наших краях я их не одобряю, но как-то понимаю), угроза, что выборы не состоятся вообще, понижает процент явки, достаточный для того, чтоб выборы признали состоявшимися. До какой цифры? Тут радикальнее всего к проблеме подошли швейцарцы. Одна из старейших демократий Европы обожает референдумы по любому поводу, и все они признаются состоявшимися, так как кворума у них... вообще нет! Если проголосуют три человека, и два выскажутся «за», а один – «против», решение будет принято, а всем, кому оно не нравится, останется жаловаться только на себя – почему не голосовали? Честно говоря, не вижу, к чему при такой логике придаться. Особенно с учетом известного высказывания о том, что плохие правительства выбирают хорошие граждане, которые не ходят на выборы.

А можно ли предсказать результаты выборов? Что-то опросы, разумеется, говорят. Не при нашем состоянии социологии, где, бывает, у заказчика напрямую спрашивают: «А какой результат вы бы хотели получить?» Но прокалываются и американцы с их сверхмощными гэллапами и харрисами. В 1948 году Стивенсону предсказывали убедительную победу над Трумэном – данные телефонных опросов были крайне убедительны. Не учли одной мелочи – телефон тогда даже в США был у более благополучных и образованных. А нетелефонизированных убедил главный козырь Трумэна: Стивенсон, мол, слишком интеллигентен и будет сомневаться и рефлексировать в момент, когда понадобится нажать Большую Красную Кнопку... А Айзек Азимов довел идею опросов до абсурда, описав фантастический мир будущего, где компьютер выбирает одного-единственного американца, всесторонне опрашивает его и на основании этого опроса и называет президента. А чего, вполне возможно. Если правильно выбрать избирателя. Но это уже другая задача.

Выборы, кстати, уже потому хороши, что самые авторитарные диктатуры стремятся сделать вид, что выборы у них есть, а обратное, вообще говоря, неверно. Помните советские выборы с одним-единственным кандидатом? Еще анекдот по этому поводу был. Председатель колхоза говорит крестьянину: «Продай арбуз». Тот ему выносит единственный арбуз: «Выбирай». «Из чего же выбирать?» – удивляется председатель и слышит в ответ: «А как мы тебя выбираем?»

А вот самое щекотливое: как бороться с фальсификацией? Технологии голосования помогают слабо. В жарких странах, например, проголосовавшему просто мажут палец несмываемой краской или выстригают клочок волос, чтоб не пришел вторично. Но у нас народ на такое не пойдет. Впрочем, есть мнение, что выборы с нарушениями лучше отсутствия выборов, ибо проще улучшить контроль, чем создать выборный механизм на пустом месте. Мировой опыт показывает, что при наличии небольшого числа реально соперничающих партий с фальсификациями действительно удается потихоньку если не справиться совсем, то свести их к приемлемому уровню. И не надо очень уж нас упрекать – в Либерии на выборах 1927 года число голосов, полученных президентом Кингом, в пятнадцать с половиной раз превысило общее число избирателей...

Еще один источник хочется посмотреть, когда говоришь о выборах, – Книгу рекордов Гиннесса. Оказывается, наибольший перевес голосов на выборах – 4 726 112 – получил Борис Николаевич Ельцин в 1989 году на выборах в Верховный Совет СССР. Господи, как давно это было... А какой восторг вызывают результаты выборов в КНДР 8 октября 1962 года! Сто процентов избирателей участвуют – и сто процентов голосуют за Трудовую партию Кореи! Есть ли более удивительные выборы? Да – в Албании 14 ноября 1982 года. Из 1 627 968 избирателей один проголосовал против! Кто он, где утверждали его кандидатуру? Не знаем и не узнаем.

И опять всплывает вопрос – а такая ли уж безоговорочная панацея от всех бед эти выборы? Теодор Моммзен в своем знаменитом труде «История Римской империи» походя упоминает, как о давно известном факте, что тирания есть обычное следствие всеобщего избирательного права. Разве не законным путем пришли к власти Гитлер и Муссолини? Греки бы даже тираном Гитлера не назвали – да, изверг, злодей, диктатор, но не тиран, за него проголосовало большинство. Да и у нас после многих лет отсутствия нормальных выборов дело быстро дошло до выборов завлабов, директоров таксопарков и заведующих пунктами сдачи стеклотары. Апофеозом этого времени стала песня Георгия Васильева и Алексея Иващенко «Новые времена в селе Непутевке», где крепостные одного села выбирали себе барина взамен ушедшего на пенсию. Кончились эти выборы очень скверно. И не только в песне. Как сказал Шоу, при демократии избирают многие несведущие, тогда как раньше назначали немногие продажные...

Но на это есть что возразить – хотя бы то, что, по данным политологов Зеева Маоза и Брюса Рассета, между демократическими государствами никогда не возникает военных конфликтов (разумеется, «демократии» типа КНДР не в счет). Черчилль, признавая многочисленные недостатки выборов, тем не менее говорил: «Да, демократия – это наихудшая система управления. Если не считать всех остальных». И еще от одного факта не отмахнуться – при прочих равных условиях благосостояние страны с нормальной избирательной системой заметно отличается в лучшую сторону. Беда ведь даже не в ошибках, а в том, что страна без нормальных выборов исправляет их гораздо хуже и медленнее.

Так что я всегда хожу голосовать. Я, конечно, один, а всех остальных – много. Но у меня хотя бы не будет оснований упрекать себя в том, что я промолчал и позволил кому-то решать за себя. Этого, конечно, мало. Но давайте начнем хотя бы с этого.

Хорошо забытое новое

Читать газеты все скучнее, ибо некоторые слова повторяются все чаще, вытесняя все прочие – в частности, слово «кризис». Мир уже настолько долго в экономическом и финансовом кризисе, что невольно лезешь в историю разузнать, что это такое. Старик

Даль пишет, что это «перелом, переворот, решительная пора переходного состояния». А по-гречески это слово значит и решение, и, как ни печально это признать, приговор (от «кризо» – разрешаю, сужу). Кризис, по мнению врачей, сменяется или лизисом – постепенным улучшением, или сами понимаете чем. Что-то здесь не так. Ведь выходит, что кризис – дело быстротечное, после него или умирают, или выздоравливают. А тут какой-то иной кризис, то есть приговор – как шутили после революции, «семь лет строгого расстрела», и лизисом что-то и не пахнет... Что же это такое на самом деле?

Проще всего посмотреть в исторических трудах. Верно говорил Герцен – прошлое пророчесствует, и знать прошлое не мешает хотя бы для того, чтобы не самым идиотским образом продолжить настоящее. Бывали ведь кризисы не только сейчас и не только у нас – чем они кончались, правда ведь, любопытно? Только давайте сейчас не говорить о политических кризисах из естественного чувства брезгливости и понимания того, что слушать друг друга и вообще кого угодно наша политическая так называемая элита так же готова, как снять с себя депутатскую неприкосновенность, и мы знаем почему. Все равно основа политики – экономика, вот давайте об экономических кризисах и поговорим.

Для современного историка большинство кризисов древней экономики начинались с кризиса экологии. Греки Нового Света, создатели уникальной цивилизации городов-государств майя, время от времени, и не так уж редко (примерно раз в 300 лет), покидали свои города и уходили к черту на рога строить новые. Ни следа внешнего врага, который принудил бы их к этому, – в чем же дело? А очень просто: жрать нечего становилось – они же даже до плуга не додумались! Подсечно-огневая система земледелия кончается, когда кончаются леса, и приходится перебираться поближе к новым.

Нечто подобное было и на Кипре в раннюю античность – кончались леса. Только по другой причине. Кипр – чуть ли не первый в мире медный рудник, недаром медь по-латыни «купрум». Вот и сжигали лет за 50 все леса острова в медеплавильнях, а потом разбегались по соседним островам, чтоб с голода не подохнуть, пока новые леса не вырастут. Очень обычная в природе вещь: когда человек доигрывается до сокращения своей численности, а в итоге и хозяйственной деятельности, природа постепенно все восстанавливает. В начале 60-х волнорезы одесских пляжей кишели крабами, в конце 70-х, чтоб поймать крабика, показать сыну, надо было понырять глубоко и долго, а сейчас их опять навалом – спасибо бездействующим заводам. Все, как на Кипре 3000 лет назад, – даже насчет «разбежаться». Сегодня мне пишут из Флориды, из Калифорнии, из Хайфы, из Питера и из Сиднея – все еще не так давно одесситы. Кстати, не самые бестолковые – в первую очередь кризис разгоняет талантливых и работающих, желающих не дать простаивать своим способностям и уверенных в том, что где угодно не пропадут. Что кризиса отнюдь не замедляет.

Кстати, кипрский кризис не есть какое-то чудо. Одна из типичных разновидностей кризиса – энергетический, плавно переходящий в экономический. Вот в Англии во второй половине XVI века истощились леса и промышленность не без проблем перешла на каменный уголь (там, где я нашел эту информацию, писалось, что это был первый в мире энергетический кризис – тоже мне специалисты, со времен только что рассказанной кипрской истории 3000 лет прошло...). А сейчас, ибо мировые запасы нефти по определению конечны, уже возникают первые контуры нового энергетического кризиса – нефтяного. Но он слишком тесно связан с политикой, поэтому о нем слишком подробно я, пожалуй, не буду. Разве что о мелочах – как американцы автомобили с четными номерами были вынуждены заправлять по четным дням, и наоборот, а Япония под шумок протолкнула на американский рынок свои экономичные микролитражки (а сами японцы, кстати, пересели на велосипеды, да так бодро, что к середине 80-х на двух японцев

приходился один велосипед – я думаю, тандем). Ну и для коллекции – ужастик Хейли о том, как арабы потребовали себе на все напечатанные сверх меры нефтедоллары товары и драгоценности, с понятными последствиями. Долларов ведь по миру ходит – ой-ей-ей! В том числе и нашими стараниями, как единая конвертируемая валюта стран СНГ.

Кстати – о валютных кризисах. Вызвать их – дело совершенно несложное. Надо напечатать много-много денег и ждать результата, обычно очень недолго. Средство очень старое – еще в среднеазиатской крепости Старая Ниса найдена чертова уйма надрубленных и перерубленных пополам монет двухтысячелетней давности. Проверили – фальшивые. Крепость, что характерно, кочевники разрушили. Войску, видите ли, платить надо. Спартанский царь Лисандр оставил афинские триеры без моряков, просто начав платить служащим ему четыре оболы вместо трех. А на фальшивые деньги только фальшивое войско и нанимается.

Хотя, в свое время финансовый кризис было не так-то просто устроить – монеты металлические, а металл тоже денег стоит. Елисавет Петровна, возлюбленная тишина, в свое время желала во избежание описанных неприятностей выпускать медные рубли, но чтоб меди в них было действительно на рубль. В результате Ломоносов наградные две тысячи целковых еле довез домой на телеге, а досужие остряки прозвали такие рублевики «пряниками», ибо здорово смахивали и по форме, и по размеру. Правда, другие самодержцы без зазрения совести портили монету, добавляя дешевую лигатуру. В те времена это была такая форма государственного займа, и после конца кризиса скверные монеты само государство пыталось изъять и заменить на полновесные. Но не тут-то было, ибо есть известный всем нумизматам закон Коперника – Грэшема (Коперника, кстати, того самого) – если хорошие и плохие деньги ходят одновременно, вскоре после этого в обращении остаются только плохие, а хорошие припрятываются на черный день.

Так и заработал Генрих VII Английский малоприятное прозвище Старый Медный нос. Когда, начисто убив масштаб работы конкуренцию фальшивомонетчиков, он начал штамповать медные деньги, покрытые тонким слоем серебра, вскоре масса добрых граждан Англии начали замечать, как на выступающей части аверса монеты – носу королевского портрета – начала проступать из-под стертого серебра ее истинная сущность. По мне, явное оскорбление Величества, караемое жуткой «квалифицированной» казнью, о которой и подумать-то страшно, но применяли ее почему-то не к Его Величеству, а к тем беднягам, которые называли эту монетку ее правильным именем неосмотрительно близко от ушей полиции.

Даром такие штуки проходят редко. В России в 1662-м, аккурат после присоединения Украины, державу потрянул «Медный бунт» – практически стихийное возмущение новой медной монетой. Импортного серебра вообще традиционно не хватало. Иностранную монету российская казна даже не перечеканивала, а просто ставила и свое клеймо рядышком – вроде как на долларовой монете начеканить надпись «8 гривен» и пустить ее в оборот. А тут, когда казну разворовали до полного неприличия, вопрос решили со спартанской простотой – начеканили медных монет того же веса, что и серебряные, и объявили, что эта медяшка стоит столько же, сколько и такая же серебряная денежка. Из фунта меди стоимостью в 12 копеек выходило денег на 10 рублей – выгодно, однако, особенно если налоги требовать только серебром, а расплачиваться медью. Поскольку меди хватало, их начеканили по самые извините, а потом жутко удивлялись, что харчи в мгновение ока вздорожали в 15 раз и народу нечего жрать. Дальше бунт как бунт: грабежи, переговоры, стрельцы, репрессии, казни, выжигание на лбу буквы «Б» (это значило «бунтовщик», а не то, что вы подумали) – но деньги пришлось отменить, обменяв их по серебряной копейке за медный рубль, что и указало их истинную цену.

Нечто подобное было и в добываемой Петром Швеции в 1715 году. Вошедший в доверие к Карлу XII барон Герц (авантюрист, скажу вам, совершенно первостатейный) ввиду полного разорения страны предложил чеканить медные «нотдалеры» – «деньги нужды». Точь-в-точь как серебряные за исключением материала, но цена та же. Поскольку он все-таки не был монархом, его за успехи упомянутой реформы наградили по заслугам – обезглавливанием на площади под бурные рукоплескания народа. Так что, если инициаторам печатания ассигнаций для решения государственных проблем интересно, исторический прецедент реакции на это есть.

Некоторые могут сказать: «А мы-то при чем? Металлические деньги, в которых металла как раз на их стоимость, отошли в область предания или стали просто средством накопления. Ну так выпустят новые гривны на другой бумаге – какая разница?» Не совсем так. Устроить обвальную инфляцию с помощью бумажных денег умели еще придумавшие их китайцы. Да и не только они. Сравните любого французского финансиста с шотландцем Лоу – увидите, что будет. А лучше убегайте сразу, ибо не просто изобьет, а еще и ругаться начнет, а у них, лягушатников, это скучно – обиднее «рогоносца» так ничего и не придумали. Интересный был, однако, человек Лоу! Прибыл в сумасбродное время Регентства во Францию со свежей идеей – организовать выпуск бумажных ассигнаций, и таки увлек ею не только власть имущих, но и массу народу. Очереди рвущихся обменять свое золото на ассигнации загромождали тротуары, длились сутками, места в них покупались и продавались. Денег было поначалу так много, что хватало расплатиться с любыми желающими обменять ассигнации на золото по указанному банком курсу и еще оставалось. А потом народу стало мало купить жене сапоги и все кинулись покупать за ассигнации недвижимость в Париже, тем паче что им было туда малость поближе, чем Лене Голубкову.

А поскольку стоимость ассигнаций стала гораздо больше, чем стоимость дворцов и доходных домов, некоторые насторожившиеся домовладельцы стали требовать расчета в золоте. Это и было началом конца, ибо вектор массового психоза с легкостью меняет знак на противоположный, совершенно не изменяя абсолютной величины. Очереди желающих сдать ассигнации и получить золото быстро стали еще больше недавних. А поскольку от всей этой кипучей деятельности золота в стране больше не стало, скорей наоборот, история быстро пришла к печальному финалу. Несчастный Лоу по причине тогдашней отсталости даже не имел возможности избрать себя депутатом Национального собрания от какого-нибудь заштатного Сен-Жермен-де-Пре и получить депутатскую неприкосновенность, и его судьба оказалась много печальнее, чем у Мавроди, – бегство, арест, тюрьма и смерть в нищете и безвестности, а в заключение – его последние слова: «Я этого не хотел!» И кому, спрашивается, от этого было легче?

Видно, Лоу плохо учил в школе историю. Или хорошо – в зависимости от того, чего он хотел на самом деле. Именно на Британских островах в свое время воздвигли пирамиду подороже Хеопсовой, и имя ей было «Компания Южных морей». Как совершенно убедительно доказал еще Хеопс, нет более чудовищной пирамиды, чем та, которая строится с участием государства. Чтоб получить от короля запрошенные им неслыханные привилегии, глава этой компании, созданной для торговли с открытыми к тому времени жаркими странами, ее глава Джон Блэнт в 1719 году просто предложил... взять на себя проценты по государственному долгу. Скажите честно – у нас бы отказались? Началось настоящее спекулятивное безумие, несколько человек, продавших акции вовремя, разбогатели так, что один провинциальный сквайр попытался на нажитые денежки перекупить корону у польского короля Августа II... Усугубляло вакханалию участие в

этих спекуляциях лично Георга I и его любовниц (как все-таки здорово, что при демократии президенты в основном люди не первой молодости!).

А кончилось все, как всегда, ввергнув страну в тяжелейший кризис. Пришлось Роберту Уолполу делать вещи жуткие, о которых недавно и подумать было страшно – налоги снижать (с поземельных собственников, например, вдвое), таможенные тарифы перелопачивать, систему госрегулирования промышленности отправить на свалку к прочим реликтам феодализма, экспорт поощрять, а чтоб было чего экспортировать – заниматься собственной наукой и промышленностью... Описали все это существенно позже – как и положено, с творчеством и свободами в послекризисную эпоху ничего хорошего не произошло, кончился расцвет литературы, заглохли журналы, политика сменилась экономикой, полемика конкуренцией, а безудержный импорт дремучим протекционизмом (с женщин прямо на улице срывали ситцевые платья по наущению фабрикантов тонких сукон, плохих, но своих). Вот в какую сторону качается маятник после кризиса. Кто доживет – увидит.

Это кризис инфляционный. Казалось бы, с ним очень легко бороться – не печатай денег, и все тут. Оказывается, тогда можно влететь в кризис дефляционный, когда все просто перестает работать, поскольку нечем расплачиваться. Дефляционные меры германского канцлера Брюнинга кончились в 1933-м вместе с многопартийностью, демократией и свободой слова. Вот как опасно заигрывать в монетаризм... Это только Пиночет может себе позволить, и то не так давно мы увидели, чем это для него кончилось. Однако можно все-таки пройти по лезвию бритвы, вцепиться в курс и держать его, а экономику при этом оживить – как в Эстонии и Польше. Но это ж не надо тратить на что ни попадя... Ишь чего захотел!

Еще один любопытнейший вид кризиса до нас, оказывается, знали многие – от персов до византийцев. С византийцев и начнем, ибо именно Юстиниан Великий вогнал свою страну в такую знакомую нам вещь, как кризис налоговой системы. Юстиниан был человеком иного времени, чем мы, причем абсолютным монархом, ни перед каким парламентом не ответственным. Поэтому он не знал, что, когда налоги становятся больше определенного предела, их все равно собрать нельзя, а если бы ему и сказали такое – не поверил бы. Деньги, понимаешь, нужны, Римскую империю восстанавливать – пищать будут, а заплатят! А если они не заплатят и скроются в леса, бросив убыточное хозяйство (не продашь – кто же такое купит?), пойдут в разбойники или, этакое негодяи, чтоб досадить империи, злонамеренно повесятся, чтоб уж точно никаких налогов не платить, то собрать недостающий налог с их соседей! Войска хватит... Что при этом остается от хозяйства страны, казалось, легко можно себе представить. Ан нет, судя по всему... Причем самое противное то, что введший эти правила руководитель может и не заметить, чего сотворил, на протяжении срока своего понтификата. Зато у его преемника вообще не будет никаких шансов. Страшная штука – налоговый кризис, особенно потому, что кажется, будто все хорошо – расходы меньше доходов, если все собрать. Но некоторые вещи – и не только жизнь – у человека можно отнять только один раз.

Были и другие кризисы. Что впилося в мягкие ткани Римской империи и сосало кровь до полной анемии, распада, взятия Рима вандалами и пленения последнего императора (как ни странно, тоже Ромула) вожаком наемного отряда, по-нашему – шайки? Есть разные мнения, и все они частично верны. Вот Лев Николаевич Гумилев говорил, что все серебро Европы утекло через Великий шелковый путь, потому что на шелке вши не удерживаются, в Европе тогда шелкопряда не было, а поменьше чесаться больно уж хотелось. Так сказать, кризис платежного баланса. Тоже понятно – чтоб купить то, без чего никак не обойтись (скажем, топливо), надо продать что-то свое минимум на ту же

сумму, а если не можешь, рано или поздно платить будет нечем, и придется говорить о своем кредиторе что-либо вроде того, что римляне говорили о парфянах и персах – что это дикий Восток, ненавидящий культурный Запад, что если шелк в кредит не дают, то они все гады, а если дают, то тем паче гады и пусть не возражают, а то за уже взятое не заплатим. Парфянам, а позже персам, это не нравится, и начинается война, а шелк, наоборот, кончается. На несколько столетий.

Но еще более масштабный кризис Рима – кризис производственных отношений. С одной стороны, раб работает бесплатно, и это очень выгодно. Надо, конечно, кормить, но не бывает же на свете полного счастья! Но с другой стороны, раб работает плохо. Если не наказывать, не стращать, не избивать – еле шевелится, отдыхает не меньше тридцати минут каждые полчаса. Если же наказывать – делает вид, что работает, но почему-то инструмент беспрерывно ломается, скотина болеет и дохнет, все хрупкое бьется, горячее горит, ценное пропадает, какие органические вещества попадают в вино и масло – сказать неудобно, а если такого уличить и забить до смерти – придется покупать другого, который будет ничуть не лучше.

Дальше все совпадает с происходящим через два тысячелетия до мороза по коже. Рабовладельческий колхоз не распускают, а переименовывают – вводят КСП, коллективные сельскохозяйственные предприятия... тьфу, институт колоната, оставляют тому, кто работает, не чтобы с голоду не умер, а определенный процент, и это уже что-то дает, но немного – все равно что с тобой председатель колхоза... господи боже мой, опять сбился – хозяин виллы захочет сделать, то и сделает, и что тебе оставить – это он решает, и земля не твоя, а его (чтоб парфяне не скупили, небось). В общем, все такое родное, до боли знакомое – даже то, что свободные общинники в импортных штанах (а других в Риме не было – они в тогах ходили) что с таким государством хотели сделать, то и сделали. Как латифундист с колоном – см. выше.

Рим у нас вообще чемпион по кризисам. На его примере прекрасно можно наблюдать и последствия экологического кризиса – знаменитые римские акведуки подавали им водичку горных ключей по свинцовым трубам, а свинец – страшный кумулятивный яд, накапливающийся в организме годами и делающий свое черное дело исподтишка. Выпейте стакан воды из-под собственного крана – и сразу почувствуете себя римлянином эпохи упадка... или великого переселения народов... в общем, плохо почувствуете. Да и в падении Афин эпохи Перикла немалую роль сыграла непонятная болезнь, именуемая Плутархом чумой. А в Уганде сейчас леса почти свели – сжигали трупы умерших от повального там СПИДа. Все, как всегда...

А вот одного кризиса у нас нет. В словаре иностранных слов, составленном в 1954 году, я прочел, что неизбежным следствием капитализма является кризис перепроизводства, когда всего навалом и все, что выпустили, продать не успевают – вот это и есть самое страшное несчастье, которое капитализм непременно погубит. Судя по всему, у нас капитализмом пока и не пахнет, а то где же этот кризис? Не самая худшая гибель... Конечно, много чего можно было бы рассказать о Великой депрессии, о «черной пятнице» в 1929-м, когда разорились тысячи и пострадали миллионы, о безработице, закрытых биржах, падении курса национальной валюты... Но что о ней рассказывать? Газеты небось читаем. Мало что изменилось – разве что без перепроизводства обошлись, если не считать перепроизводства государственных ценных бумаг. Но должен же быть какой-то прогресс? Во времена Великой депрессии непроданное зерно, чтоб удержать цену на него, сжигали. Может, и с дутыми гособлигациями следует так поступить?

Или лучше поинтересоваться у штатников, как же они выходят из депрессий? Вывел же страну Рузвельт... Может, потому советские генсеки все были такие хворые – ждали, пока паралитик появится. Да и Рейган депрессию победил, года на это не потратил. Кстати, знаете, как он объяснял американцам, чем отличается депрессия от спада? «Спад – это когда работу потерял твой сосед. Депрессия – это когда работу теряешь ты сам. А знаете, что такое оживление? Это когда работу потеряет Джимми Картер». Сиречь соперник Рейгана по выборам. Надо признать, Рейган не обманул. Что в предвыборную кампанию обещал – то после победы исполнил. Может быть, в этом все дело?

Впрочем, не станем давать советы власть имущим – толку-то. Кроме разве что одного. Менеджер нью-йоркской бейсбольной команды «Янки» Билли Мартин, уволенный с должности, оставил своему преемнику Йоги Берру два конверта с указанием последовательно вскрыть, но только в случае крайней необходимости. Когда дела пошли хуже, Берр вскрыл конверт номер 1. Там была записка «Вали все на меня». Он так и поступил, и это ему помогло. Но дела снова ухудшились, причем настолько, что Берр вскрыл конверт номер 2. Знаете, что там было написано?

«Приготовь два конверта»...

www.megabook.do.am